

ДАЛЁКАЯ БЛИЗКАЯ ВОЙНА

**Как россияне воспринимают
военные действия в Украине**
февраль-июнь 2022

**Аналитический отчет по результатам
качественного социологического
исследования**

под редакцией Светланы Ерпылевой и Натальи Савельевой

**лаборатория
публичной
социологии**

Аида Белокрысова

Максим Алюков

Аля Денисенко

Светлана Ерпылева

Анатолий Кропивницкий

Ирина Козлова

Надежда Коротникова

Вероника Птицына

Наталья Савельева

Владислав Сияуткин

Александра Стопкина

Ярослава Теренко

Серафима Юпинова

и два автора, пожелавших остаться анонимными

под редакцией

С. Ерпылевой и Н. Савельевой

худ. оформление: Николай Олейников

**лаборатория
публичной
социологии**

Оглавление

Введение

КАК РОССИЯНЕ ОТНОСЯТСЯ К ВОЙНЕ В
УКРАИНЕ? ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

стр. 12

НАШ ОТЧЕТ

стр. 17

Методология

СБОР ДАННЫХ

стр. 23

ОПИСАНИЕ ДАННЫХ

стр. 26

АНАЛИЗ ДАННЫХ

стр. 34

ЧАСТЬ 1.

Сторонники войны

1.1.

ПОЗИЦИЯ: ПОЧЕМУ ОНИ ЗА И ЗА ЧТО?

стр. 37

Неизбежность, необходимость,
неотложность

стр. 37

Спасение, противостояние,
геополитика

стр. 39

Нацизм как риторическое
усиление и личный мотив

стр. 44

«Это не война»

стр. 46

«Я против войны, но...»

стр. 47

Что не нравится сторонникам
войны в «специоперации»?

стр. 49

1.2.

ЭМОЦИИ: КАК ОНИ ПЕРЕЖИВАЮТ ВОЙНУ?

стр. 52

Первая реакция на известие
о войне

стр. 52

Спустя месяц(ы): эмоции сейчас

стр. 57

1.3.	ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ: ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ/СМОТРЯТ И ЧЕМУ ВЕРЯТ?	стр. 59
	Источники информации	стр. 59
	Отношение к информации	стр. 62
	Стратегии обращения с информацией	стр. 66
	Пропаганда как источник аргументов	стр. 69
1.4.	ДРУЗЬЯ И БЛИЗКИЕ: КАК И С КЕМ ОНИ (НЕ) РАЗГОВАРИВАЮТ О ВОЙНЕ?	стр. 71
	Социальное окружение сторонников: типология	стр. 72
	Представления о единомышленниках и оппонентах	стр. 76
	Взаимодействие с оппонентами	стр. 79
1.5.	ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ: ЧЕГО ОНИ ЖДУТ И БОЯТСЯ?	стр. 82
	Экономические последствия	стр. 83
	За пределами экономики: как закончится война?	стр. 90
	Позитивные последствия	стр. 91
	Негативные последствия	стр. 91
1.6.	ЖЕРТВЫ: КАК ОНИ ОЦЕНИВАЮТ МАСШТАБЫ ЖЕРТВ И РЕАГИРУЮТ НА НИХ?	стр. 94
	Информация о жертвах: следят ли за ней сторонники «спецоперации»?	стр. 94
	Эмоциональная реакция на информацию о жертвах	стр. 99
1.7.	АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ: ЧТО ОНИ ДУМАЮТ О ПРОТЕСТУЮЩИХ ПРОТИВ ВОЙНЫ?	стр. 103

	Имеют ли антивоенные протесты право на существование?	стр. 104
	Как на антивоенные протесты должно реагировать государство?	стр. 110
1.8.	ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ: СЛЕДИЛИ ЛИ ОНИ ЗА (ГЕО)ПОЛИТИКОЙ РАНЬШЕ И СЛЕДЯТ ЛИ СЕЙЧАС?	стр. 112
	Следили (за политической ситуацией) и все знаем	стр. 113
	Не следили (за политической ситуацией), но осуждаем	стр. 118
	Поддерживают ли сторонники войны Путина и режим?	стр. 121
ЧАСТЬ 2.	Сомневающиеся	
2.1.	ПОЗИЦИЯ: В ЧЕМ ОНИ СОМНЕВАЮТСЯ, ЗА ЧТО ОНИ И ПРОТИВ ЧЕГО?	стр. 128
	Иметь позицию – значит обладать информацией	стр. 128
	Виноваты все и никто не виноват	стр. 133
	Власти знают, что делают (наверное)	стр. 134
	Негативные эмоции и моральные сомнения – не повод быть против	стр. 135
	Отождествление с государством	стр. 138
2.2.	ЭМОЦИИ: КАК ОНИ ПЕРЕЖИВАЮТ ВОЙНУ?	стр. 140
	Первая реакция на известие о войне	стр. 141
	Спустя месяц(ы): эмоции сейчас	стр. 142
	Как эмоции связаны с отношением сомневающихся к войне?	стр. 145

2.3.	ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ: ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ/СМОТРЯТ И ЧЕМУ ВЕРЯТ?	стр. 148
	Источники информации	стр. 148
	Отношение к информации	стр. 150
	Стратегии обращения с информацией	стр. 152
2.4.	ДРУЗЬЯ И БЛИЗКИЕ: КАК И С КЕМ ОНИ (НЕ) РАЗГОВАРИВАЮТ О ВОЙНЕ?	стр. 156
	Социальное окружение сомневающихся: типология	стр. 157
	Представления о единомышленниках и оппонентах	стр. 160
	Взаимодействие с оппонентами	стр. 162
2.5.	ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ: ЧЕГО ОНИ ЖДУТ И БОЯТСЯ?	стр. 165
	Экономические последствия	стр. 166
	За пределами экономики: заложники ситуации	стр. 169
2.6.	ЖЕРТВЫ: КАК ОНИ ОЦЕНИВАЮТ МАСШТАБЫ ЖЕРТВ И РЕАГИРУЮТ НА НИХ?	стр. 172
	Информация о жертвах: следят ли за ней сомневающиеся?	стр. 172
	Эмоциональная реакция на информацию о жертвах	стр. 175
2.7.	АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ: ЧТО ОНИ ДУМАЮТ О ПРОТЕСТУЮЩИХ ПРОТИВ ВОЙНЫ?	стр. 179
	Имеют ли антивоенные протесты право на существование?	стр. 179
	Как на антивоенные протесты должно реагировать государство?	стр. 182

2.8.	ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ: СЛЕДИЛИ ЛИ ОНИ ЗА (ГЕО)ПОЛИТИКОЙ РАНЬШЕ И СЛЕДЯТ ЛИ СЕЙЧАС?	стр. 184
	<p>Крым, Украина, Россия, НАТО: взгляд на (гео)политику до войны</p> <p>Поддерживают ли сомневающиеся Путина и режим?</p>	стр. 184 стр. 187
ЧАСТЬ 3.	Противники войны	
3.1.	ПОЗИЦИЯ: ПОЧЕМУ ОНИ ПРОТИВ И ПРОТИВ ЧЕГО?	стр. 192
	<p>Против любой войны или войны в Украине?</p> <p>От «во всем виноват Путин» до «братский народ» и «бессмысленная война»: основные аргументы противников войны</p>	стр. 192 стр. 194
3.2.	ЭМОЦИИ: КАК ОНИ ПЕРЕЖИВАЮТ ВОЙНУ?	стр. 199
	<p>Первая реакция на известие о войне</p> <p>Спустя месяц(ы): эмоции сейчас</p>	стр. 199 стр. 205
3.3.	ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ: ЧТО ОНИ ЧИТАЮТ/СМОТРЯТ И ЧЕМУ ВЕРЯТ?	стр. 210
	<p>Источники информации</p> <p>Отношение к информации</p> <p>Стратегии обращения с информацией</p>	стр. 210 стр. 213 стр. 216
3.4.	ДРУЗЬЯ И БЛИЗКИЕ: КАК И С КЕМ ОНИ (НЕ) РАЗГОВАРИВАЮТ О ВОЙНЕ?	стр. 222
	<p>Социальное окружение противников: типология</p>	стр. 223

	Представления о единомышленниках и оппонентах	стр. 227
	Взаимодействие с оппонентами	стр. 230
3.5.	ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ: ЧЕГО ОНИ ЖДУТ И БОЯТСЯ?	стр. 234
	Экономические последствия	стр. 235
	За пределами экономики: экзистенциальная угроза	стр. 240
	Повседневность и война	стр. 242
	Изменения социальности	стр. 243
3.6.	ЖЕРТВЫ: КАК ОНИ ОЦЕНИВАЮТ МАСШТАБЫ ЖЕРТВ И РЕАГИРУЮТ НА НИХ?	стр. 245
	Информация о жертвах: следят ли за ней противники войны?	стр. 245
	Эмоциональная реакция на информацию о жертвах	стр. 251
3.7.	АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ: КАКИЕ МОТИВЫ У ПРОТЕСТУЮЩИХ ПРОТИВ ВОЙНЫ?	стр. 254
	Почему россияне выходят на антивоенные протесты?	стр. 255
	Как именно люди решаются выйти на антивоенные протесты?	стр. 259
	Впечатления от антивоенных протестов	стр. 261
3.8.	ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ: СЛЕДИЛИ ЛИ ОНИ ЗА (ГЕО)ПОЛИТИКОЙ РАНЬШЕ И СЛЕДЯТ ЛИ СЕЙЧАС?	стр. 264
	Крым, Украина, Россия, НАТО: взгляд на (гео)политику до войны	стр. 265
	Поддерживают ли противники Путина и режим?	стр. 269

Противники, сторонники и сомневающиеся: сравнение

4.1.	позиция	стр. 274
4.2.	эмоции	стр. 276
4.3.	источники информации	стр. 280
4.4.	друзья и близкие	стр. 276
4.5.	последствия войны	стр. 283
4.6.	жертвы	стр. 285
4.7.	антивоенные протесты	стр. 287
4.8.	интерес к политике	стр. 289

Заключение

Введение

Уже много месяцев длится так называемая «специальная военная операция» России на территории Украины. Война, которую большинство жителей России и Украины не могли себе представить еще год назад, стала нашей новой реальностью. Она навсегда унесла множество жизней украинских граждан, украинских и российских военных, подорвала систему международной безопасности и международных отношений.

Война затрагивает не только Украину. Она также поставила ряд вопросов о российском обществе. Почему россияне молчат? Неужели они одобряют убийства украинских граждан, ведущиеся от их имени? Почему часть россиян поддерживают военные действия? Есть ли в России недовольные войной? Пытаются ли они бороться с войной, и как?

С начала «специальной операции» опросные компании, лояльные Кремлю, публикуют внушительные цифры поддержки военных действий со стороны россиян. Но можно ли верить этим цифрам? В ответ на «официальные» цифры независимые опросные компании, исследовательские группы, а также активисты стали проводить и публиковать собственные результаты опросов россиян о войне с конца февраля 2022 года. Эти опросы, однако, также показывали, что большинство россиян являются сторонниками военных действий РФ в Украине — несмотря на то, что их результаты ниже, чем у провластных поллстеров.

Но помогают ли даже честные опросы понять, что россияне думают о войне? Только отчасти. Во-первых, абсолютные цифры поддержки войны из опросов имеют весьма опосредованную связь с реальными масштабами этой поддержки. Известно, что в авторитарных режимах респонденты склонны выбирать ответы, подчеркивающие их лояльность власти; кроме того, опросные компании, включая независимые, сталкиваются с большим количеством отказов отвечать на вопросы. Во-вторых, опросы редко помогают понять особенности восприятия россиянами войны. Например, одни россияне отвечают на вопросы о поддержке «специальной военной операции» на территории Украины утвердительно, а другие — отрицательно. Но что именно поддерживают первые и что не нравится вторым? Более

того, скорее всего лишь незначительная часть россиян имеет однозначное мнение по поводу «спецоперации», в то время как позицию большей части людей невозможно описать простыми формулами «за» или «против». Их отношение к происходящему противоречивое, сложное. Таким образом, для более глубокого понимания восприятия войны россиянами количественных методов недостаточно — требуется также качественное исследование.

Именно такое исследование провела наша команда, и его результаты представлены в этом отчете. Но прежде, чем перейти к ним, мы опишем, что нам уже известно об отношении к войне россиян из других опубликованных материалов.

Как россияне относятся к войне в Украине? Предыдущие исследования

Мы не ставим своей целью познакомить читателя со всеми выпшедшими с начала войны публикациями о восприятии этой войны россиянами — их было слишком много. Однако мы попробуем рассказать об основных из них.

Опираясь на опросные методы, команда [Russian Field](#) (иногда — в сотрудничестве с другими исследователями и активистами) наблюдает за отношением россиян к войне с конца февраля 2022. Исследователи зафиксировали несколько важных закономерностей. Так, например, чем старше люди и чем они обеспеченнее, тем скорее они будут отвечать положительно на вопрос о поддержке войны, заявлять о своей поддержке общего направления, в котором движется Россия, в меньшей степени поддерживать переход к мирным переговорам с Украиной. Мужчины чаще женщин выступают за продолжение военных действий. Среди сторонников «спецоперации» больше телезрителей, читателей новостей в Яндекс и тех, кто узнает новости по «сарафанному радио». Команда Russian Field также проанализировала мотивации тех, кто отказывается отвечать на

вопросы интервьюеров (или прерывают интервью в начале). Оказалось, что ими, главным образом, движет: а) представление о том, что только эксперты в политике могут отвечать на вопросы о политике, то есть ощущение недостатка собственных знаний и компетенций; б) потребность «в душевном спокойствии», которая нарушается при разговоре про «спецоперацию», в) недоверие к опросной компании и незнакомому интервьюеру. Получается, что сторонники войны чаще других соглашаются принимать участие в опросах на тему событий в Украине. Скорее всего, это увеличивает долю сторонников «спецоперации» среди опрошенных, хотя и не понятно, на сколько.

Команда социологов из проекта [Extreme Scan](#) тоже проводит опросы россиян о «спецоперации» с конца февраля и анализирует данные чужих опросов. Их анализ подтверждает влияние возраста, дохода и источников информации на поддержку военного вторжения России в Украину, описанное выше. Данные команды также обнаруживают, что среди поддерживающих войну больше далеких от политики людей, и что у сторонников и противников войны действия России вызывают разные эмоции: чаще всего это гордость, надежда и уважение в случае сторонников и тревога, возмущение и разочарование в случае противников. Социологи утверждают, что «милитаристы» (те, кто полностью поддерживают «операцию» и не хотят ее окончания без достижения поставленных целей) и «пацифисты» (наоборот) составляют меньшинство россиян, большинство же — где-то посередине. Например, треть респондентов одного из опросов команды, вне зависимости от их поддержки войны (!), желают скорейшего окончания «спецоперации» на условии каких-то компромиссов (например, признания Крыма российским). Любопытно также, что больше половины респондентов говорят, что запутались в декларируемых властью целях «специальной операции».

Политик Алексей Миняйло вместе с единомышленниками («профессиональными социологами, аналитиками и специалистами по большим данным») регулярно проводят опросы россиян (и иногда — украинцев) и публикуют результаты на сайте проекта [Хроники](#). Эти опросы снова подтверждают

описанные выше зависимости поддержки от возраста, дохода и источников информации. Проведенный в конце марта опрос команды показывает, что почти треть россиян желает скорейшего окончания войны — даже без выполнения каких-либо условий со стороны Украины. Социологи также обнаруживают, что уже в марте люди начинают существенно ощущать влияние санкций. В целом, войну в большей степени склонны поддерживать те россияне, которые меньше от нее страдают. Опрос середины мая, в свою очередь, показывает, что затянувшееся ожидание окончания войны снижает уверенность людей в победе России.

Константин Айзенберг с коллегами провели собственное [исследование](#) отношения россиян к войне, используя как количественные, так и качественные методы. К сожалению, результаты качественного этапа исследования не опубликованы. Количественный этап интересен тем, что социологи, отталкиваясь от уже известных нам положений о том, что «партия войны» и «партия мира» — это меньшинство россиян, попытались разбить своих респондентов на разные группы в зависимости от типа их отношения к «специальной операции». Исследователи представили следующую классификацию: а) «пацифисты возмущаются СССР» — воодушевлены, хотят победы, обладают максимально воинственными установками; б) «терпеливый народ» — уверены, что на нас напали и руководству видней, как отвечать, на что-то надеются, но не уверены в лучшей жизни, хотят победы, но считают, что надо договариваться; в) «за СССР, против власти» — ожидают ухудшения жизни, сомневаются в разумности «специальной операции», ругают власть, но не готовы на диалог с несогласными с войной; г) «у нас в деревне свои проблемы» — живут своей жизнью, не думают о войне, скорее поддерживают «специальную операцию», но вообще им все равно; д) «все плохо, но это моя страна» — негативные эмоции, хотят окончания войны, но переживают за Россию; е) «внутренний эмигрант» — в ужасе от происходящего, против войны, чувствуют себя чужими в своей стране. Итак, между однозначной поддержкой войны и однозначным ей противостоянием — множество промежуточных и противоречивых позиций.

Отдельное внимание стоит обратить на ряд методологических публикаций, которые обсуждают как и почему опросы

демонстрируют завышенные цифры поддержки «спецоперации», описывают сложности анализа опросных данных в авторитарных режимах и в ситуации военной цензуры, изучают как и почему респонденты отказываются отвечать на вопросы. Такие материалы опубликованы, например, [здесь](#), [здесь](#), [здесь](#) или [здесь](#) (а выше мы уже рассказали о похожей публикации команды Russian Field). Насколько нам известно, на момент написания этого отчета (август 2022) в общем доступе не появилось исследовательских публикаций, основанных на анализе качественных данных. Однако отдельные исследователи и журналисты публиковали размышления и эссе, в которых они опирались на разговоры/наблюдения с россиянами. Не являясь в строгом смысле «социологическими исследованиями», многие из этих материалов обладают, тем не менее, большой познавательной ценностью.

Так, Джереми Моррис, который исследует российское общество уже более 20 лет, написал небольшое [эссе](#) на основе своих разговоров с россиянами о войне в первые ее дни. С его точки зрения, поддержка большинства россиян «спецоперации» — не активная, но пассивная: люди не любят власть, но консолидируются вокруг нее в ситуации, когда западные санкции и российские пропагандистские нарративы усиливают их чувства исключенности из процветающего мира запада. [Заметки](#) Валерия Кострова, опубликованные в блоге Джереми Морриса, затрагивают ту же самую тему: разрыв между российской западно-ориентированной интеллигенцией из крупных городов и «обычными людьми» из городов поменьше играет на руку поддержке войны, усиливаясь в связи с западными санкциями и настраивая вторых против первых.

Журналист Шура Буртин опубликовал [статью](#) по результатам своих (и своей коллеги-социолога) систематических разговоров со сторонниками войны в марте и апреле 2022. Наблюдения, сделанные Бутриным, сложно было бы получить с помощью опросов. Собеседники исследователей часто использовали пропагандистские клише в своих оправданиях войны, но сопровождали их словами вроде «я, конечно, не политик, это просто мое личное мнение». Они догадывались о страданиях и смертях мирных жителей во время войны — но защищались

от этого знания («людей жалко, но что поделать»). Рассуждения людей о войне редко представляли собой продуманные, консистентные позиции: обычно в их речи было множество противоречий. Например, говорили собеседники Буртина, мы освобождаем жителей Украины, но мирное население против нас; нельзя было поступить по-другому, но вообще я не следил за развитием ситуации раньше; я отношусь к украинцам нормально, но их надо наказывать — и так далее. И самое интересное: *«Мы заметили, — говорит Буртин о себе и своей коллеге-социологе, — что реальные чувства людей проявлялись не столько в речовке, сколько в мелких замечаниях, оговорках, наездах, избеганиях, противоречиях, интонациях, взглядах, позах».*

Журналистка Евгения Альбац, как и Шура Буртин, поговорила с россиянами о войне — но чуть позже, в апреле 2022. По итогам этих разговоров она также опубликовала небольшой [аналитический материал](#). Собеседники Альбац, впрочем, вряд ли сообщают нам что-то новое по сравнению с собеседниками Буртина. Пожалуй, стоит отметить вот что: противники войны соглашались говорить с журналисткой с гораздо большим сопротивлением, чем ее сторонники — чаще всего для разговора с противниками нужно было, чтобы Альбац представил надежный человек, и чтобы она гарантировала полную анонимность.

Еще один любопытный [материал](#) опубликовала Медуза. В публикации собраны истории нескольких россиян, которые прежде не интересовались политикой, а теперь сами, от своего имени, рассказывают об отношении к «спецоперации».

Иными словами, мы уже немало знаем о том, как россияне воспринимают войну и понимаем, что делить людей на смелых противников и зомбированных сторонников войны — неверно. Но нам не хватает систематического анализа качественных данных о восприятии россиянами войны, который мог бы выйти за пределы количественного распределения поддержки / критики войны среди населения и подтвердить, скорректировать, и дополнить важные наблюдения, сделанные журналистами-исследователями.

Именно об этом — наш отчет.

Наш отчет

Наш отчет представляет собой описание и первичный анализ социологических интервью с россиянами об их восприятии войны в Украине и ее последствий.

С конца февраля и до начала июня 2022 года мы собрали 213 интервью с людьми разных взглядов и позиций из разных городов России. Поскольку наше исследование — качественное, мы не ставим своей задачей оценить, сколько россиян придерживается того или иного мнения в отношении войны. Наша задача — описать спектр существующих в обществе позиций. Такое описание — первый шаг на пути к объяснению того, почему те или иные люди поддерживают или не поддерживают войну.

Для поиска информантов мы использовали социальные сети (размещая объявления с просьбой откликнуться тех, кто хотел бы дать интервью) и личные связи. Это позволило рекрутировать информантов методом «снежного кома», используя рекомендации тех, с кем нам уже удалось поговорить. Это не значит, что нам удалось охватить все возможные типы восприятия войны — какие-то группы людей в нашей выборке представлены мало или не представлены совсем. Например, наша выборка оказалась «перекошена» в сторону россиян с высшим образованием. Тем не менее, в результате оказалось, что по ключевым характеристикам наша выборка сохраняет распределения, зафиксированные в опросах: например, среди поддерживающих войну больше людей старшего возраста, а среди противников — молодых, среди сомневающихся и поддерживающих больше аполитичных людей, чем среди противников — и так далее. Подробнее мы описываем это в разделе ниже.

В аналитических целях всех наших собеседников мы разделили на три группы: сторонники войны, противники войны и сомневающиеся. В реальности восприятие войны представляет собой континуум: от убежденных противников до убежденных сторонников с большинством где-то посередине. Тем не

менее, для описания различий внутри «одинаковых» позиций и сравнения разных позиций между собой полезно каким-то образом разделить людей на группы. В основании нашей классификации — прежде всего, самоопределение информантов. Сторонники войны — это те, кто говорят в интервью, что они поддерживают «спецоперацию». Кто-то говорит об этом уверенно и непротиворечиво, кто-то — с сомнением, со множеством «но», критикуя разные аспекты «операции» — но, тем не менее подчеркивая, что они все равно выступают «за». Противники войны, очевидно, заявляют о своем неприятии «спецоперации». Наконец, сомневающиеся — это те, кто отказывается занять позицию в течение всего интервью: например, они не могут определиться среди множества аргументов «за» и «против» или они подчеркивают, что далеки от политики и не хотят комментировать решения политических элит, которые их не касаются.

В этом отчете мы отвечаем на следующие вопросы:

- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся описывают свои позиции и размышляют о войне?
- ▶ Какие эмоции сторонники войны, ее противники и сомневающиеся испытывают с начала войны?
- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся узнают и воспринимают информацию о войне?
- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся оценивают масштаб жертв во время войны и реагируют на них?
- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся общаются со своими близкими о войне?
- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся оценивают антивоенные протесты? И каковы мотивы тех противников войны, что выходят на протесты?
- ▶ Как сторонники войны, ее противники и сомневающиеся следят (или не следят) за политикой и участвуют в ней?

Отчет разбит на четыре части. Три из них полностью симметричны. Первая посвящена сторонникам войны, вторая — сомневающимся, третья — ее противникам. Каждая часть состоит из одинакового количества разделов: по разделу на один из перечисленных выше вопросов. В четвертой части мы сравниваем три группы информантов между собой. Отчет также включает методологическую часть и заключение. Некоторые предварительные и сфокусированные на отдельных темах результаты этого исследования уже были опубликованы в академических статьях и СМИ, например, [здесь](#), [здесь](#), [здесь](#) или [здесь](#).

В этом отчете почти нет ссылок на теории и работы других исследователей. Его цель — максимально полно суммировать и аналитически описать наши данные. Поэтому в отчете много цитат и примеров. В нем также почти нет специальных терминов. Мы старались писать отчет так, чтобы он был понятен и интересен широкому кругу читателей.

Над отчетом работала большая команда исследователей. Ее костяк и инициатор всего исследования — Лаборатория публичной социологии (PS Lab), независимая группа социальных ученых, исследующих политику и общество на постсоветском пространстве. Однако в процессе исследования, после обсуждения самых первых его результатов, к команде стали присоединяться другие коллеги-социологи, заинтересованные в осмыслении новых российских политических реалий. Все, кто работал над текстом этого отчета, указаны среди его авторов в алфавитном порядке. Команда интервьюеров отчасти пересекается с командой авторов отчета, но не полностью. Интервью для этого проекта собирали (в алфавитном порядке): Аида Белокрысова, Максим Алюков, Ирина Антошук, Аля Денисенко, Кира Евсеев, Светлана Ерпылева, Вероника Птицына, Дарья Зыкова, Ирина Козлова, Надежда Кокоева, Анатолий Кропивницкий, Ярослава Теренко, Александр Макаров, Наталья Савельева, Владислав Сияуткин, Анна Шабанова, Серафима Юпинова и несколько волонтеров, пожелавших остаться анонимными. Кодированием данных, помимо команды авторов отчета, занималась также Анастасия Богданова.

Проект реализован на волонтерских началах, у него нет заказчиков и финансирования. Все мы — люди с разными, но антивоенными взглядами, и мы движимы профессиональным долгом и желанием понять исторические трансформации нашего общества, происходящие на наших глазах. Как профессиональные социальные ученые и приверженцы качественной социологии, мы осознаем, что это исследование не является политически и ценностно нейтральным. Мы не являемся отстраненными наблюдателями, но участниками, которые переживают и анализируют происходящее, как и наши информанты. Мы — граждане России и Украины, люди молодого и среднего возраста, которые выросли в постсоветское время, для которых русский — родной язык. Мы вовлечены в происходящие социальные процессы, и они непосредственно влияют на нашу жизнь, личную и профессиональную. Например, многие из нас обеспокоены рисками личной безопасности в связи с написанием этого текста в условиях репрессивного законодательства. Наша включенность, неравнодушие, близость к теме дают как преимущества, так и ограничения в отношении научного поиска. С одной стороны, мы говорим с информантами «на одном языке». Мы понимаем отсылки к «очевидному» контекстуальному знанию, шутки, иронию — в общем, всевозможные смыслы, которые укоренены в постсоветском культурном контексте. С другой стороны, наши (хотя и разные) антивоенные позиции отражаются на исследовании: в частности, на нашей мотивации, формулировке вопросов, доступу к информантам. Мы также осознаем, что мы можем частично солидаризироваться и воспроизводить смысловые конструкции противников войны. Однако как исследователи мы понимаем эти риски, поэтому не оцениваем информантов и их мнения, а стремимся воссоздать полную картину восприятия войны каждой группой информантов — и сопоставить эти картины. Для минимизации возможного влияния личной позиции мы придерживаемся стандартизированных процедур анализа и одинаковой структуры отчета для всех групп информантов. Кроме того, каждая из частей отчета, посвященная противникам войны, ее сторонникам и сомневающимся соответственно, написана множеством разных авторов.

Мы благодарим художника Николая Олейникова за оформление отчета. Мы благодарим наших друзей и коллег, которые помогали нам в поиске информантов: Веру Дубину, Валентину Паршину, Екатерину Савельеву. Мы благодарим всех наших информантов, которые согласились поговорить с нами, несмотря на сложность темы и военную цензуру в стране.

Методология

В этом разделе мы расскажем о том, как и какие данные мы собрали, как мы их анализировали и какие ограничения есть у наших данных и методов анализа.

Сбор данных

Идея этого исследования родилась через несколько дней после начала войны. Еще через несколько дней в стране появилась военная цензура и жестокие наказания за антивоенные высказывания. Находить людей, готовых в течение часа разговаривать с незнакомыми исследователями, оказалось не так-то просто. Поэтому мы приняли решение не использовать строгих критериев отбора информантов — мы говорили со всеми, до кого могли дотянуться. Наша команда собирала интервью с 27 февраля по 13 июня 2022 года. Большинство интервью взяты в марте и апреле 2022 года.

Мы использовали несколько способов поиска и рекрутинга информантов:

- 1**° Большое количество интервью взято онлайн, с информантами, откликнувшимися на распространенные командой исследователей призывы в социальных сетях, как личных, так и Лаборатории публичной социологии. Часть объявлений о поиске информантов размещались в районных группах Москвы и Санкт-Петербурга. Часть — в чатах участников антивоенных митингов.
- 2**° Большое количество интервью также взято онлайн с информантами, рекомендованными другими информантами, а также являющиеся родственниками, знакомыми, знакомыми знакомых кого-то из исследователей или из друзей/коллег исследователей (метод «снежного кома»).
- 3**° Значительное количество интервью с противниками войны собрано во время антивоенных протестов в Санкт-Петербурге и Москве.
- 4**° Небольшое количество интервью было взято в ходе личных повседневных взаимодействий наших интервьюеров — например, с продавцом магазина возле дома, парикмахером в привычной парикмахерской, барменом в любимом баре и т.п.

5° Наконец, небольшое количество интервью было собрано онлайн и оффлайн с информантами, которых некоторые исследователи нашей команды интервьюировали в рамках других проектов, а потом попросили дать интервью про войну.

Интервью длились от 5 минут (на антивоенных митингах) до 2,5 часов. Большинство интервью при этом длилось 40-60 минут. Интервью расшифровывались профессиональным расшифровщиком.

Интервьюерами выступали как участники исследовательской команды, так и несколько волонтеров. Волонтерам были даны подробные инструкции по технике сбора социологических интервью. Если исследователи использовали собственные социальные связи для рекрутинга информантов (предлагали для интервью своих родственников или друзей) — контакты таких информантов чаще всего передавались другим исследователям из команды для того, чтобы интервьюера и информанта не связывали близкие отношения.

Для всех групп информантов (сторонников войны, ее противников и сомневающихся) использовался общий гайд для интервью с незначительными вариациями (например, противникам, выходящим на протесты, мы задавали несколько специальных вопросов про протестное участие; для сомневающихся требовалось чуть больше вопросов для выяснения их восприятия войны). Основные тематические блоки гайда легли в основу структуры этого отчета (оправдания/объяснение своего отношения к войне, эмоции, потребление информации, отношение к жертвам, общение с близкими, оценка последствий и санкций и изменение повседневности, протестный опыт для противников и отношение к антивоенным протестам для сторонников и сомневающихся, степень политизированности и интерес к политике).

Все интервью были собраны на условиях анонимности. Мы не знаем настоящих имен и фамилий большинства своих информантов. Известные нам имена и фамилии информантов не зафиксированы ни на записях, ни в транскриптах.

Из транскриптов убрана любая информация, которая позволила бы установить личность человека. Данные хранятся на облачном сервисе, доступ к которому есть только у авторов этого отчета.

Разумеется, как и наши коллеги, проводящие опросы, мы столкнулись с рядом сложностей в процессе сбора данных. В нашем случае самой легкой для рекрутинга группой оказались противники войны. Это произошло по нескольким причинам. Можно предположить, что из-за схождения позиций (Лаборатория выступала с открытой критикой войны) именно им было проще установить с нами доверительные отношения, что особенно важно для интервью на чувствительные / опасные темы. Сложнее всего было найти тех, кто считает себя недостаточно осведомленными в политике для «интервью», не хочет говорить о войне даже со всеми близкими, всячески дистанцируется от этой тематики. Вот несколько отказов такого рода, которые мы получили по переписке (авторская орфография и пунктуация сохранены): *«Да, нет, не хочется мне. Хочется, что б скорее все закончилось. Объяснять я плохо умею...»* (**женщина, около 45 лет**), *«Нет спасибо, воздержусь от мнения! Господь Бог разберется!»* (**женщина, около 40 лет**), *«Привет, я для себя решила, что не буду никак касаться политических вопросов нигде»* (**женщина, около 35 лет**). Многие, не будучи противниками войны, боялись давать анонимные интервью исследователям, ведомые соображениями «а мало ли что». Так, например, одна потенциальная информантка, рекрутированная мамой исследовательницы, сначала согласилась поговорить с нами, а потом прислала сообщение с отказом: *«О. [имя мамы], что-то меня напугали мои [родственники]... Извинись перед С. [имя исследовательницы], я не буду участвовать в соц опросе про войну... что то напряженно. Не давай мой номер телефона»* (**женщина, около 55 лет**). Такие информанты были рекрутированы в основном через социальные связи исследователей и соглашались дать интервью из соображений дружбы и помощи близким. Большинство из них попали в группу «сомневающиеся». Поддерживающих «спецоперацию» оказалось найти проще, чем сомневающийся, но гораздо сложнее, чем противников войны: они не склонны были откликаться на призывы в социальных сетях и часто с подозрением относились к просьбе об интервью.

Описание данных

Всего в нашей базе данных находятся 213 интервью. Наша выборка не репрезентативна по отношению к населению России: так, например, в ней сверхпредставлены люди с высшим образованием, а также жители Москвы и Санкт-Петербурга. Это означает, что на основании наших данных нельзя сказать, как относятся к войне «большинство» и «меньшинство» россиян, но можно качественно описывать существующие в обществе типы отношения к войне. Часто повторяющиеся способы осмыслять и оценивать событие войны и ход военных действий позволяют нам строить гипотезы о закономерностях в осмыслении войны разными группами людей, несмотря на нерепрезентативность выборки.

Из 213 интервью в нашей базе данных 134 интервью с противниками войны, 49 интервью со сторонниками войны и 30 интервью с сомневающимися. Такие различия между группами обусловлены стратегиями рекрутинга информантов, описанными в предыдущем разделе.

Ниже мы описываем нашу базу данных по пяти характеристикам: пол, возраст, образование, доход, география. Внутри каждой из этих характеристик мы сравниваем три группы: сторонников войны, ее противников и сомнеющихся. Поскольку наша выборка не репрезентативна, тенденции, которые мы видим на наших данных, могут не совпадать с тенденциями в российском обществе в целом.

Количество информантов \ пол

Среди противников войны в нашей выборке женщин чуть больше (51%), чем мужчин (48%), тогда как среди ее сторонников значительно больше мужчин (67%).

Пропорция мужчин и женщин среди сомнеющихся обратна той же пропорции среди сторонников: женщин в два раза больше (67%), чем мужчин (33%). (см. таблицу 1 на стр. 29)

Количество информантов \ возраст

Противники войны — самая молодая по возрасту группа информантов. Среди них преобладают люди в возрасте от 25 до 39 лет (48%). Треть — молодые люди до 24 лет (33%). Намного меньше среди противников людей в возрасте от 40 до 64 лет (16%).

Информанты-сторонники, напротив, самые старшие по возрасту. Большинству из них от 40 до 64 лет (47%), около трети — от 25 до 39 лет (31%), и только 12% из них младше 25 лет.

Возрастной состав сомневающихся информантов более сбалансирован: треть из них младше 24 лет (33%), немного больше находятся в возрасте от 25 до 39 лет (37%), и немного меньше — от 40 до 69 лет (27%).

Возраст одного информанта нам не известен. **(см. таблицу 2 на стр. 30)**

Количество информантов \ образование

В нашей выборке преобладают люди с высшим образованием: таких информантов — большинство в каждой из трех групп. При этом их доля значительно выше среди сторонников (71%), и несколько ниже среди противников (54%) и сомневающихся (47%). Частично это объясняется тем, что сторонники старше остальных, а значит, среди них больше тех, кто успел завершить обучение в высшем учебном заведении.

Среди противников и сомневающихся довольно много студентов (24% и 27% соответственно), тогда как среди сторонников их значительно меньше (6%). Среди сторонников и сомневающихся есть значительное количество информантов со средне-специальным образованием (14% и 13% соответственно), тогда как среди противников их доля незначительна (3%).

Образование десяти информантов нам неизвестно. **(см. таблицу 3 на стр. 31)**

Количество информантов \ доход

Группы информантов отличаются по уровню дохода. Среди противников войны и особенно среди сомневающихся преобладают люди с низким достатком — 45% и 54% соответственно имеют доход до 50 тыс. руб. в месяц, что ниже средней заработной платы в России (57244 руб. в 2021 г. по данным Росстата). Сторонники отличаются более высоким достатком: большинство имеет доход от 51 до 100 тыс. руб. (44%) и от 101 до 150 тыс. руб. (19%). Это частично объясняется разницей в возрасте между группами информантов. Многие противники являются студентами или молодыми специалистами. Напротив, сторонники в среднем старше, а значит, имеют большой опыт работы и могут занимать более высокооплачиваемые позиции. Среди сомневающихся выделяются информанты (19%) с более высокими доходами (151–200 тыс. руб.). Скорее всего, это связано с неоднородностью группы — по возрасту и, возможно, другим критериям.

Доход 42 информантов нам неизвестен, и информация о нем может существенно изменить распределение. (см. таблицу 4 на стр. 32)

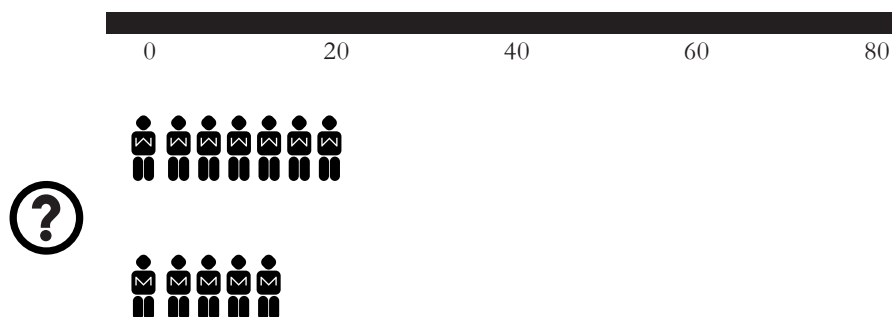
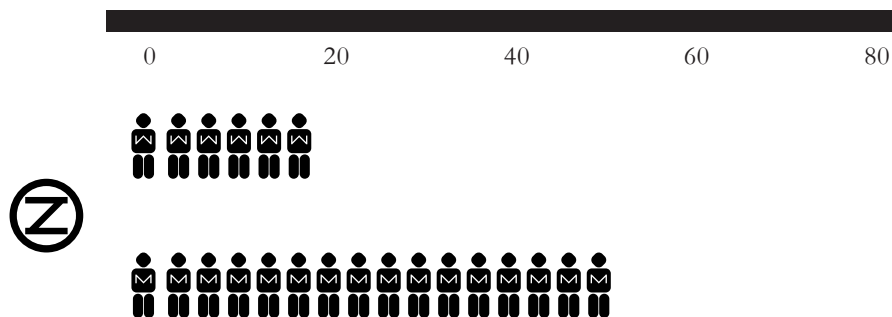
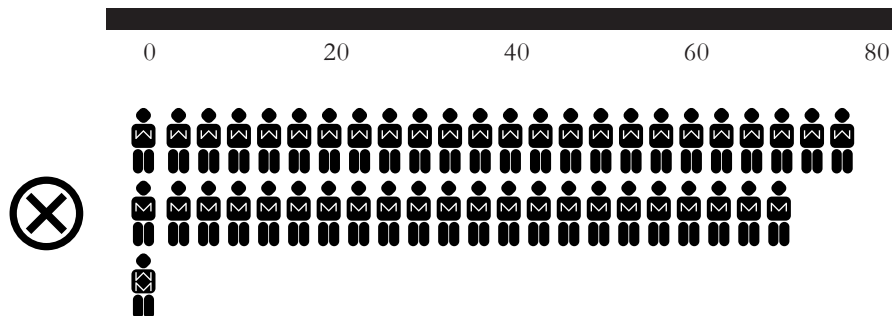
География исследования

Наконец, на последней иллюстрации представлено распределение наших информантов по городам (для всей выборки). Большинство интервью взято с жителями европейской части России, в первую очередь — Москвы и Санкт-Петербурга, а также Московской и Ленинградской областей. В 11 городах России было взято от 2 до 7 интервью в каждом, и еще в 13 — по одному интервью.

Хотя наша выборка не является репрезентативной, она отражает некоторые общие тенденции, зафиксированные массовыми опросами: например, сторонники войны старше, чем противники войны, и среди них больше мужчин. В то же время уровень образования не является различительным фактором. (см. таблицу 5 на стр. 33)

таблица 1

Количество информантов \ пол

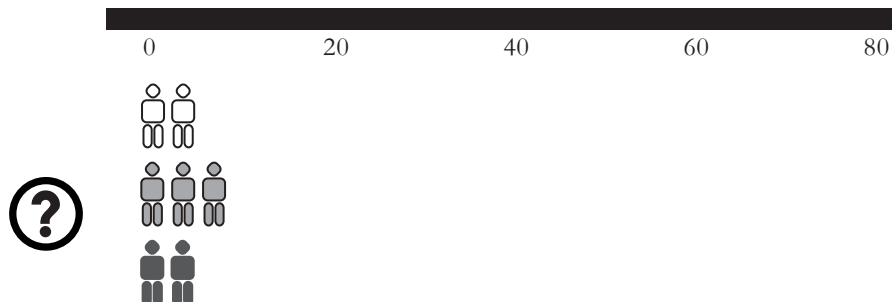
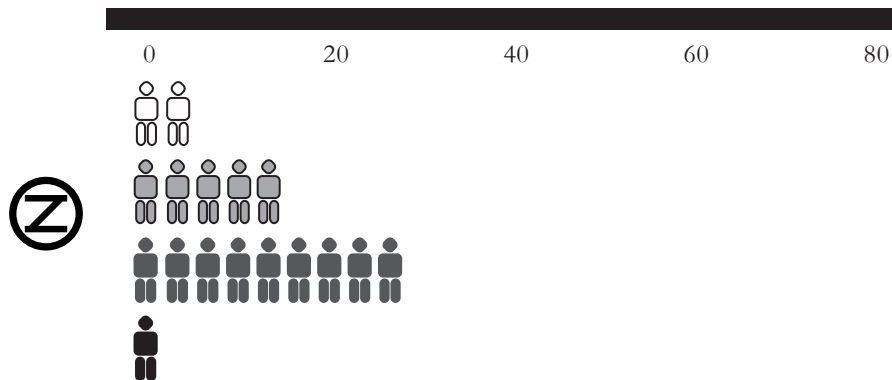
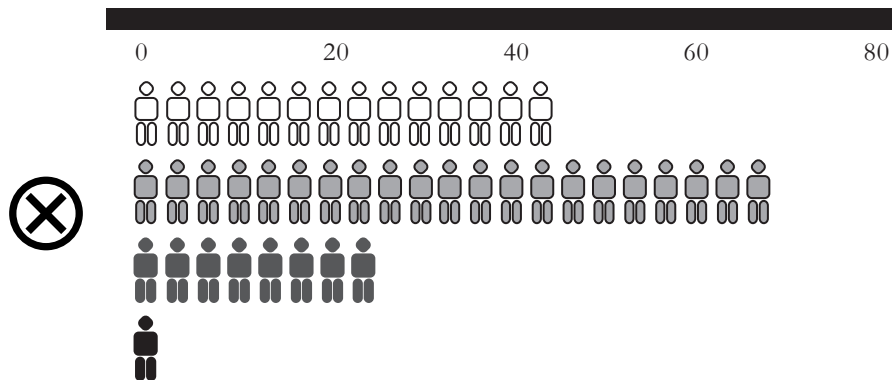

 ~ женщины
  ~ мужчины
  ~ трансгендерные персоны

 ~ противники
  ~ сторонники
  ~ сомневающиеся

таблица 2

Количество информантов \ возраст

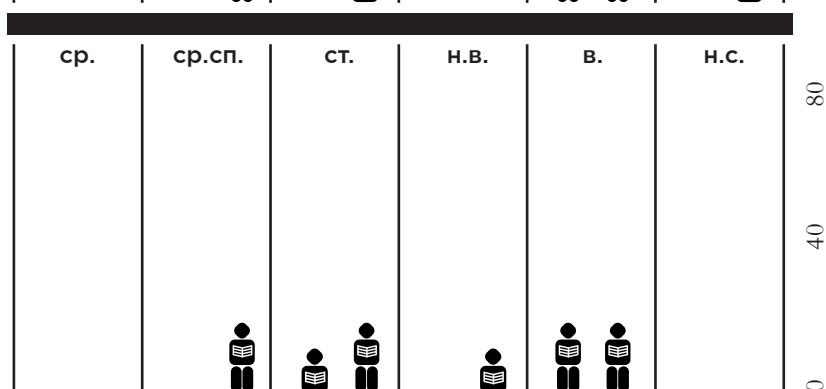
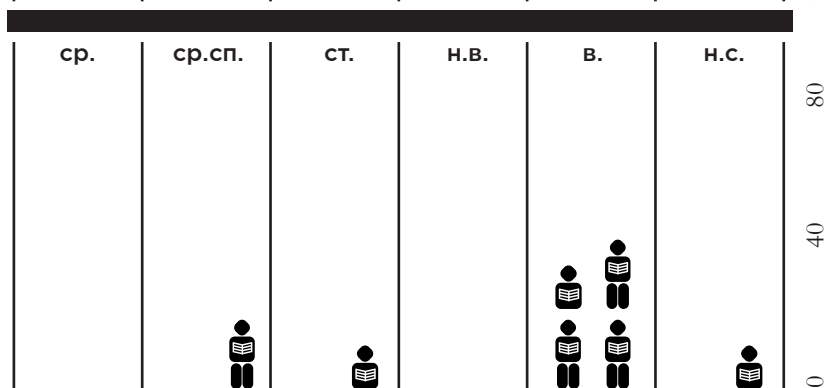
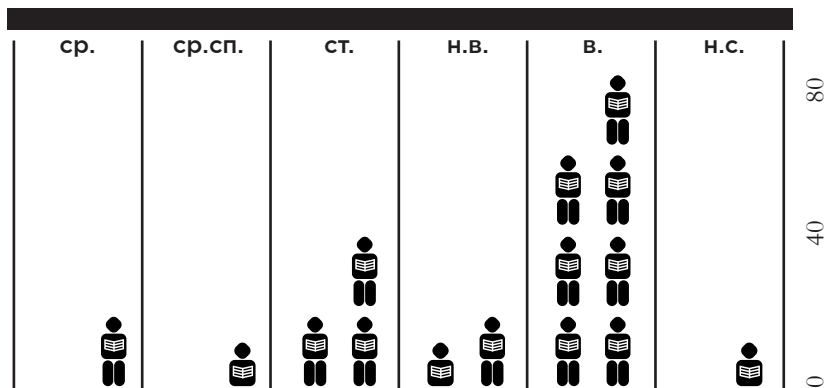

⊗ ~ противники

⊕ ~ сторонники

? ~ сомневающиеся

Количество информантов \ образование

ср.~ среднее; ср.сп.~ среднее специальное; ст.~ студенты; н.в.~ неоконченное высшее; в.~ высшее; н.с.~ научная степень

~ противники

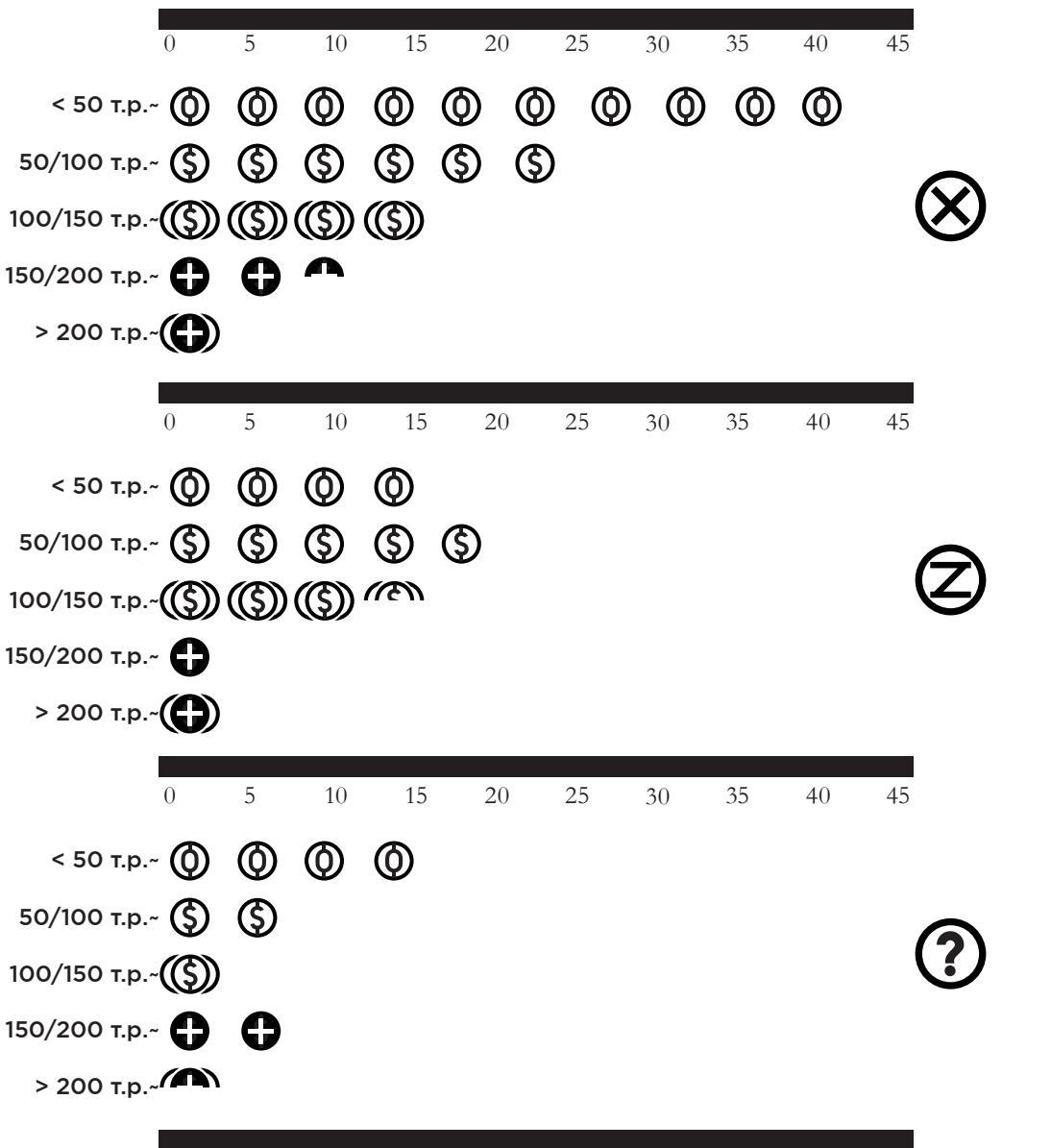
~ сторонники

~ сомневающиеся

таблица 4

Количество информантов \ доход

~ противники

~ сторонники

~ сомневающиеся

География исследования

Анализ данных

Мы работали с данными главным образом с помощью «тематического кодирования»: сначала каждое интервью разбивалось на набор тематических блоков, а потом блоки на одну и ту же тему собирались вместе и анализировались. Каждый из восьми разделов отчета в первых трех его частях посвящен конкретной теме. Внутри темы мы описывали различия и типы: типы риторик-оправданий войны, разные способы эмоционального переживания войны, разные стратегии общения с близкими и так далее.

Можно ли доверять интервью, взятым в условиях военной цензуры? Да, по нескольким причинам. Во-первых, информанты соглашались на интервью добровольно (те, кто чего-то опасались, обычно не соглашались), а во время интервью мы создавали максимально комфортную для разговора атмосферу: использовали или не использовали камеру на усмотрение информанта, если интервью проходило онлайн; заранее предупреждали, что наш собеседник/собеседница может отказаться отвечать на любой вопрос или даже прервать интервью; перед началом интервью еще раз рассказывали о принципах анонимизации данных. Во-вторых, само интервью, в отличие от опроса, представляет собой длинный разговор на разные темы — не только об отношении информанта к войне, но также о его/ее опыте, эмоциях, изменении повседневности, общении с близкими. Поэтому даже если информант/ка скрывает свое отношение к военным действиям, его или ее позиция становится более понятной после часового разговора. Наконец, в-третьих, наличие повторяющихся объяснений/позиций/отношений в ряде интервью позволяет нам зафиксировать некоторые типы поддержки/критики войны — и отдельные случаи умолчания или лжи не влияют на эти повторяющиеся типы.

Наши данные позволяют понять многое — но не все. Так как выборка нашего исследования не является репрезентативной, любые количественные оценки на основании наших данных

невозможны. Например, мы не можем сказать, какая доля россиян склоняется к определенному способу восприятия войны. Кроме того, несмотря на большое количество собранных интервью, мы, скорее всего, не смогли охватить все существующие в обществе способы восприятия войны. Например, среди наших информантов почти нет прихожан РПЦ — а это значительная часть граждан России, использующих, судя по всему, специфические способы оправдания/критики войны, связанные с представлением в богоизбранности русского народа и борьбы с мировым злом. Однако и среди верующих проявляется серьезный раскол. Мы не говорили с участвующими в боевых действиях или их родственниками. Таким образом, наш отчет анализирует некоторые типичные способы поддержки, критики или отстранения от войны, однако он не дает исчерпывающего описания и количественной оценки восприятия войны всеми россиянами.

ЧАСТЬ 1.

Сторонники войны

«Сторонниками» мы назвали тех, кто говорят в интервью о своей поддержке «спецоперации» — но что именно они поддерживают? В данном разделе мы описываем оправдания поддержки «спецоперации» ее сторонниками — то, как они объясняют себе, почему она началась и продолжается, и почему ее необходимо поддерживать. С точки зрения содержания, эти оправдания опираются на три нарратива: спасение (Донецкой и Луганской народных республик), противостояние (с Украиной и Западом), геополитика (борьба за влияние с «великими державами»). Эти нарративы не исключают, а дополняют друг друга, подчеркивая неизбежный, вынужденный характер войны. Мы также рассматриваем оправдания поддержки, задействующие риторическую конструкцию «Я против войны, но...» или ставящие под сомнение характеристику спецоперации как «войны». В заключительной части раздела мы анализируем критику «специальной военной операции» ее сторонниками.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ, НЕОБХОДИМОСТЬ, НЕОТЛОЖНОСТЬ

Большинство оправданий войны строятся на допущении о ее неизбежности, необходимости, срочности. Это допущение отличает сторонников войны от ее противников, для многих из которых она является бессмысленной (**см. п. 3.1.**), и от сомневающихся, для которых характерна не столько уверенность, сколько надежда на то, что решение о начале «спецоперации» было обоснованным (**см. п. 2.1.**).

Политико-экономическая предопределенность

Согласно первой группе оправданий, начало войны было предопределено сложившимися политико-экономическими обстоятельствами. При этом информанты нередко оговариваются, что могут быть не полностью согласны с решением о начале войны или воздерживаются от его оценок, но понимают его вынужденный характер:

«Вот, 8 лет копилось, собственно ситуация накалялась, и в один прекрасный момент <...> просто лопнуло терпение [у России]. И произошло то, что в принципе было ожидаемо. При этом я тут без осуждения, что это неправильно или правильно... мне кажется, что это произошло, потому что по-другому оно не разрулилось бы»

(м., около 40 лет, предприниматель, апрель 2022).

Провокация НАТО/Запада

Вторая группа оправданий предполагает, что решение о начале войны было принято в ответ на враждебные действия или провокации со стороны конкретных акторов — Украины, США, НАТО, обобщенного Запада, и т.д.:

«Я сразу понимала, что это какой-то, вероятно, неизбежный шаг, к которому привело действие политиков на Украине, политиков в Америке. Их действия, их провокация, они в конечном счете привели к этой ситуации. Это закономерно, как фатализм»

(ж., 41 год, научный сотрудник, апрель 2022).

Опережение нападения

В некоторых случаях информанты подчеркивают неотложность решения о начале «спецоперации», вызванную необходимостью превентивного удара — с целью защиты Л/ДНР, Крыма или РФ от готовящегося нападения со стороны Украины, США, НАТО или обобщенного Запада:

«Более того, я знаю из довольно достоверных источников, что, если бы мы не вторглись в феврале, по весне украинцы бы напали на нас. Сначала на Донбасс, они его бы зачистили. Ну потом там планы разные, все их эти фантазии по поводу марша на Красной площади. Мы-то все бахвальством это считали, а там вполне сознательно [нрзб]»

(м., 43 года, врач, апрель 2022).

СПАСЕНИЕ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ГЕОПОЛИТИКА

Объясняя необходимость войны, сторонники «специальной операции» опираются на разные содержательные нарративы, которые можно разбить на три группы. В центре нарратива о спасении находятся частично признанные Луганская и Донецкая «народные республики», защиту которых обеспечила «специальная операция». Нарратив о *противостоянии* строится вокруг отношений России и Украины как культурных и политических антагонистов. *Геополитический* нарратив рассматривает «специальную операцию» в контексте международных отношений. Во всех трех группах нарративов моральные оправдания войны сочетаются с аргументами о ее неизбежном и необходимом характере. В отличие от противников войны (**см. п. 3.1.**) и сомневающихся (**см. п. 2.1.**), моральные интуиции большинства сторонников «специальной операции» согласуются с «объективным знанием» о причинах ее начала.

Спасение

В объяснениях большинства наших информантов своей поддержки войны в том или ином виде присутствуют рассуждения об Л/ДНР. Во-первых, это уже упомянутые аргументы о необходимости превентивного удара, чтобы предотвратить нападение Украины на республики. Во-вторых, это рассуждения о страданиях людей в Л/ДНР на протяжении последних 8 лет — обстрелы республик украинскими войсками, приводящие к жертвам, в т.ч. среди детей; ущемление прав русскоязычного населения, и т.д.

«Для меня было очевидно, что 8 лет люди на этих территориях живут в совершенном аду. И ситуация никак не решалась, никуда не продвигалась. Поэтому как-то надо было разрубить этот гордиев узел, какой-то выход найти»

(ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022)

Говоря о страданиях жителей Л/ДНР, некоторые информанты подчеркивают близость республик через их «русскость»:

«Донбасс меня больше интересовал, как некое такое вот более ярко-осознанное понимание своей русскости у людей. <...> II меня это вот так интересовало и захватывало: насколько вот люди себя внезапно начали ощущать русскими до той степени, что они готовы умирать за это» (м., 40 лет, гид, март 2022)

Эти информанты акцентируют внимание на том, что в Л/ДНР «основное население русские» (м., 71 год, пенсионер, май 2022), а в результате их присоединения к России «мы получаем минимум 15 миллионов русского населения» (м., 50 лет, администратор, март 2022). Кроме того, Донбасс рассматривается ими как «скопление людей, которые грудью защищают Россию от фашизма» (ж., 54 года, профессия неизвестна, апрель 2022). При этом, говоря о Донбассе, Л/ДНР или Юго-Востоке Украины, эти информанты имеют в виду не столько сами территории, сколько культурно-географическую общность, которая противопоставляется Западной Украине.

Западная Украина описывается такими информантами как идеологический, культурный и исторический «другой»: люди на Востоке Украины душевные и гостеприимные, а на Западе могут не продать мороженое человеку, говорящему по-русски; «всю жизнь ненавидели москалей» (м., около 40 лет, предприниматель, апрель 2022), показывали пренебрежительное отношение к русским, всегда считали себя «элитой какой-то» (м., 71 год, пенсионер, май 2022).

Противостояние

В центре нарратива о противостоянии находятся отношения России и Украины. К нему относится, во-первых, расширенная версия аргумента о превентивном ударе, в которой Украине приписываются не только намерения атаковать Л/ДНР, но и планы «силового» возвращения Крыма, а также вторжения на территорию РФ.

Во-вторых, сюда можно включить нарратив о несостоятельности Украины как политического субъекта — согласно этому аргументу, украинское государство, его политическое руководство, либо сам украинский народ не способны действовать самостоятельно, и

являются инструментами внешних (НАТО, США, Запад) или внутренних (националисты) сил, атаку со стороны которых и должна была предотвратить «спецоперация». Аналогичным образом информанты рассуждают и об украинцах: им «*промывают мозги*» (м., 43 года, врач, апрель 2022), их «*зомбируют*» (ж., 58 лет, психолог, март 2022), либо просто «*воспитывают*» (м., около 40 лет, предприниматель, апрель 2022) или «*настраивают*» (ж., 60 лет, врач, март 2022; ж., 20 лет, студентка, апрель 2022) против России:

«У меня не очень большой [опыт общения с украинцами]. Но даже того, что у меня есть, мне хватило, чтобы в общем-то оценить степень промывки мозгов людям» (м., 43 года, врач, апрель 2022)

Оба эти рассуждения — о недееспособности государства Украина и несамостоятельности украинцев — риторически усиливаются отсылками к нацизму и фашизму. Так, несостоятельность Украины как государства проявляется в том, что, в отличие от России или других стран, «украинские нацисты» смогли получить политическое влияние; политические преследования левых активистов и журналистов в Украине сравниваются с практиками фашистских диктатур 20 века; украинский национализм приравнивается к нацизму. Аналогично, украинцы рассматриваются как жертвы «нацистской пропаганды»:

«Я видела ролики парадов фашистских, я видела вышиванки во Львове, парады вышиванок. Я видела парад в Киеве. Полиция спокойно к этому относится. У нас в России это запрещено законом. Хотя, конечно, выродки и у нас есть. Но их сразу прекращают... <...> Я, конечно же верю, потому что там очень много животных самых настоящих, как и среди нацистов в России. Но в правительстве у нас нет животных подобного рода» (ж., 58 лет, психолог, март 2022)

Наконец, в-третьих, нарративы противостояния фокусируются на истории Украины и украинно-российских отношений.

Обращаясь к предполагаемым истокам несостоятельности украинского государства и истории украинского национализма/нацизма, информанты стремятся сделать свою аргументацию в поддержку «спецоперации» более основательной.

Исторические аргументы о несостоятельности Украины как государства описывают его как искусственное образование, созданное советскими лидерами. Не имея собственных традиций государственного управления, Украина не могла справиться с такими проблемами, как культурные различия Запада и Востока, демографическая динамика, сложный этнический состав, необходимость лавировать между интересами России и Запада, контролировать националистические движения:

«[Н]а территории Украины никогда не было, исторически не сложилось традиции государственности, и они не могли использовать свой исторический опыт — это и привело к таким последствиям. <...>

Факт в том, что исторически если посмотреть, то на Украине не было нормального государства никогда, реально не было. Ни в рамках этих территорий, ни в более малых. Когда у такого образования нет каких-то традиций государственных, то им достаточно сложно распоряжаться этой свободой государственной»

(м., 46 лет, научный сотрудник, май 2022)

Обращение к истории позволяет информантам не просто объяснить природу текущих проблем Украины, но и поставить под сомнение ее право на существование в современном виде. Применительно к украинцам как народу исторические аргументы отсылают к длительной истории украинского нацизма, который рассматривается как радикальный вариант национализма. По мнению информантов, нацизм существует в Украине по меньшей мере с конца Второй Мировой войны, а его возрождение связывается с «первым» Майданом 2004–2005 годов и приходом к власти Виктора Ющенко. При этом, однако, информанты не утверждают, что нацистами являются все украинцы —

преимущество между послевоенными и современными «бандеровцами» обеспечивается за счет «русофобов», тогда как «нормальным украинцам <...> без разницы русский перед тобой или кто еще» (м., около 40 лет, предприниматель, апрель 2022).

Геополитика

Геополитический нарратив помещает «спецоперацию» в контекст соперничества «великих держав», в рамках которого спасение Л/ДНР и украинно-российские отношения являются частными эпизодами, подчиненными логике более высокого порядка. Так, часть геополитических оправданий рассматривают текущую войну как продолжение холодной войны:

«По факту, по сути дела Россия напала на Украину, это правда. А параллельно этому ведется холоднейшая, морозная война с Америкой. Вот смотрите — эта война на Украине, мы вторглись в нее, напали на Украину по причине холодной войны с Америкой, вот так вот» (м., 21 год, студент, март 2022)

Другие геополитические оправдания задействуют более широкий круг акторов — не только США, но и Китай, Европейский Союз, НАТО:

«Америка чужими руками, шикарнейшей многоходовкой сейчас душист Европу. Более того, сейчас будет военный конфликт. Американцы же не дураки сами воевать. Понятно, что понимают, что если прилетит, то от Америки ничего не останется. Поэтому они что делают — что мы? А мы ничего. А это все Украина, следующая сейчас Польша. Они там танки туда-сюда. Они сейчас перевооружают Восточную Европу» (м., 43 года, врач, апрель 2022)

Третья версия геополитического нарратива описывает активную и сильную Россию как страну, сумевшую «встать с колен» и восстановить свое бывшее влияние (м., около 40 лет, предприниматель,

апрель 2022), способную «менять правила игры глобальные» (м., 43 года, врач, апрель 2022) и бороться за лучшее «положение в новом миропорядке» (м., 40 лет, координатор молодежных проектов, май 2022).

В этом же контексте и задается вопрос «почему им можно, а нам нельзя?» Иными словами, война оправдывается не только геополитической необходимостью, но и тем, что НАТО и США, добиваясь своих целей, бомбили Югославию и Ирак по праву сильного, и, следовательно, если Россия достаточно сильна, она тоже может действовать подобным образом:

«Можно привести множество аналогий — с Югославией, с Косово. Ну, Косово — как параллель Крыму. У Косово есть право на определение, у Крыма нет? Понятно дело, что в Косово, там более четко выраженное национальное разделение. А в Крыму, извините, все русские, 80% русские — почему бы и нет? Ладно, это инсинуации... Тем не менее, такие мысли крутятся всегда. Почему НАТО можно Югославию бомбить, а нам нельзя? Там бомбили мирное население, а мы этого стараемся не делать» (м., 50 лет, профессия неизвестна, март 2022)

НАЦИЗМ КАК РИТОРИЧЕСКОЕ УСИЛЕНИЕ И ЛИЧНЫЙ МОТИВ

Несмотря на то, что многие информанты говорят о нацизме/фашизме, эти упоминания не составляют самостоятельного нарратива. Скорее, **отсылки к нацизму/фашизму определяются контекстом и служат для риторического усиления аргументации, а также для того, чтобы сделать ее более личной. Ни в одном из наших интервью борьба с нацизмом/фашизмом не является основным оправданием поддержки войны, а абстрактное обсуждение нацизма и денацификации в отрыве от других нарративов**

вызывает у большинства информантов явное затруднение. Некоторые информанты даже высказывают сомнение в том, что «спецоперация» имеет отношение к борьбе с нацизмом:

«А причины, как я уже описал, это расширение НАТО в первую очередь. По мне то, что там некие нацисты обижали людей в ДНР, ЛНР — мне кажется, что это мало на что влияет. Но, при этом, эта причина явно заранее заготавливалась как одна из основных, потому что выдача паспортов ДНР и ЛНР, она довольно давно началась»

(м., 21 год, студент, февраль 2022).

Так, один из информантов, приводя свои доводы в поддержку войны, использует несколько нарративов в одном высказывании (страдания людей Юго-Востока Украины, ненависть режима Украины к России, угроза российской государственности, соперничество с блоком НАТО), подчеркивая «околонацистский» характер политического режима в Украине, «построенного на идеологии ненависти к России и к русским», «антирусской и нацистской пропаганде»:

«Для начала — угроза российской государственности со стороны построенного на Украине околонацистского режима, накаченного западным оружием и построенного на идеологии ненависти к России и к русским — это самое главное. <...> Прежде всего, основным жирным пунктом — это безопасность России. Именно исходя из интересов безопасности России было принято решение о присоединении Крыма в 2014-м году. Ну и потом, действительно, денацификация Украины, соперничество с блоком НАТО на территории Украины, защита нашего, в общем-то, газопровода на территории Украины и так далее, так далее, список интересов. В нашем случае, наверное, нужно остановиться на желании

уничтожить гнездо антирусской и нацистской пропаганды. Я знаю об активной нацистской пропаганде на территории Украины, которая ведется и силами украинского государства, и силами разного рода организациями. Я знаю о поддержке западных государств Украины против России. Я считаю это недопустимым, и я считаю, что страдание людей на юго-востоке Украины и по всей территории Украины должны быть прекращены»

(м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022)

«Нацизм» становится эмоционально заряженным термином, почти синонимичным с «антирусским». Более того, поскольку этот термин воспринимается как синоним абсолютного зла, побежденного Советским Союзом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., делается попытка сакрализации «спецоперации» как новой «священной войны».

«ЭТО НЕ ВОЙНА»

Часть поддержки «спецоперации» основывается на представлении некоторых ее сторонников о том, что это не война. Во-первых, такие информанты приводят рассуждения *«с точки зрения здравого смысла»* **(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022)**, говоря, что Россия не ведет войну, потому что не может быть агрессором:

«Начинаешь вспоминать историю, начинаешь соображать, насколько Россия агрессивная держава. Нужна ли ей Украина? Нужна ли ей эта территория, огромной России? Понимаешь, что нет, что Россия в принципе, такими вещами не занималась за всю историю. В общем, вряд ли она сейчас вдруг резко начнет этим заниматься. Это не очень целесообразно, учитывая то, какие сейчас распри на Украине. Затем такое под боком? Зачем Путину такая территория рядом, где постоянно будут восстания, если она присоединится к России?»

(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022)

Во-вторых, у таких информантов есть определенное представление о методах «настоящей войны», характерном для нее уровне насилия и количестве жертв — с которым текущая «спецоперация» не совпадает:

«На житейском уровне есть вопрос — является ли это войной? Война — это ковровые бомбардировки, это война против другого народа и так далее. В данном случае мы имеем дело с денацификацией, с контртеррористической операцией, то есть мы не уничтожаем страну, мы уничтожаем захватившую государство хунту. То, что там идет стрельба, и это прекрасно подходит под определение войны, есть основание войной это не называть»

(м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022).

Другим вариантом этого оправдания является указание на недостаточную жестокость боевых действий во время «спецоперации», не характерную для «настоящей войны»: «Опять же, их [жертв] не так много, это не Вьетнам. Это не Чечня, это не гробы со фронниками» **(м., 34 года, гид-переводчик, март 2022)**. Если бы «спецоперация» была «настоящей войной», «туда [в Украину] бы просто захреначили ракеты, выжгли бы все дотла вообще» **(м., 27 лет, прораб, звукорежиссер, март 2022)**. Такие рассуждения о методах ведения войны и ее жертвах становятся основанием для представления «спецоперации» в качестве «ненастоящей войны», что делает ее поддержку намного легче.

«Я ПРОТИВ ВОЙНЫ, НО...»

Некоторые информанты оправдывают «спецоперацию», подчеркивая одновременно свое неприятие военных действий. Эти фрагменты заслуживают отдельного внимания, т.к. содержат элементы рефлексии и более отчетливо артикулируют некоторые из рассмотренных выше типов оправдания поддержки. Они делятся на три группы.

Во-первых, это уже упомянутые аргументы о неизбежности. Подчеркивая, что мирные средства разрешения политических проблем предпочтительнее силовых, информанты настаивают на необходимости «спецоперации», аргументируя это тем, что они против *«войны, которая идет с 2014-го года»* (**ж., 41 год, научный сотрудник, апрель 2022**) и которую *«не мы... начали»* (**м., 71 год, пенсионер, май 2022**) или которая рано или поздно началась бы из-за событий 2014-го года (**м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022**).

Во-вторых, это оправдания, аргументирующие необходимость поддерживать «спецоперацию» здесь и сейчас безотносительно ее целей или причин, по которым она началась. Эти аргументы отсылают к угрозе, которую создаст для страны прекращение «спецоперации» (например, *«негативные последствия... для внутреннего устройства государства российского»*, **м., 46 лет, научный сотрудник, май 2022**), а также к поддержке ВС РФ и президента как моральному долгу:

«Да, я поддерживаю решение правительства. Я считаю, что не во всем, может, армия права, но в условиях военного времени я свою армию критиковать не буду, потому что в военное время свою армию критиковать нельзя. По возможности, всех людей, которые общаются со мной на эту тему, я призываю к тому, чтобы в это непростое время вокруг решения президента они как-то сплотились, несмотря на все минусы и недостатки его, и все действия, которые он делал во внутренней политике и во внутреннем курсе России» (**м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022**).

Третья группа оправданий, напротив, отталкивается не от убежденности — в объективной необходимости начала «спецоперации» или моральной обязательности ее поддерживать, — а от скептической позиции: информанты настаивают на том, что не обладают достаточной информацией, чтобы судить о происходящем. Скептическая позиция позволяет информантам уклониться от оценки боевых действий на территории Украины. Разновидностью этой последней формы аргументации является

представление о существовании веских, но неизвестных причин для начала «спецоперации»:

«Но, как я понимаю, либо выхода не было, либо есть какие-то другие моменты, о которых мы не знаем и никогда не узнаем, предпосылки к этому были. Поэтому это так и произошло. Я к этому сейчас отношусь спокойно — да, это есть. <...> Я не сторонник военных действий, вот этих насильственных мер. Но раз случилось, то случилось, я никак повлиять на это не смогу»

(ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

В отличие от противников «спецоперации», настаивающих на том, что решение о ее начале было принято без их согласия и риторически отделяющих себя от государства (**см. п. 3.1**), сторонники «спецоперации», указывают на невозможность критиковать действия «своей страны» во время СВО и необходимость отложить критические высказывания до ее окончания.

ЧТО НЕ НРАВИТСЯ СТОРОННИКАМ ВОЙНЫ В «СПЕЦОПЕРАЦИИ»?

Целый ряд наших информантов-сторонников критически высказываются о некоторых аспектах «спецоперации». Такие высказывания можно условно разделить на три группы.

Во-первых, это критика целей «спецоперации», а точнее — их неопределенности в глазах широкой публики и отсутствие понимания критериев ее успеха:

«Но даже в такой ситуации, болея за какую-то победу, за хороший исход для нас, я не понимаю, что может быть победой. Что такое победа? Как это должно закончиться хорошо? Я сейчас не понимаю»

(ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022).

Одним из основных источников затруднений является интерпретация «денацификации», заявленной в качестве цели «спецоперации». Информанты не уверены, что именно означает этот термин, а также сомневаются в том, что данной цели можно достичь быстро, либо в ее достижимости как таковой.

Вторая группа критических высказываний касается не целеполагания, а процесса реализации «спецоперации». Информантам не нравится, что операция была плохо подготовлена, не был проведен *«глубокий анализ реальной ситуации в украинском обществе»* (м., 58 лет, профессия неизвестна, март 2022), в результате чего ВС РФ задействовали недостаточно крупные силы, а среди участников операции оказались солдаты срочной службы. Кроме того, информанты указывают на *«недоработки»* (ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022) в медийном освещении «спецоперации» и непоследовательность позиции российских властей, продолжающих транзит газа через территорию Украины и поддерживающих коммерческие отношения со странами НАТО:

«Всю эту ситуацию вижу, как полный сюрреализм. Есть позиция, но мы ее не придерживаемся. Мы воюем, но пытаемся договориться, хотя мы и не собирались этого делать, как-то так получается... Также с партнерами по НАТО — они откровенно поставляют вооружения, чтобы убивать наших солдат, а мы с ними еще собираемся побольше торговать. И еще какие-то компании, которые уходят, мы им какие-то льготы собираемся делать, чтобы они не уходили»

(м., 24 года, помощник депутата, март 2022)

Наконец, третья группа критических высказываний касается последствий, к которым приводят недостатки целеполагания и реализации «спецоперации». Наибольшую тревогу информантов вызывает затягивание операции, которое они связывают с неясностью ее целей, и которое приводит к увеличению

количества жертв — как среди мирных жителей, так и среди военных с обеих сторон конфликта:

«Как спецоперация проходит? Наверное, как и всем не нравится то, что она очень долго продолжается. Чем больше она будет продолжаться, тем больше будет жертв как со стороны нашей армии... Во время боевых действий невозможно избежать того, чтобы гражданские люди не гибли. Это от многих факторов зависит. Поэтому чем дольше, тем больше гибнут с одной и с другой стороны. Мне вот это не нравится, что очень долго» (м., 71 год, пенсионер, май 2022)

Независимо от того, какой из трех содержательных нарративов задействуется для оправдания их позиций, **информанты-сторонники войны настаивают на неизбежном, вынужденном характере «спецоперации».** В качестве неизбежных описываются не только причины начала «спецоперации», но и сама ее поддержка, вне зависимости от причин. Информанты не считают возможным критиковать действия «своей страны» до окончания боевых действий. Необходимость воздерживаться от оценок является важной частью их представлений о предпочтительном устройстве отношений между страной и ее гражданами.

Большинство сторонников «спецоперации» обосновывают свою позицию причинно-следственными объяснениями, которые одновременно являются моральными оправданиями. Так, например, геополитический нарратив рассматривает «спецоперацию» не только как ответ на расширение НАТО, но и как форму борьбы против несправедливого миропорядка.

Хотя многие информанты говорят о нацизме/фашизме, эти отсылки всегда помещаются в контекст других нарративов и служат для риторического усиления аргументации, а также для того, чтобы сделать ее более личной. Некоторые информанты, поддерживающие «спецоперацию», прибегают к риторической

конструкции «Я против войны, но...» или оспаривают характеристику «спецоперации» как войны. Такие конструкции позволяют информантам снять противоречие между двумя позициями: отрицанием войны и поддержкой «специальной военной операции».

1² Эмоции: как они переживают войну?

Казалось бы, у тех, кто поддерживает войну, новости о ее начале (и течении) должны вызывать позитивные эмоции или, по крайней мере, не вызывать негативных эмоций. Но это не так. Вне зависимости от своего отношения к войне большинство наших информантов не остаются равнодушными к смертям и разрушенным войной жизням. Не только противники и сомневающиеся, но и многие сторонники войны смотрят в будущее с тревогой и страхом.

В этом разделе мы описываем эмоции, переживаемые сторонниками войны как в первый её день, так и спустя время после ее начала. Мы выделяем несколько типов эмоциональных реакций, о которых говорят наши информанты. Эти типы — не взаимоисключающие: это значит, что один информант может переживать сразу несколько эмоций, как одновременно, так и последовательно. В этом разделе мы также описываем ключевые изменения в эмоциональных состояниях сторонников войны, происходившие по мере разворачивания «спецоперации».

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ НА ИЗВЕСТИЕ О ВОЙНЕ

Отсутствие языка эмоций

В отличие от противников и сомневающих в своей оценке войны информантов, далеко не все сторонники «спецоперации»

вообще говорят об эмоциях в ответ на вопрос о первой реакции на известие о войне. Такие информанты рационализируют свои состояния, говоря о своих реакциях на языке действий, а не ощущений. Например, одному информанту *«пришлось <...> переосмыслить все происходящее»* (м., 34 года, маркетолог, март 2022), а другой начал *«читать сводки очень активно»* (м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022).

Язык эмоций отсутствует у части таких информантов еще и потому, что они настаивают на собственной подготовленности к произошедшему. По их словам, рано или поздно эскалация конфликта должна была произойти, поэтому новости не застали их врасплох:

«Первая реакция было что-то вроде, «ну вот, вот оно и произошло». Потому что я не удивился тому, что Россия начала бомбить аэропорты и военные объекты и так далее. Об этом говорилось, об этом говорилось ранее. Проводились и со стороны Украины, и со стороны стран Балтики и России, проводились постоянные учения, и они стояли друг у друга постоянно на границах» (м., 28 лет, компьютерный график, март 2022)

Кроме того, некоторые информанты рассказывают о первой реакции на известие о войне на языке оценочных суждений «одобряю / не одобряю»:

«Первая реакция, конечно, это я против проведения военных действий любых, потому что это связано со смертями. У меня очень много знакомых, которые участвовали в боевых действиях и на Кавказе, и везде. Но потом были получены объяснения, что это не военные действия, и по действиям российской армии было понятно, что это не военные действия, а контртеррористическая операция» (м., 46 лет, профессия неизвестна, март 2022).

Несколько информантов-сторонников войны говорят, чтоотреагировали «спокойно» на известие о начале «специальной операции».

По их словам, они доверяют президенту и уверены в правильности его решений:

«Изначально я воспринял это как факт, как действительность. Ввиду того, что если руководство приняло это решение, значит на то были веские основания» (м., 23 года, профессия неизвестна, март 2022).

Сторонники «спецоперации» отличаются от сомневающихся тем, что имеют определенную позицию, оценку войны, по отношению к которой эмоции вторичны — последние, не имея четкой позиции, нередко остаются наедине со своими деструктивными эмоциями, которые они не могут «конвертировать» в мнение (см. п. 2.2). Вместе с тем, от противников сторонники отличаются тем, что эта их позиция не является яростным осуждением или фатальным диагнозом — у противников эмоция осуждения, протеста и позиция сливаются (см. п. 3.2).

От удивления до шока

Однако далеко не все сторонники «спецоперации» — это сторонники убежденные. Многие из них, вспоминая о первой реакции на известие о войне, говорят об удивлении от растерянности до шока. Их удивление сопровождалось негативными эмоциями, такими как злость, возмущение, волнение, ужас, страх, отвращение, огорчение, тревожность, опарашенность, недоумение:

«Я слышала где-то про то, что вроде все ожидали, что это случится 16 февраля. П, соответственно, все считали это приколом, и никто не верил, что это так и будет, что это пропаганда американская и так далее. П я, и большинство моих знакомых это даже обсудили, все посмеялись. П когда это 24-го числа по факту произошло, то да, первая моя реакция — это шок. Я бы не сказала, что у меня было тогда какое-то понимание ситуации, то есть чем это все обернется. Но то, что по факту это началось — ну,

я прочитала, подумала “надо же! Ужас какой-то”. <...> Первое время я очень тщательно следила за тем, что происходит. И я, скажем так, первое время, первые дни, недели, весь март, грубо говоря, я была очень сильно возмущена»

(ж., 40 лет, менеджер проектов, май 2022)

Вместе с тем удивление может относиться не к началу войны как таковому. Некоторые из информантов говорят, что давно ждали каких-то репрессивных действий в защиту Л/ДНР со стороны российского правительства, но были разочарованы тем, какую форму приняли эти действия:

«Мне сложно сказать, от кого я впервые узнал это, но, честно говоря, я был очень удивлен, потому что ничего, как мне казалось, не говорило о том, что начнется такое вот полномасштабное вторжение. Я, если честно, думал, что будет ввод войск на территорию ЛНР и ДНР. И ожидание удара от украинской армии, после которого бы российская армия, соответственно, перешла бы в наступление и дальше как-то это развивалось. То есть начало боевых действий я совершенно по-другому себе представлял, и, если честно, то, что начали вторгаться со всех сторон, для меня было... Меня повергло в недоумение, мягко говоря» (м., 40 лет, гид, март 2022)

Информанты, испытавшие растерянность, рассказывают, что они долго сомневались и пытались разобраться в происходящем, прежде чем определиться со своим отношением к сложившейся ситуации:

«Первая эмоция была “что вообще происходит, я не понимаю? Откуда? Какая спецоперация?” <...> Когда есть какие-то непризнанные территории, там же всегда находится кто-то, кто за, а кто против. Я для себя не мог на тот момент обозначить конкретно свое мнение — я за или я против. Я просто знал,

что это происходит и я знал, что я ничего не могу с этим сделать. <...> Сейчас я, все-таки, гражданин своей страны. И то, что она делает, пусть без моего согласия, пусть она это доделает. Я не вправе идти против» (м., 37 лет, предприниматель, март 2022)

Надежда

Информанты, которые имеют опыт проживания (или проживающих близких родственников) на территории Л/ДНР, делают акцент в интервью не столько на испытанных в первый день войны эмоциях, сколько на общей усталости от затянувшегося конфликта и желании/надежде, чтобы вопрос с непризнанными республиками хоть как-то сдвинулся с мёртвой точки:

«Чисто психологически мне стало проще. Потому что это напряжение, оно было. Плюс у меня родители там, поэтому я за ситуацией следил все эти годы. <...> До этого я, как все здоровые люди, наверное, не мог представить, что это возможно»
(м., 34 года, маркетолог, март 2022)

Здесь важно отметить, что хотя сторонники — это люди с позицией, эта позиция часто не является завершённой, что неудивительно, учитывая, что граждан России к войне не готовили, и определяться пришлось на скорую руку. Модус надежды — это то, что роднит сторонников с остальными информантами, которых война застала врасплох, не позволив высказывать уверенные суждения.

Радость и облегчение

Есть среди информантов-сторонников и те, кто говорят, что испытали позитивные эмоции, получив известие о начале «спецоперации». Таких среди наших информантов, впрочем, было немного. Среди пережитых эмоций они называют радость и облегчение, отчасти связанное с ожиданием вооружённого разрешения затянувшегося конфликта:

«Было ощущение радости и уверенности в том, что все движется в правильном направлении. <...> Неожиданностью это не было, было просто понятно, что вот, началось» (м., 42 года, музыкант, март 2022)

СПУСТЯ МЕСЯЦ(Ы): ЭМОЦИИ СЕЙЧАС

Итак, чаще всего информанты-сторонники войны или не используют язык эмоций вообще, или говорят об удивлении разной степени и испытанном ими шоке как реакциях на известие о начале «спецоперации». Чуть реже они упоминают позитивные эмоции (надежду, радость, облегчение). Что случилось с этими эмоциями спустя месяцы?

От шока к привыканию

Некоторые информанты говорят о постепенном смягчении негативных эмоций. Они рассказывают, что спустя время стали спокойнее воспринимать происходящее, устали от постоянных переживаний, привыкли:

«В первые дни я просто с ужасом относился к тем новостям, которые шли на меня, к этой всей информации, которая была вокруг меня. Я думал, что это просто ужас что творится. Я не ожидал, что я в XXI веке, в 2022 году буду наблюдать реальную войну, и чтобы моя страна выступила агрессором в этой ситуации. Я, конечно, такого не мог предположить, меня одолевал ужас. Но это все прошло. Как говорится, человек привыкает ко всему» (м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022)

От удивления к тревоге

Другие информанты утверждают, что никаких особых изменений за время, прошедшее с начала войны, в их эмоциональном состоянии не произошло: они продолжают испытывать

негативные эмоции — страх, тревогу, апатию. Однако связывают эти эмоции информанты уже не с удивлением/шоком от начала войны, а с ее последствиями — например, с ухудшением качества жизни в России или невозможностью строить планы на будущее:

«Очень какое-то подавленно-угнетенное состояние у меня стало, как и у всех. Очень тяжело. Потому что ты планы строишь, мы все — дети, люди молодые, взрослые — мы все живем, строим планы наполеоновские, не знаю, какие-то. И тут тебе говорят: “Все твои планы рухнули, больше ты ничего не сможешь сделать”. Это очень подрывает тебя. Это тебя просто уничтожает. От этого мне очень тяжело. Столько планов было и так далее. А сейчас они все рухнули. Ради чего теперь жить? Ради чего?»

(м., 21 год, студент, март 2022)

Только двое информантов упомянули, что их отношение к «спецоперации» изменилось с позитивного на более негативное. Информанты, которые отнеслись «спокойно» к началу войны, не изменили своего отношения. Наконец, только один информант-сторонник из нашей выборки говорит, что с момента начала войны его эмоциональное состояние улучшилось.

Таким образом, эмоции большинства информантов-сторонников менялись со временем. Если в первый день войны информанты — по крайней мере те, кто вообще говорят о своих эмоциях в интервью — переживали сильные эмоции (были в шоке, радовались, были растеряны и обескуражены), то со временем эти эмоции вытеснялись другими или притуплялись. **Удивление и шок сменялись принятием и смирением по мере того, как информанты «получали разъяснения» о причинах «спецоперации». Возмущение действиями российских властей превращалось в возмущение действиями украинской стороны и «коллективного**

Запада». Часто на смену интенсивной эмоциональной вовлеченности в военную повестку приходили усталость и желание минимизировать новостной поток. Самой устойчивой негативной эмоцией оказалась тревога и подавленность, а самой устойчивой позитивной — уверенность, что всё идёт своим чередом.

1³ Источники информации: что они читают/смотрят и чему верят?

Война поставила на повестку дня множество вопросов. Одни из самых обсуждаемых — вопросы дезинформации, пропаганды и восприятия информации. Как устроено медиапотребление сторонников войны? Как государственная пропаганда убедила их в необходимости «спецоперации»? И убедила ли?

Ниже мы описываем медиа репертуары сторонников войны и используемые ими источники информации. Мы показываем, как сторонники войны оценивают достоверность информации, в том числе, полученной из официальных и прогосударственных источников, как они верифицируют информацию, и, наконец, какую роль пропаганда играет в формировании их взглядов.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

В современных чрезвычайно насыщенных медиа-системах широко распространены и онлайн-ресурсы, и телевидение. Поэтому остается мало людей, которые полагаются лишь на один тип источников. Чтобы понять, как устроено потребление информации, медиа исследователи часто выделяют различные «медиа репертуары» — комбинации разных источников, которые создают для себя люди. В самом общем смысле медиа репертуары информантов-сторонников войны можно разбить на три типа: 1) только телевидение, 2) только онлайн медиа, 3) телевидение + онлайн медиа. Так же как противники войны и сомневающиеся

(см. п. 2.3 и 3.3), подавляющее большинство информантов-сторонников полагаются на второй репертуар.

К каким именно источникам обращаются информанты? В целом сторонники войны потребляют много информации и могут вспомнить много источников. Помимо государственных и «прокремлевских», они добавляют в свои репертуары российские независимые медиа, украинские медиа, а также западные медиа. Делают они это не потому, что доверяют этим источникам, а для того, чтобы лучше понять логику оппонента — «чтобы просто посмотреть их реакцию — как они это показывают, как они это все видят» (м., 21 год, студент, февраль 2022). В таблице ниже перечислены основные источники, упоминаемые нашими информантами в интервью:

Тип	Пример
Российские телеканалы	<i>Первый канал, Россия-1, Россия 24</i>
Российские официальные лица	<i>Рамзан Кадыров, Мария Захарова</i>
Российские прогосударственные издания	<i>ТАСС, РИА Новости</i>
Российские новостные агрегаторы	<i>Яндекс.Новости, Mail.ru</i>
Российские прогосударственные каналы и группы	<i>Подолька, Readovka (Telegram)</i>
Российские независимые издания	<i>Эхо Москвы, Медуза, Новая газета</i>

Российские оппозиционные фигуры	<i>Олег Кашин</i>
Западные издания	<i>BBC Russia, Deutsche Welle, EuroNews</i>
Украинские телеканалы	<i>Украина-24</i>
Украинские официальные лица	<i>Министерство обороны, Зеленский</i>
Украинские издания	<i>Strana.ua, УНИАН</i>
Украинские каналы и группы	<i>Анатолий Шарий</i>

Большинство информантов-сторонников войны среди используемых ими источников упоминают российские прогосударственные источники — причем не только телевидение, но и онлайн медиа, в частности, Telegram-каналы. Основные типы каналов, которые читают наши информанты, включают новости с прогосударственным уклоном (Mash, Readovka, База), каналы прогосударственных военных корреспондентов (Татарский, Жучковский, Рыбарь, Сладков), каналы про-режимных интеллектуалов (Colonel Cassad), а также разного рода прогосударственную военную аналитику — людей, которые либо сами воевали или воюют в восточной Украине, либо включены в сети комбатантов (WarGonzo, «Повернутые на войну»). Это предпочтение прогосударственных каналов в Telegram отличает их от противников войны и сомневающихся информантов, которые больше ориентируются на СМИ, а не на Telegram-каналы.

ОТНОШЕНИЕ К ИНФОРМАЦИИ

Доверие

Многие считают, что сторонники войны больше всего доверяют российской государственной пропаганде. Однако часто это не так.

В отличие от информантов-противников и сомневающихся в своей оценке войны информантов, среди информантов-сторонников действительно есть люди, доверяющие российскому телевидению.

Почему они ему доверяют? Из-за формальных атрибутов «объективного» вещания, например, ссылок «на большое количество источников», которые можно *«проверять, смотреть эти видео, смотреть эти источники»* (м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022). Одна информантка отмечает, что на телеканалах часто присутствуют разные точки зрения, что создает ощущение объективности:

«Я думаю, что [телевидение освещает ситуацию] адекватно. <...> [Там] бывают и негативные и позитивные мнения, разные абсолютно. Они все представлены на площадке телевидения»

(ж., 60 лет, врач, март 2022).

Кроме того, доверие информантов вызывают репортажи с мест событий. Эти репортажи создают ощущение того, что события происходят в реальном времени, а не смонтированы, из чего некоторые информанты интуитивно делают вывод, что они объективны (*«Наши журналисты, вот, они показывают картинку нормальную. То есть то, что происходит вот в реальном времени. А не всякие там фейки»*, ж., 72 года, пенсионерка, март 2022).

Недоверие

Многие сторонники войны (большинство среди наших информантов), однако, заявляют, что не доверяют российской государственной пропаганде. Они приводят несколько причин такого недоверия.

Во-первых, с их точки зрения, исторически в России медиа всегда использовались для манипуляции теми или иными силами — советским начальством, олигархами в 1990-е или путинским режимом с 2000-х. По их мнению, такие манипуляции продолжают происходить и по сей день. В результате информанты отказывают телевидению в объективности как таковой:

«Телевидение я никогда не смотрел, уже лет 20, и смотреть не планирую. Любое телевидение, как средство массовой информации, оно не может быть объективным в принципе. Смотреть телевизор — контрпродуктивно» (м., 42 года, музыкант, март 2022)

Для многих информантов государственные издания и пропаганда — это синонимы, а объективность государственных источников — это противоречие в терминах:

«Оно [телевидение] в принципе не может объективно отражать происходящие события, оно не для этого сделано. Оно сделано не из объективного освещения, а для того, чтобы государство диктовало то, что оно хочет донести. <...> Зачем мне это слушать? Мне это не очень интересно» (м., 50 лет, администратор, март 2022)

Во-вторых, наши информанты полагают, что в ситуации войны едва ли вообще возможны какие бы то ни было достоверные медиа. Распространенное клише «первой жертвой войны становится правда» хорошо описывает отношение сторонников войны к государственной пропаганде:

«Российское телевидение — это средство пропаганды воюющей страны. Как оно может быть объективно? Оно, конечно, не будет никогда объективно на 100%» (м., 34 года, гид-переводчик, март 2022).

Недоверие по отношению к медиа распространяется не только на российские прогосударственные, но и на любые источники. По словам многих наших информантов, российскому телевидению нельзя доверять, но доверять также нельзя российским

независимым источникам, украинским источниками, западным источникам (эту тенденцию уже отмечали другие исследователи, например, [здесь](#) и [здесь](#)). Информанты-противники и сомневающиеся информанты также склонны ставить под вопрос достоверность СМИ (**см. п. 2.3 и 3.3**) — но не до такой степени.

Для информантов-сторонников же сама идея достоверных СМИ — это оксюморон.

Грубо говоря, российские прогосударственные издания искажают факты, но независимые Дождь и Эхо Москвы — это *«такая же дебильная пропаганда топорная, только не на плюс, а на минус»* (**м., 28 лет, компьютерный график, март 2022**). Или еще один пример:

«Правды нет нигде, и как я уже сказала, мы ее никогда не узнаем. <...> Почему считается, что только у нас нет демократии, а у них она есть? Ее нет нигде. Всегда все равно кто-то диктует, о чем можно говорить, а о чем нельзя» (**ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022**).

Важно отметить, что сама государственная пропаганда в России играет не столько на доверии, сколько на недоверии. Часто она не пытается убедить в своей правоте, а провозглашает, что все вокруг врут, и никому верить нельзя. За последние месяцы прогосударственные источники взяли на вооружение термин «фейк» и активно используют его для дискредитации любой информации, которая противоречит официальной линии. Информанты-сторонники войны заимствуют этот язык для объяснения того, почему медиа нельзя доверять:

«Всё равно к любой информации относиться очень осторожно, потому что... фейки и просто... этого очень много везде, при том, что с российской стороны, что с украинской, что с европейской» (**м., около 40 лет, предприниматель, апрель 2022**).

Плохая пропаганда

Однако критиковать пропаганду можно не только за то, что она врёт, но и за то, что она врёт недостаточно хорошо. Многие

информанты-сторонники войны активно критикуют российскую пропаганду не за то, что она искажает факты и манипулирует людьми, а за то, что она манипулирует ими недостаточно эффективно:

«Российское телевидение, конечно, чудовищно в этом плане. Оно очень плохое — даже просто с чисто пропагандистской точкой зрения, с точки зрения вкуса пропаганды, оно, конечно, выполняет задачу на “двойку с минусом”» (м., 40 лет, гид, март 2022)

Этому информанту кажется, что российская пропаганда проигрывает пропаганде оппонентов — «Guardian, New York Times» — в которых информация *«немножко по-другому подается, там свои приемы, свои методы, более тонко» (м., 40 лет, гид, март 2022)*. Согласно информантам, такая пропаганда создается *«для ушей диванных патриотов» (ж., 35 лет, не работает, май 2022)* и не является убедительной для образованных и политизированных людей.

Логика подобных реакций становится понятна в той картине мира, которую навязывают сами прогосударственные источники. Это образ циничного мира, в котором независимой и объективной прессы не может существовать в принципе. В таком мире нет ничего кроме национальных интересов, которые преследуются военными или политическими способами, а политика и международные отношения понимаются как игра, в которой для государства есть только два исхода — проигрыш или выигрыш. Там, где нет места ценностям, попытка объективного отражения событий является заведомо проигрышной.

Соответственно, в такой картине мира пропаганда становится легитимным инструментом борьбы.

СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ С ИНФОРМАЦИЕЙ

Учитывая степень недоверия информантов-сторонников войны к медиа в целом и государственной пропаганде в частности, логично предположить, что они должны опираться на какие-то стратегии обращения с информацией. И действительно, наши информанты упоминают как минимум пять стратегий: 1) сравнение разных источников; 2) опора на предыдущий опыт и контекст; 3) опора на экспертов, которые интерпретируют события; 4) доверие к тому, что совпадает со взглядами; 5) отстранение.

Сравнение

Многие информанты-сторонники войны стараются сравнивать информацию из разных источников для того, чтобы убедиться в ее правдивости:

«Мне не нравится то, что идет и в Telegram-каналах, что по федеральным СМИ, что от либеральных российских источников. Я стараюсь эту информацию для себя более-менее анализировать и что-то из двух рупоров выбирать, что-то среднее. Я думаю, что правда, она где-то посередине»

(м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022)

Интуитивная формула, которую описывают многие информанты, — это следить за источниками с разными позициями — «прокремлевскими» и «независимыми», российскими и украинскими (и западными) — а потом выбирать «среднюю» интерпретацию.

Опора на предыдущий опыт и контекст

Это стратегия, которая заключается в том, чтобы постоянно просеивать информацию через собственный опыт взаимодействия с каждым конкретным источником. Или — сопоставлять ее со своими знаниями в каждой конкретной области. Например, один

из информантов говорит, что читает «неофициальные, неформальные источники, Telegram-каналы и социальные сети» и продолжает:

«Я давно читаю то, что они пишут и я, в общем-то, представляю, где они могут говорить правду, а где быть несколько предвзятыми»

(м., 43 года, эксперт по проектным делам, март 2022)

Еще один информант описывает стратегию понимания через контекст:

«Любую новость еще и с точки зрения истории, наверное, рассматривать. <...> Начинаешь думать, начинаешь вспоминать историю, начинаешь соображать. <...> И так каждая новость»

(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022)

Опора на экспертов

Некоторые информанты-сторонники войны опираются на интерпретации экспертов. Например, один из информантов упоминает украинского блогера Анатолия Шария и поясняет свой принцип верификации доверием к его подходу:

«Я котирую тех авторов, которые дают возможность взглянуть на ситуацию под разными углами зрения или, скажем так, дают возможность интерпретировать те или иные события разными заинтересованным сторонам»

(м., 41 год, юрист, апрель 2022)

Доверие к тому, что совпадает с их взглядами

Другие информанты (всего двое в нашей выборке) просто потребляют информацию, которая совпадает с их взглядами:

«Я пробовал слушать людей, которые критикуют эту операцию. Но я во многом с ними не согласна, так что я не готова слушать их очень долго. Я не доверяю им.»

Поэтому да, конечно я слушаю больше те российские каналы, которые выступают в поддержку операции»
(ж., 41 год, научный сотрудник, апрель 2022)

Дистанцирование

Наконец, последняя стратегия заключается в том, чтобы просто избегать вопроса достоверности (и эта стратегия объединяет сторонников войны с сомневающимися информантам, **см. п. 2.3**).

Огромный поток противоречивой информации, который информанты получают из разных источников, является проблемой даже для политизированных людей, которые ее активно потребляют. Сформировать какое-то связное представление о постоянно меняющихся событиях в такой ситуации сложно:

«Включаешь любой новостной портал — столько много информации! В основном, она, конечно, тяжелая для восприятия, поскольку это о потерях, об убийствах, негативные высказывания в сторону России, в сторону Америки, в сторону Украины, со всех стороны. Поэтому мне показалось, что лучше сейчас максимально абстрагироваться от этого, и уже даже особо я не слежу»

(ж., 40 лет, менеджер проектов, май 2022)

В результате некоторые информанты стараются не делать никаких суждений о достоверности информации, с которой они сталкиваются.

Верификация в теории и на практике

Насколько перечисленные выше стратегии, о которых говорят информанты, на самом деле практикуются ими? Исследователи **отмечают**, что положительные ответы на вопросы о достоверности и верификации являются «социально желательными». Иначе говоря, признание в том, что человек не верифицирует информацию и доверяет медиа на слово, может ассоциироваться

с глупостью и ставить под вопрос чувство собственного достоинства. Это особенно характерно для России, где идея о том, что медиа манипулируют людьми, [стала частью здравого смысла](#).

Своеобразную нормативность и даже болезненность тем достоверности и верификации можно заметить в словах многих информантов. Например, отвечая на вопрос о достоверности, информантка замечает:

«Ну, извините, я не маленькая девочка, я уже умею разбираться и в фейках, и в этих... Поэтому мне стоит только посмотреть на сюжет, и я сразу понимаю всё это»

(ж., 61 год, профессия неизвестна, апрель 2022)

Этот ответ показателен в двух смыслах. Во-первых, он демонстрирует некоторую степень возмущения («Ну, извините»). Верификация информации воспринимается как очевидное правило жизни, поэтому вопрос «верифицируете ли вы информацию?» воспринимается как «чистите ли вы зубы?». Во-вторых, информантка приравнивает верификацию информации к взрослости, а отсутствие такой практики к детскости («я не маленькая девочка»), что говорит о распространенном убеждении: признать, что ты доверяешь информации без проверки, — это все равно, что поставить под вопрос собственные интеллектуальные способности. Таким образом, можно предположить, что за ответами на вопросы об информации часто стоят представления о социально одобряемых способах работы с информацией, а не реальные практики верификации. Наличие такого нормативного давления специфично именно для сторонников войны — в случае сомневающихся и противников, как мы увидим ниже, нормативные ожидания играют меньшую роль.

ПРОПАГАНДА КАК ИСТОЧНИК АРГУМЕНТОВ

Отношение информантов-сторонников к информации и стратегии обращения с ней подчеркивают одну важную тенденцию, которая была [выделена](#) учеными еще в 1950-1960е годы.

Для многих людей пропаганда выполняет функцию не убеждения, а подтверждения. Иначе говоря, пропаганда дает набор аргументов для того, чтобы подкрепить уже существующие предпочтения и отразить аргументы противников. Информанты-сторонники часто склонны воспринимать информацию как недостоверную только потому, что она не соответствует их взглядам.

При этом они используют язык «фейков», который активно распространяют прогосударственные издания, чтобы оправдать эту свою позицию постфактум. Например, среди информантов-сторонников широко распространена активно тиражируемая прогосударственными медиа идея о том, что военные преступления в Буче — это постановка:

*«Вот фейки, их там можно отличить сразу. Вот Буша или Буча, или где это — я только посмотрел, это сразу фейки 1000%! Как они снимали, как там едет он, как разложены трупы, как направлено. Ну явный фейк! Когда там старуху показывают, которая сама говорит об этом»
(м., 71 год, пенсионер, май 2022)*

В начале информант выражает неуверенность не только в отношении расположения Бучи («или где это»), но также правильного названия («Буша или Буча»). Можно предположить, что он слышал опровержения российских источников, которые заявляют о том, что военные преступления в Буче — это постановка, но при этом практически не следил за событиями, а просто заимствует пропагандистское клише для парирования аргумента.

Итак, несмотря на то, что многие информанты-сторонники войны используют разнообразные медиа (в т.ч. независимые

российские и украинские), большинство из них так или иначе потребляют информацию из российских прогосударственных источников (телевидения, каналов и групп в социальных сетях). При этом очень многие не доверяют прогосударственным источникам.

Недоверие основано на представлении о том, что любое медиа — это форма манипуляции, которое стало в России частью здравого смысла, а также на идее о том, что во время войны любая информация — это пропаганда. Однако недоверие по отношению к прогосударственным источникам не заставляет сторонников войны пересмотреть свои взгляды, так как любая другая информация — из независимых, западных или украинских изданий — также считается пропагандой. В ситуации, когда ничему нельзя доверять, большинство информантов говорят об усилиях, которые они прикладывают, чтобы идентифицировать достоверную информацию (например, сравнение нескольких источников и опора на предыдущий опыт и контекст). Однако для наших информантов (и для россиян в целом) признаться в том, что ты не верифицируешь информацию, порой равнозначно признанию в собственной интеллектуальной некомпетентности. Следовательно, можно предположить, что многие описанные стратегии верификации на самом деле являются представлениями информантов о том, как должно относиться к информации, а не описанием их реальной практики.

1⁴ Друзья и близкие: как и с кем они (не) разговаривают о войне?

Военная «специоперация» России в Украине стала причиной раскола в российском обществе. Как в такой ситуации сторонники «специоперации» сосуществуют в одном социальном пространстве с ее противниками, как они общаются друг с другом дома и на работе, в кругу друзей и знакомых? Сохраняются ли возможности для диалога и конструктивного обсуждения между людьми с разными позициями?

СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ: ТИПОЛОГИЯ

Социальное окружение человека обычно включает семью, друзей, знакомых, коллег, в ряде случаев контакты из социальных сетей. Сторонники войны обнаруживают себя в одном из трех типов социального окружения: большинство их близких может разделять их позицию («в кругу единомышленников»); они могут общаться с людьми с разным отношением к войне («поляризованное окружение»); или же большинство их социальных контактов могут быть против войны («в стане противника»).

В кругу единомышленников

Многие из наших информантов-сторонников войны окружены людьми, разделяющими их мнение о «спецоперации». Хотя причины и оправдания военных действий весьма разнообразны (**см. п.1.1**), поддержка решения о начале войны оказывается достаточным критерием для ощущения солидарности и единомыслия в ближайшем кругу:

«В моём окружении, в большинстве, все думают примерно так же, как и я. Да. Раз оно есть, мы живем вот в такой реальности. Мы её принимаем. Мы своих не бросаем» (**ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022**)

При этом рассказывая о своих единомышленниках, информанты различают степени поддержки «спецоперации», от «либерально-нацифистской» (**м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022**) до агрессивной, радикальной, с которой они не всегда могут согласиться:

«Пролетарщина, которой 90%, она еще более радикальна, чем Путин. Они говорят, что надо как США, там коврами надо сносить» (**м., 34 года, гид-переводчик, март 2022**)

«Меня сегодня шеф удивил, прямо не ожидал такого. Он всегда был очень политкорректным. Но сегодня на совещании он выдавал такие вещи, что я прямо

удивился. [Интервьюер: Он прямо за Зю?] Он за Зю, да. Он достаточно жестко, радикально. Он поддерживает, он за»

(м., 37 лет, предприниматель, март 2022)

Находясь в кругу единомышленников, информанты ощущают правоту и уверенность в своей позиции, а также переживают эмоциональную солидарность. Причем они разделяют друг с другом скорее эмоции негативного спектра — принятие происходящего как неизбежного, страх перед будущим, опасения по поводу понижения уровня жизни, переживания за людей, находящихся в зоне конфликта:

«Слава богу, я, мой муж, друзья, они все одного мнения — того, что да, это неприятно все, страшно и очень жаль людей, которые там находятся, но это необходимо. Это такая ассоциация, что когда хирургу надо отрубить конечность от гангрены или вскрыть какой-то нарыв»

(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022)

Поляризованное окружение

Сторонники войны также часто оказываются в окружении людей с противоположными (по отношению друг к другу) оценками военных действий. Информанты отмечают раскол и противостояние между провоенной и антивоенной позицией, начинают делить окружающих людей на свой и чужой «лагеря»:

«Есть в моем окружении люди, которые категорически против этого, не понимают, не принимают. И все очень негативно к этому относятся. Есть в моем окружении люди, которые поддерживают, таких людей тоже очень много. Поддерживают спецоперацию, считают, что мы всё правильно делаем, “за победу”, “за Путина”, “Z”»

(ж., около 40 лет, работница торговли, март 2022)

Мы знаем, что статистически старшее поколение в большей степени одобряет военные действия, чем молодое поколение; что оппозиционно настроенные люди скорее выступают против «спецоперации», тогда как провластно настроенные граждане скорее ее поддерживают. Но в социальном окружении информантов-сторонников войны разлом проходит и по другим линиям: например, родители и дети могут проявлять солидарность в одобрении войны или, скажем, люди, поддержавшие присоединение Крыма в 2014-м, или коллеги с оппозиционными взглядами оказываются по разные стороны баррикад.

Существование в поляризованном окружении порождает различные эмоциональные реакции и отношение к противникам «спецоперации»: спокойное и сдержанное отношение (пусть говорят, «выпускают пар», но не мешают) соседствует с непониманием, недоумением (как они могут быть против?), раздражением от непримиримости позиций, невозможности диалога и даже некоторым снисходительным презрением:

«Десять лет прожить, Украина вступает в НАТО, в Украине появляются базы НАТО, Россия под колпаком. Ну, если им была бы такая жизнь лучше, то мне их искренне жаль»

(м., 21 год, студент, февраль 2022)

Позиция тех, кто решил покинуть страну из-за своих антивоенных взглядов, также не вызывает у сторонников «спецоперации» понимания:

«Большинство её [жены] знакомых относятся к этому отрицательно. Часть уехала уже из России, что с моей точки зрения громадная ошибка. Потому что проблемы даже на бытовом уровне у граждан России, имеющих только одно гражданство российское возникают уже сейчас. Ну, банально проблемы с банками, то есть даже имея счета за рубежом, люди не могут пользоваться своими деньгами»

(м., 58 лет, профессия неизвестна, март 2022)

В стане противника

Лишь несколько наших информантов-сторонников войны обнаруживают себя в окружении людей, которые выступают против военных действий. Такие информанты в каком-то смысле «неожиданно» (для других и себя) оказались сторонниками «спецоперации». Так, мужчина, вовлеченный в оппозиционную политическую деятельность и выступающий против политики российской власти, счел своим долгом поддержать действия российской армии как гражданин России:

«Я остался фактически в социальной изоляции, потому что подавляющее большинство друзей в ужасе, естественно они против войны. Но я поддерживаю все равно вооруженные силы, потому что, как гражданин России, я по-другому поступить не могу. Потому что потом, когда все закончится, то кому-то опять надо будет заниматься оппозиционной деятельностью, поддерживать политическую конкуренцию. А если ты сейчас не поддержал свои вооруженные силы, то у тебя нет никакого морального права претендовать на какую-то политическую субъектность в России не останется» (м., 34 года, маркетолог, март 2022)

Другой пример — история россиянки, которая уже несколько лет проживает в Германии и работает на немецкую компанию. Под влиянием расширяющихся санкций в отношении России и ощущения нарастания русофобских настроений она прошла путь от решительной критики спецоперации на Украине до принятия происходящего и согласия с тем, что военные действия неизбежны и необходимы для поддержания безопасности России, помощи жителям Донбасса.

Сторонники войны, которые оказываются в окружении ее противников, тяжело переживают такую ситуацию. Они могут подвергаться нападкам и обвинениям со стороны противников, ощущать себя одинокими, отвергнутыми, непонятыми, чувствовать себя дискомфортно в привычном кругу общения. Это приводит к разрушению старых социальных связей, которые, к тому же, не замещаются новыми.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНОМЫШЛЕННИКАХ И ОППОНЕНТАХ

Информанты не только выделяют различные мнения в своем окружении, но и формируют представления об их носителях, о своих единомышленниках и оппонентах. Единомышленники, которые поддерживают «спецоперацию», наделяются позитивными чертами (патриотизм, любовь к Родине, ответственность, рациональность). Противники, напротив, представляются людьми с изъянами мировоззрения (непатриоты, космополиты), недостаточно осведомленными или нерационально рассуждающими. Люди с нейтральной позицией, не выражающие определенного мнения относительно спецоперации, как правило, не замечаются информантами, исключаются из картины своего окружения.

Единомышленники

Ключевая характеристика сторонников «спецоперации», с точки зрения информантов-сторонников, это патриотизм. Он выражается в гордости за русское/ русских, в любви к Родине, которая, в свою очередь, подразумевает поддержку действий российского государства, президента, своей армии и т.п. в любых обстоятельствах. **Информанты-сторонники войны обычно не делают различий между Россией как страной и государством: в их понимании любовь к стране, проживание на ее территории, причисление себя к русским неизбежно включает поддержку действий своего государства.** Поддержка «спецоперации» в этом смысле видится как пророссийская, истинно патриотическая позиция русского человека:

«Все нашего возраста, все: “Да, правильно, молодец Путин!” Поддерживаем, как только можем, всё. Вот это наше поколение. Но у нас и воспитание такое»
(ж., 72 года, пенсионерка, март 2022)

Оппоненты

Главной характеристикой противников военных действий, по мнению информантов-сторонников, является отсутствие патриотизма. Оно выражается в порицании русского

народа и поддержке антироссийских санкций, что видится информантами как проявление ориентации на Запад, связывается в их сознании с опытом общения с Европой, путешествий и жизни в других странах, особенно западных:

«Люди с опытом работы и жизни за границей, люди, ориентированные на Европу. Либо кто жил долго за границей, но потом вернулся по каким-то причинам, то он поддерживает ту сторону»

(м., 42 года, профессия неизвестна, март 2022).

Когда патриотизм уравнивается с поддержкой государства, а провластная позиция — с пророссийской, критика «спецоперации» воспринимается информантами как антироссийское действие. В глазах сторонников противники войны выступают на стороне тех, кто нацелен унижить русский народ, ослабить Россию (*«чтобы страна на колени встала»*, **м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022**), и угрожает существованию «русского мира»:

«Есть, конечно, некоторое количество друзей, и есть просто знакомые, которые всю жизнь считали русских быдлом и так далее, «народ-раб», что [его] в принципе не должно существовать»

(м., 50 лет, администратор, март 2022)

Другая яркая черта образа противника «спецоперации» в глазах ее сторонников — это критическое отношение к власти, сочувствие оппозиции и участие в протестной деятельности, особенно характерное для молодежи и интеллигенции:

«Те, с кем я познакомился в Москве — это, в основном, молодые люди около 20, от 17–18 до 25 лет. <...> Они очень по-новому социализируются <...> и вообще придерживаются очень прогрессивных взглядов. Они

в подавляющем большинстве не поддерживают эту операцию, причем активно не поддерживают. Они массово ходят в единичные пикеты»
(м., 43 года, инвестор, март 2022)

Оппозиционность так же устойчиво ассоциируется нашими информантами с политической активностью Навального («навальнята», **ж., 72 года, пенсионерка, март 2022**) и симпатиями оппозиционным СМИ.

Информанты-сторонники склонны представлять противников «спецоперации» как не вполне полноценных субъектов. Противники видятся им людьми, которые не разбираются в проблеме, не задумываются об угрозах для страны, подвержены эмоциям. Соответственно, информанты-сторонники не воспринимают антивоенную позицию всерьёз:

«Есть у меня знакомый, старый друг. Он больше не разбирался, он просто пацифист. И он выходил на площадь с бумажкой “Нет войне!”, очень ругает меня в Facebook, мол как так можно, надо быть в принципе против войны. Ну, пацифизм, он такой, просто пацифизм» **(м., 50 лет, администратор, март 2022)**

Зачастую информанты-сторонники усматривают в антивоенной позиции знакомых им противников чрезмерную эмоциональность («заламывают руки», **м., 34 года, гид-переводчик, март 2022**), склонность к драматизации и преувеличениям, агрессивное отстаивание своей точки зрения. Это вызывает неприятие и порицание, выливающиеся в презрительно-снисходительное отношение и нежелание вступать в диалог:

«Казалось бы, что мы в целом видим вещи более-менее одинаково, но, когда началась Украина, всё, у них сорвало крышку, и они вот все, там чистые, свободные. Ясноокая голубоглазая девочка, невинная Украина, на которую ни за что внезапно обрушился кровавый маньяк и насильник, ну, в общем, всё. <...> Какую-то новость пришло, да, и если новость не будет

говорить о том, что “кровавые упыри российские съели...”, а просто сообщается, как вот формально, да, сообщается о событии. Всё! У него уже там начинается гореть во всех [местах]...»

(м., 40 лет, гид, март 2022)

Также сторонники склонны думать, что противники «спецоперации» не имеют независимого мнения, т.к. стали жертвами пропаганды, оказавшись под влиянием недружественных СМИ и политических движений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОППОНЕНТАМИ

В ситуации, когда мнения по поводу военных действий в ближайшем окружении информантов кардинально расходятся, взаимодействие с близкими становится проблематичным. У большинства информантов есть родственники, друзья, знакомые, которые не одобряют военные действия. Каким образом они выстраивают общение с ними? Насколько остро стоит проблема конфликтов? Какие поведенческие стратегии вырабатывают сторонники для налаживания взаимодействия?

Информанты-сторонники войны описывают несколько основных способов взаимодействия с близкими, находящимися по другую сторону баррикад. Эти способы различаются по степени интенсивности общения на тему войны и степени эмоциональной вовлеченности: они спорят, «цивилизованно обсуждают» войну, избегают разговоров о войне или перестают общаться в принципе.

Споры

Эта стратегия характеризуется неприятием противоположной точки зрения, уверенностью в неправоте оппонента и стремлением его/ее переубедить. Споры сопровождаются интенсивными эмоциями (обычно негативными — раздражением, гневом), психологическим давлением, и могут приводить к конфликтам:

«Даже самое близкое окружение разделилось. Это же вплоть до ссор. Мама с тётей поругались, два дня не разговаривали»

(ж., около 40 лет, работница торговли, март 2022)

«Цивилизованное обсуждение»

В отличие от информантов, практикующих споры с близкими, те, кто придерживается стратегии «цивилизованного обсуждения», с большим уважением относятся к позиции оппонента. При обмене мнениями о «спецоперации» они стараются сознательно поддерживать эмоциональную нейтральность, например, внимательно выбирая слова в процессе разговора:

«Эту точку зрения я пытался до них донести, избегая каких-то агрессивных, провокативных высказываний или слов, которые могли бы интерпретированы собеседниками как неприятие их точки зрения, скажем в информационной манере»

(м., 43 года, инвестор, март 2022)

Избегание

Информанты-сторонники могут также избегать, «сворачивать» разговоры про «спецоперацию», стремиться исключить эту тему из повседневного общения, при этом сохранив все другие взаимодействия. Таким образом они уменьшают эмоциональный накал, связанный с обсуждениями войны, который вредит не только окружающим, но и им самим:

«Я сказала, что дома о политике я больше не говорю, я не могу. Я даже с вами говорю, у меня болит с левой стороны, где сердце» **(ж., 60 лет, врач, март 2022)**

Избегание также используется для сохранения отношений в семье, на работе, где разговоры о «спецоперации» могут разрушить привычные паттерны взаимодействия. Наконец, информанты также прибегают к избеганию разговоров о войне, когда не видят смысла в обсуждении — например, когда они убеждены, что

разговоры не способны повлиять ни на мнение других людей, ни на ход военных действий:

«У кого противоположные точки зрения — стараемся эту тему не поднимать. Понятно, что люди разные, у каждого своя позиция, просто стараемся эту тему не затрагивать» (м., 37 лет, журналист, март 2022)

Разрыв

Наконец, иногда информанты-сторонники полностью прекращают общение с людьми противоположных взглядов. В наших интервью об этом упоминается достаточно редко. Обычно отношения разрывают с людьми «радикальных» взглядов, агрессивно отстаивающих свою позицию:

«У меня просто у девушки тоже родственники на Украине. И она говорит, что они явственно, лютуют против Путина и операции, но при этом она про Z, что называется. То есть тут всё очень сложно, это и так понятно. Поэтому с такими людьми, да, у меня разорвалось» (м., 40 лет, гид, март 2022)

Способы взаимодействия со знакомыми меняются со временем. О «спорах» и «цивилизованном обсуждении» говорят, в основном, информанты, с которыми мы разговаривали в первый месяц войны. Вероятно, в этот момент людям было важно выяснить позиции друг друга, они были готовы к диалогу. Вместе с «затягиванием» войны наступает усталость. Когда позиции высказаны, разногласия и аргументы проговорены, а конфликты — пережиты, информанты начинают чаще избегать разговоров о войне.

Итак, социальное окружение сторонников войны неоднородно, не замкнуто на сообщество единомышленников. Круг единомышленников подкрепляет позицию сторонников войны,

поддерживает ощущение правоты, дает возможность переживания солидарности. Взаимодействие с оппонентами обычно вызывает негативные эмоции и ведет к напряженности в отношениях.

Противники войны наделяются негативными атрибутами, стереотипными чертами, и причисляются к враждебным России силам, а также представляются как недостаточно рациональные субъекты, едва ли способные к независимому и обоснованному мнению.

Однако прекращение общения или полный разрыв отношений с носителями противоположной точки зрения — редкая среди наших информантов практика. Преобладающими являются попытки избегания споров, отказа от обсуждения военных действий, «разговоров о политике». Это позволяет предотвратить конфликты и сохранить отношения с близкими. С другой стороны, такое избегание может привести к вытеснению на периферию общественного внимания тревожной темы «конфликта» и сузить возможности для диалога между оппонентами.

1⁵ **Последствия войны: чего они ждут и боятся?**

В этом разделе мы рассмотрим, какие последствия войны для России и для себя лично предвосхищают ее сторонники. Информанты говорят об экономических (например, связанных с санкциями) и неэкономических, а также позитивных и негативных последствиях войны. Мы также увидим, какие стороны российской экономики долгое время казались сторонникам наиболее уязвимыми, и к какой экономической модели следует, с их точки зрения, стремиться стране. Война для многих сторонников — пусть и катастрофа, но катастрофа, открывающая новые возможности и дающая надежды на решение назревших проблем.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Многие информанты-сторонники войны замечают подорожание товаров и не питают иллюзий по поводу нынешнего состояния экономики страны. Большинство из них прогнозируют ухудшение своего финансового положения и положения страны в целом. Сторонники войны, в отличие от тех, кто выступает против (см. п. 3.5), считают, что западные страны неплохо знают российский контекст — с их точки зрения, санкции были заранее спланированы и рассчитаны именно на те производства, что наиболее зависят от импорта. Несмотря на пессимизм по отношению к нынешней ситуации, они более позитивно, чем противники и сомневающиеся, смотрят на дальнейшую перспективу российской экономики (*«2-3 года будет тяжело, потом будет получше»*, ж., 40 лет, менеджер проектов, май 2022) и чаще говорят о том, что готовы потерпеть временные экономические трудности для достижения политических целей страны и спасения жизней людей в Л/ДНР. Здесь мы подробнее остановимся на том, почему экономические последствия войны не пугают ее сторонников, и почему некоторые из них только приветствуют санкции, которые накладывают на Россию западные страны.

Пережили 1990-е, переживем и это

Многие информанты-сторонники войны при обсуждении ее экономических последствий говорят о том, что страна уже давно находится под санкциями и этот факт не сильно повлиял на жизни людей в последние годы:

«Санкции, они давно уже. В России это ведь даже когда я жила, они уже были, после Крыма они начались, если я не ошибаюсь. Может быть, они были и до этого, не знаю... Соответственно, те санкции, которые тогда были — люди уже привыкли к ним, и я уже тогда к ним привыкла. Обычные люди воспринимали даже со смехом, типа “да ну, фиг с вами, проживем”.
II, насколько я знаю, сейчас даже у очень многих своих знакомых в России, у них такое же отношение

— «да это не в первый раз. Санкции — что там? Проживем без вашего Макдональдса»»

(м., 24 года, помощник депутата, апрель 2022)

Также информанты ссылаются на свой жизненный опыт, говорят, что пережили 1990-е годы, сталкивались с лишениями и не боятся повторения этого:

«Ну, переживем. У нас все-таки Кубань, мы люди-куркули, запасливые, земля прокормит, главное не лениться. Дачу засадили картошкой, так что переживем. В целом — были, конечно, проблемные какие-то вещи, чисто экономического плана, те же акции. Я вкладывался в одни, они теперь заморожены или банки, которые попали под санкции, они заморожены. Но я не вижу в этом ничего смертельного, опасного. В первый раз что ли? Проходили уже много раз это. И 1998 год, деноминацию, и тому подобное»

(м., 46 лет, научный сотрудник, май 2022)

Некоторые информанты, сравнивая нынешнюю ситуацию с 1990-ми, видят не столько ухудшение положения и наступающие тяжелые времена, сколько окно возможностей для предпринимателей:

«Если честно, то сейчас становится довольно интересно. Это возврат в 90-е. Это прямо шикарное время, когда можно развернуться. Это когда рынок, который был поделен между крупным и средним бизнесом, и когда мелкому, да и среднему бизнесу было довольно сложно пробиться в тендеры, в чиновничьи разборки семейные, когда уже все было поделено наверху — сейчас уже открываются такие горизонты, что ого-го! Причем, возможностей гораздо больше! Все-таки в 90-е года границы были закрыты, люди не знали, где что где производилось и как это все доставать. Теперь просто изменяется логистика, логистические пути.

Но найти выход из это просто. Это гораздо интереснее! Кто успел, тот и дальше будет на коне»
(м., 46 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Это временно, в будущем Россию ждет подъем

Некоторые поддерживающие войну информанты признают, что «спецоперация» приведет к снижению уровня жизни, обеднению населения, безработице и другим последствиям, но выступают с позитивной повесткой: сейчас нужно перетерпеть, а дальше экономика страны воскреснет.

«В экономическом как минимум 2—3 года будет тяжело, потом будет получше, мне так кажется. Мы не такие уж и слабые, на первом в мире по снабжению всего мира зерном. В сельском хозяйстве мы не так уж плохи, как думают некоторые люди, которые живут в нашей стране. В 138 стран поставляли. Все-таки, у нас недра, богатства, слава богу, их фазу не пропешь»

(ж., 46 лет, менеджер проектов, март 2022)

Те, кто признают ресурсность экономики страны, надеются на усиление связей с Китаем и в принципе готовы на поворот страны на Восток в экономическом плане:

«Все-таки довольно существенная часть экономики завязана на Восток, поэтому я думаю, что в полной изоляции мы не окажемся. Да, будет определенный коллапс, будет кризис, мы его уже наблюдаем. Но будет, наверное, еще хуже, чем сейчас. Но потом это все должно наладиться. Мне кажется, что жизнь все равно будет продолжаться. Сколько таких критических периодов было — потом все налаживается через какое-то время»

(м., 34 года, маркетолог, март 2022)

В целом, продвигаемая с 2014-го года правительством идея импортозамещения находит отклик у информантов и дает надежду на восстановление экономики в будущем. Многие

из сторонников верят в то, что санкции Запада дадут толчок к изменениям внутри страны, что люди начнут работать на внутренний рынок, что будет «всё своё». Кроме этого, развитие российского производства видится как решение проблемы «сырьевой иглы».

Эта группа сторонников чаще высказывается на тему самостоятельности государства. Здесь чаще всплывает ностальгия по советской модели экономики, которая, по мнению информантов, была более эффективной, сильной и независимой:

«Сейчас, если народ одумается и поймет, что мы можем ни от кого не зависеть... Не в том плане, что мы должны отгородиться от всего мира и начать шпарить все. Но в прошлом веке наша страна производила для нужд населения сама всё. Опять же в разные периоды было по-разному. То есть, начиная с 70-го года технический прогресс у нас по факту заморозили вообще»

(м., 27 лет, прораб, звукорежиссер, март 2022)

Обсуждая санкции, эти информанты обращаются к опыту последних 8 лет, утверждая, что за это время страна успела подготовиться к изоляции. В этом смысле, с их точки зрения, Россия больше готова к санкциям, чем Европа. Вместе с тем, любопытно, что сторонники автаркической модели экономики могут внезапно превращаться в экономических глобалистов — когда критикуют западные страны. Так, один из информантов сначала ратует за полную экономическую самостоятельность России:

«Ну, чтобы независимо от нефти и газа страна имела свои заводы, свое производство абсолютно всего. Полностью независимой энергетически, финансово, то есть самоустоявшаяся страна. <...> Так что вот в этих санкциях, честно говоря, для меня какая-то надежда есть, что все-таки Россия начнет развиваться, в конце концов. Не вооружением, ни чем-то, а именно производством, именно вот этим: строительством,

индустриализацией, строительством собственных заводов, станкостроения, возрождения своего сельского хозяйства»

(м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

А затем говорит о том, что западным странам не следовало бы нарушать правил глобальной экономики:

«Опять же с другой стороны ведь посмотришь на ту же Германию, Италию, Испанию и прочие... II где? II насколько и какие цены поднялись. II думаешь: вот это же обоюдоострое оружие. Неужели было непонятно, что по экономике-то всем ударит? Не только по нам. Стрелять себе в ногу, желая наказать нас — это, конечно, тоже не совсем правильно. Поэтому экономически страдают сейчас все»

(м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

Таким образом, сторонники войны намечают два пути решения экономического кризиса. Одни признают зависимость страны от добычи ресурсов и верят в развитие экономических отношений с Китаем и другими азиатскими странами. Другие надеются на импортозамещение, в рамках которого Россия сможет вырастить своих специалистов, наладить производство и жить независимо от других стран, как это было при Советском Союзе. Введение санкций после присоединения Крыма и последующее благополучие выступает здесь доказательством, что экономика страны способна справиться с разрушением международных связей. В то же время некоторые информанты, выступающие за экономическую автаркию, могут, парадоксальным образом, критиковать западные страны за нарушение правил глобальной экономики. Получается своеобразный принцип: автаркия для души, глобализация для потребления.

Высшие идеалы важнее санкций

В разговорах об экономике с теми, кто поддерживает «спецоперацию», часто появляется тема отказа от личного благополучия в пользу высших идеалов, таких, например, как

спасение жизней жителей Л/ДНР (эта тема присутствует и у противников спецоперации, когда они говорят о необходимости поддержать мирных жителей Украины, **см. п. 3.5**):

«Нет, естественно, все эти санкции, они как-то отразятся, но в общем-то сейчас об этом даже думать не хочется. Я считаю, что жизнь людей — она по любому важнее. И это [война на Донбассе] бы длилось бесконечно. Я говорю, или бы их [жителей Л/ДНР] просто стерли с лица Земли»

(ж., 59 лет, пенсионерка, март 2022)

Для того, чтобы показать, что экономические потери по сравнению с потерями человеческими не так важны, сторонники войны могут обращаться к аргументу, который мы уже рассмотрели выше — «пережили 1990-е и это переживем»:

«Ну, самые большие последствия [того, что происходит в Украине] это, естественно, человеческие, по сравнению с которыми все остальное меркнет. Экономика, ну, на мой взгляд, это фигня. Мы, Россия, привыкли подниматься, на колени, вставать с колен, мы пережили уже не один кризис и в 90-е, ну и знаем, что такое покупать сахар, по талонам получать, то есть это... По мне вот это не страшно! Страшно то, сколько погибнет и уже погибло, наших военных, сколько погибнет мирных жителей, сколько погибнет детей — вот это страшно»

(ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

Наконец, противопоставление экономического благополучия и нематериальных ценностей появляется в рассуждениях информантов о младшем поколении, которое, по их мнению, слишком привыкло к комфорту. По их мнению, такие люди (в отличие от них) не готовы отказаться от каких-то материальных благ в ситуации, когда страна нуждается в их поддержке:

«Людам, которым 30 лет, они рафинированные и умеют зарабатывать деньги и жить в комфорте. Людам, которым 40 лет, они зарабатывают деньги, живут в комфорте, вот как-то. Нам по 50 лет, мне 54 года. Я не работаю в заграничной фирме, я не мотаюсь на заграничные курорты. <...> Сейчас для этих молодых людей это шок, это ужас, о боже, у нас нет денег. Я говорю: „Вот, идите зарабатывайте свои деньги, у вас же таланты, у вас же способности, у вас же блестящее образование“. Нет, некоторые уезжают из страны. Но мне, уроженке Донбасса странно — когда страна нуждается в квалифицированных кадрах, уезжать из страны»

(ж., 54 года, профессия неизвестна, апрель 2022)

Опасения: появление дотационных регионов

В разговорах с некоторыми информантами-сторонниками войны чаще, чем в разговорах с противниками или сомневающимися, возникают опасения, связанные с восстановлением регионов Л/ДНР и других потенциальных областей, которые может присоединить Россия. Они говорят о том, что дотации будут истощать бюджет страны и относятся к этому с беспокойством:

«Как это повлияет на российскую экономику? Я считаю, что повлияет, поскольку Россия точно будет вкладываться на восстановление разрушенных городов, а платить за это олигархи не сильно торопятся. Так что естественно это все будет доставаться из карманов простых людей»

(м., 24 года, помощник депутата, март 2022)

Экономические последствия — главные, но не единственные перемены, которые принесет с собой война, по мнению ее сторонников.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИКИ: КАК ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА?

Интересно, что информанты-сторонники войны чаще, чем противники и сомневающиеся, задумываются о собственно военных последствиях происходящего. Если противники и сомневающиеся в ответах на вопрос о последствиях часто «пропускают» тему итогов боевых действий и «переходят» к послевоенным прогнозам, то сторонники, как будто чувствуя часть ответственности за войну, беспокоятся о том, чем закончатся события на поле боя. В некоторых случаях это беспокойство может способствовать даже перемене позиции или же своеобразным кульбитам рассуждения — я была за войну, но маленькую, она переросла в большую, и я против этого, но теперь надо решительно выигрывать:

«Недели две прошло, ничего не закончилось. Ну, и начала я дальше думать-думать. И вот в итоге я думаю, что ничего хорошего из этого не получилось, хотя идея... Я все равно поддерживаю, что идея была хорошая изначально. Пока вот эта мысль в голове у меня держится. Что идея была хорошая, что было бы это всё, очень здорово, если бы это всё быстренько получилось, убрать правительство вот это, да, нацистское, поставить более адекватных людей, и тогда можно было бы всё это ... И очень многие люди, кто вместе со мной был за, начали думать и говорить, что наверное, что-то у нас не получилось всего того, что мы хотели сделать. Ну уже обратно не пойдешь. Потому что, тогда вообще Россию растопчут, если мы пойдем назад. <...> Россия как страна, как государство мощное, оно потеряет сразу. Тогда нам точно всем конец»

(ж., около 40 лет, работница торговли, март 2022)

Противники войны тоже рассуждают о распаде страны, но не в контексте самих боевых действий — для них это вероятный страшный или, наоборот, радикально оптимистичный итог всего правления режима Путина, указывающий на его преступность
(см. п. 3.5).

ПОЗИТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Некоторые сторонники «спецоперации» видят позитивные для России и для них лично последствия войны — причем не только экономические, о которых мы уже писали выше.

Как и противники войны, информанты-сторонники озабочены местом России в мире. Здесь мнения первых и вторых часто противоположны. Если противники считают, что Россия утратит свои позиции, став страной-изгоем из-за войны (**см. п. 3.5**), то многие сторонники полагают, что это до войны Россия занимала в глобальной системе не самое почетное место. Война видится им способом повысить статус России в мире:

*«Наконец-то люди вздохнут свободно от этого прессинга фашистского, натовского, и заживут.
[Интервьюер: Где и как?] Россия, в общем-то, доведя спецоперацию до логического конца, займет нужное нам и нашим потомкам положение в новом миропорядке. Потому что для НАТО и их прямых хозяев, Соединенных Штатов Америки, поражение в этой спецоперации... Почему такой закус-то идет? Для них это будет равносильно краху, краху их духа, идеи, а следом и физическому»*
(м., 40 лет, координатор молодежных проектов, май 2022)

Эти сторонники войны считают, что Россия победит и *«станет серьезнее, расширит свои территории, укрепится»* (м., 37 лет, профессия неизвестна, апрель 2022), что она станет частью обновленного и окрепшего восточного глобального блока, куда также входят Китай и Индия, что в ней произойдет обновление власти, которая станет более патриотичной и эффективной.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Важно, однако, отметить, что сторонники войны — далеко не всегда утопические оптимисты, окрыленные идеями милитаризма или реваншизма. Многие из них могут быть пессимистами — и сходиться в этом отношении с противниками «спецоперации»

и сомневающимися в своей оценке войны людьми. Причем речь идет не только об экономических ухудшениях, очевидных всем. Некоторые сторонники могут, например, с опаской говорить об усилении репрессий:

«Будут проблемы у тех, кто будет публично выражать свое несогласие с этой войсковой операцией. Не знаю, насколько ужесточится политика российского правительства по отношению к несогласным, не берусь судить. <...> Я знаю, что в России есть проблема полицейского насилия, есть проблема несоразмерных наказаний, когда людям дают 2—3 года за репост в социальных сетях»
(м., 43 года, эксперт по проектным делам, март 2022)

Сторонники с ужасом говорят о разрыве связей между россиянами и украинцами, в том числе, обращаясь к личным историям:

«У каждого второго есть родственники на Украине. Страшно то, что рушатся родственные связи. У меня личный пример: у мужа двоюродные братья, у него отец из Житомира. Они просто слышать не хотят. <...> Мы были с [имя мужа] на Украине, мы были в Киеве, я знаю конкретных [людей]... Ни дня не проходит, чтобы я не думала об этих конкретных людях»
(ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

Сторонники опасаются общественного раскола, более того, они могут опасаться его, видя рост милитаризма в обществе — и осуждая его:

«Из последствий лично чего меня вот больше всего волнует. Что народ очень долго не сможет прийти к какому-то общему мнению. Пока одни люди, которые живут в своих влажных мечтах, все такое... Пока они поймут, что происходит, они продолжают поливать Россию помоями, мягко говоря. А те, кто сейчас за Россию, не в том плане, что объективно

поддерживают, а есть такие идиоты, которые реально пишут “бомбите их там всех”, “захерачьте их там всех”. Опять же я вот созванивался с Ростовом, там вот подруга живет. У неё родня в Умани и в Луганской области. И она говорит: Мне прилетают сообщения о том, что да, так вам и надо. Хохлы — позор... Ну, я мягко сейчас говорю, если ты записываешь. От таких людей вреда будет гораздо больше. <...> То есть народ уже по факту разделен. <...> Единственное, что я сейчас очень сильно хочу, чтобы люди как [можно] меньше у нас здесь в России устраивали грызню между собой»

(м., 27 лет, прораб, звукорежиссер, март 2022)

Таким образом, и сторонники, и противники войны могут похожим образом говорить о негативных неэкономических последствиях российского вторжения. Однако это сходство происходит не из сходства, а из различия их взглядов. Противники видят войну ошибочным или преступным событием, которое пошатнет основы жизни: экономику, права и свободы, отношения между людьми. Сторонники же видят саму войну чем-то фундаментально необходимым или неизбежным, за что придется заплатить определенную цену в виде экономических проблем, нарушений прав и свобод и разрушения отношений между людьми.

Таким образом, война в представлении информантов-сторонников — это необходимое событие сразу в двух смыслах. С одной стороны, в смысле неизбежности — война была неизбежна, а значит, неизбежны и те краткосрочные негативные последствия, которые она с собой несет. С другой стороны, война необходима в смысле возврата России к своему историческому величию: к своей экономической мощи, самостоятельности, процветанию. Величие, правда, не мыслится как что-то, что наступит неизбежно, скорее, война дает надежду, открывает окно возможностей.

как они оценивают масштабы жертв и реагируют на них?

Одной из самых горячих тем в многочисленных дискуссиях о «спецоперации» среди россиян стал вопрос о масштабах жертв. В этом разделе мы рассказываем о том, кого сторонники войны считают её жертвами, каким образом они следят (и следят ли) за информацией о жертвах, и какие эмоции они переживают по этому поводу.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖЕРТВАХ: СЛЕДЯТ ЛИ ЗА НЕЙ СТОРОННИКИ « СПЕЦОПЕРАЦИИ »?

Прежде всего стоит отметить, что для большинства информантов-сторонников войны её жертвы — это мирное население Украины и жители Л/ДНР. У информантов нет консенсуса по поводу того, считать ли жертвами войны военных с обеих сторон, поскольку последние могут объявляться “террористами” или же, напротив, профессионалами войны, а значит, их смерть — в порядке вещей.

Подавляющее большинство наших собеседников полагают, что истинные масштабы жертв неизвестны — и не могут быть известны — широкой публике:

«На войне врут все. Врет и одна сторона, другая сторона врёт, и так далее, и так далее. На войне как таковой, и, если она называется полицейская операция, спецоперация, там правды в принципе нет. <...>

Украинская сторона публикует свои цифры, наше министерство обороны публикует свои цифры»

(м., 50 лет, администратор, март 2022)

Многие считают, что отсутствие достоверной информации о жертвах — это необходимая часть военной стратегии, поскольку

«один из принципов ведения современной войны <...> предполагает неразглашение данных о потерях как техники, так и живой силы» (м., 37 лет, предприниматель, март 2022). Другие полагают, что они недостаточно компетентны для того, чтобы оценивать последствия военных действий. Третьи, напротив, настаивают на объективности своих личных оценок, ссылаясь на «инсайдерскую информацию», к которой у них есть эксклюзивный доступ (закрытые Telegram-каналы, знакомые и родственники):

«Я, как человек, который в свое время пытался поступать в военное учебное заведение, знаком с такой штукой, как военная статистика. Есть у меня знакомые, кто лечит в госпитале российских раненых. Соотношение должно быть примерно 3.27, то есть на 3.27 раненых должен быть один убитый, теоретически, по нашим современным меркам. Я думаю, что убитых сотни со стороны России»
(м., 37 лет, предприниматель, март 2022).

Мы выделили три основные стратегии обращения с информацией о жертвах информантами-сторонниками «спецоперации».

Доверие «надежным» источникам

Большинство наших собеседников среди поддерживающих войну рассказывают, что следят за информацией о жертвах — и черпают ее из «надежных источников». Для кого-то «надежные источники» — это самостоятельно сформированный список медиа, причем составленный как после начала войны, так и задолго до ее начала:

«Я за 20 лет сформировал себе референтный пул, скажем так, людей, взгляды которых мне комплиментарны, понятны, я считаю из взрослых, без всяких взвизгов, забегов типа “всем бежать туда, бежать сюда”. А из СМИ — у меня что-то есть, я

*для себя разбавляю, там что-то заукфанское,
с криками, визгами “все пропало!”»*

(м., 50 лет, администратор, март 2022)

Для других «надежные источники» — это знакомые, друзья, родственники, у которых есть прямой доступ к «достоверной» информации. Это могут быть, скажем, люди, работающие в российских военных структурах или проживающие в восточной Украине. Наконец, для третьих — это официальные российские источники, например, федеральные СМИ или Министерство обороны, ведь государство, в отличие от неизвестных журналистов, дорожит своей репутацией и не будет «врать»

(см. подробнее п. 1.3):

*«Я больше склонен верить официальным российским
данным на данный момент, потому что
альтернативы более правильной я не вижу. Никто
в мире это не освещает, эту информацию не дают
в более-менее удобоваримом виде, только российские
каналы» (м., 44 года, строитель, музыкант, март 2022)*

Активный поиск правды

Некоторые информанты-сторонники войны рассказывают, что они сравнивают новости из разных источников для того, чтобы установить правду о гибнущих людях, разрушенных домах и инфраструктуре (эта стратегия является общей для всех категорий информантов — сторонников, противников и сомневающихся). Многие из информантов-сторонников обращаются и к пророссийским, и к проукраинским источникам. Такие информанты убеждены, что текущая война — это война информационная:

*«Ну, я и Зеленского, естественно, смотрю
официальные. И неофициальные, то что там...
и я смотрю, и то, и сё. И что-то пытаюсь для себя
делать какую-то аналитику. Новости я тоже смотрю
всегда. И в Интернете, и по телевизору. Сейчас я*

читаю, в основном, Telegram-каналы, я там подписана, там коротенько и по сути... <...> Ну, с каких-то переключаюсь на другие... У меня есть официальные, и Риа-Новости, и Би-Би-Си, я читаю, в том числе, то есть официальные каналы СМІ, ну и как бы там чуваков, которые там и за тех, и за тех, и оттуда ведут какие-то сводки. Ну, то есть всё читаю. Пытаюсь как-то для себя построить... не только то, что показывают по официальным федеральным каналам. <...> Я абсолютно допускаю, что это может быть постановочное [про Бучу], потому что как я уже говорила, информационная война идет намного сильнее и мощнее того, что происходит там [в зоне боевых действий]»

(ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

Игнорирование

Наконец, часть информантов-сторонников войны предпочитают вовсе не следить за информацией о жертвах войны. По их словам, такая информация, во-первых, заставляет их переживать и негативно сказывается на самочувствии, и, во-вторых, попытки установить правду бессмысленны в ситуации военного конфликта и «информационной войны»:

«Про украинские потери неизвестно вообще практически ничего. То есть известны какие-то цифры, но доказательств нет, поэтому какой смысл на это реагировать?» (м., 21 год, студент, февраль 2022)

Кто виноват в гибели людей?

На кого информанты-сторонники возлагают вину за жертвы среди мирного населения? В первую очередь, на украинскую армию и «укробатальоны», которые используют мирных жителей как живой щит:

«Про потери среди мирного населения — от подруги вчера буквально слышал про мариупольский театр. У нее сестра двоюродная в Мариуполе как раз. И она говорит, что российская армия бомбила театр. [Интервьюер: Что ты думаешь по этому поводу?] У меня вопрос возникает. Да, люди кто в театре находились... Я не знаю, что там произошло, но может быть они погибли. Я не уверен, что российская армия бомбила. Когда люди находятся в закрытом помещении, на них падает бомба, взрыв происходит — они могут сказать, кто на них кинул эту бомбу? Я не верю, что это могли сделать мои соотечественники, пацаны, мои ровесники, которые сейчас по контракту в армии служат. Даже по приказу! Как так-то? Не может же этого быть»
(м., 38 лет, предприниматель, март 2022).

И, напротив, российская армия не только не убивает мирных жителей — наоборот, она защищает их от зверств «нациков»:

«Я думаю, что наши войска оттуда, наверное, не надо было выводить. Этот вывод произошёл, потому что во время переговоров в Турции было принято решение, и на основании этого решения из города Буча вывели наши войска. Наверное, этого не надо было делать. [Интервьюер: А почему не надо было?] Тогда бы не было этих погибших людей. Потому что история очень мутная. Наши войска вышли оттуда. Мэр города, улыбаясь, объявил, что войска вышли, город освобожден. А через 2-3 дня вдруг случилось то, что случилось»
(ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022)

Таким образом, информанты-сторонники рассуждают от противного: если российская армия не могла совершить эти убийства (а она не могла, ведь то, что происходит — это

не настоящая война, а вынужденная мера, и «российская армия действует аккуратно» (ж., 59 лет, пенсионерка, март 2022), **атакуя только военные объекты, и вообще «пацаны» на такое не способны), то очевидно, что вина за жертвы целиком и полностью лежит на украинской стороне.** Помимо этого, вина за жертвы также переносится на тех, кто вынудил Россию (см. п. 1.1) начать «специальную операцию» (кто бы это ни был). Как выразилась одна информантка, *«это те жертвы, кто были принесены в жертву этому конфликту»* (ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022).

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИНФОРМАЦИЮ О ЖЕРТВАХ

Реакция на информацию о жертвах среди информантов-сторонников варьируется от отрицания до различных негативных переживаний, включающих горе и страх. Эти реакции не являются взаимоисключающими. Собственно, так к информации о жертвах и относится большинство наших информантов.

Отрицание

Многие информанты, как уже было указано выше, винят в жертвах прежде всего украинскую сторону. Они не могут поверить, что российские солдаты способны на убийство (и в то же время легко верят, что на убийство способны «украинацисты»). Они говорят, что информация о жертвах — это *«99% фейк»* (м., 42 года, профессия неизвестна, март 2022) и что она преувеличена:

«Я вижу, что в занятых россиянами городах проходят митинги в поддержку Украины с украинскими флагами. Они такие смелые! Тут ничего не скажешь, молодцы. Но мне это еще говорит о том, что их не убивают»
(м., 28 лет, компьютерный дизайнер, март 2022)

Все это представляет собой разные формы отрицания, которое позволяет снять с России ответственность за то, что происходит в Украине и защититься от неприятных переживаний.

Распространенным способом отрицания жертв является ссылка на «фейки» и «информационную войну». Раз все врут, то про жертвы врут и подавно. Вместе с тем многие информанты сами становятся «экспертами по фейкам», доказывая, что новости о жертвах не являются достоверными:

«То есть показывается картинка одна, речь наложена другая и создается впечатление, что, действительно, вот оно. Люди ведь, которые увидели и поверили — таких большинство, которые не станут проверять, не станут анализировать или даже подвергать сомнению. На это и расчет. Помимо вот этой вот горячей фазы войны и прочего, это идет и информационная война. Вот, что касается Бучи — здесь я склонен также вот рассуждать, что это, скорее всего, была провокация, потому что войска, которые были отведены ещё 30-го числа после этого, если не поленились поискать в интернете есть и на первое, и на второе даже число местных блогеров, так сказать, такие короткие клипы, никаких трупов не видно. И тут — раз — и они появляются. Ну, как-то это, вы знаете, всё вызывает очень большие сомнения, и очень сильно пахнет какой-то режиссурой»

(м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

Отрицание жертв хорошо вписывается в общую линию представления вторжения в Украину как «не настоящей войны». Так же, как Россия — не Америка, которая бомбила Ирак, Россия — не та страна, которая будет «убивать всех без разбора» **(ж., 60 лет, врач, март 2022)**. А раз так, то и жертв быть не должно.

Нормализация

Многие информанты-сторонники войны также склоняются к мысли о неизбежности жертв среди гражданского населения.

Например, следующая информантка-сторонница говорит, что у нее «спокойное отношение» к жертвам, потому что «любая война подразумевает жертвы»:

«Любая война подразумевает жертвы. Любая спецоперация тоже, в принципе, может подразумевать под собой жертвы. А здесь такая ситуация, что украинские националисты, они нечестно себя ведут, часто прикрываются мирными жителями, вообще начинают себя вести не очень красиво. Из-за этого жертвы растут тоже. А так — как на любой войне, да, это нормально» (ж., 33 года, воспитатель, март 2022)

Ужас, шок, печаль, страх

Некоторые информанты, впрочем, рассказывают, что испытывают негативные эмоции после просмотра новостей о жертвах военных действий — шок, печаль, ужас, страх. Однако жалеют они, в первую очередь, российских солдат:

«Пару раз я закрывался в душе и плакал, потому что там были настолько жуткие вещи. Жалко стало бойцов РФ, которым стреляют в ноги, в колени особенно, режут их голыми. Я знал, что такое может быть, но где-нибудь на ближнем востоке, допустим, Иранцы любят резать головы. Я не думал, что это будут делать грузины или западные украинцы» (м., 23 года, лаборант, май 2022)

Жертвы с украинской стороны тоже вызывают сочувствие у сторонников войны. Однако они воспринимаются, в первую очередь, как «жертвы войны» — то есть, не российской армии, а ситуации, в которой жертвы неизбежны, и жестокости украинских правителей, военных и американских политиков (согласно расхожему выражению, это США воюет с Россией до последнего украинца).

Отстранение

Наконец, как и некоторые сомневающиеся некоторые сторонники войны (правда, всего несколько среди наших информантов) склонны эмоционально отстраняться от любых переживаний по поводу войны и ее жертв. Это отстранение может быть связано с выгоранием и усталостью от плохих новостей:

«Я все это вижу, но это все проходит мимо моего внимания, это меня не цепляет. Я не знаю, может я какой-то урод моральный или я действительно привык ко всему этому. Я реально это все видел уже. Я понимаю, что это война, она была, она продолжается, и побыстрее бы она закончилась. Но переживать по этому поводу я уже не могу»

(м., 34 года, маркетолог, март 2022)

Помимо этого, отстранение может быть сознательной стратегией: если ничего невозможно изменить, если ничего достоверно неизвестно, какой смысл переживать? Однако, мы не знаем, какова здесь причинно следственная связь. Возможно, те, кто не хочет переживать, оправдывают свой выбор тем, что ничего невозможно узнать или изменить, а не наоборот.

Итак, в качестве жертв сторонники войны рассматривают прежде всего гражданское население территорий, на которых ведутся боевые действия. Однако эти жертвы воспринимаются как «жертвы войны» — сложившейся ситуации, украинской армии и правительства, правительств других стран. Россия в представлении информантов-сторонников не несет за них ответственности. По поводу того, являются ли «жертвами» военные с обеих сторон, у наших информантов нет консенсуса. Сторонники войны склонны воспринимать любую поступающую информацию о жертвах «спецоперации» с долей скепсиса, что в каком-то смысле и заменяет другие возможные эмоциональные реакции на эту информацию. Они также

склонны преуменьшать количество жертв с украинской стороны, списывая сообщения о жертвах и разрушениях на фейки и информационную войну. Впрочем, у некоторых информантов-сторонников новости о жертвах все же вызывают негативные эмоции: они жалеют мирных жителей, которые ни в чем не виноваты, и российских (а иногда — и украинских) военных. Другие информанты-сторонники — и в этом они напоминают сомневающимся в своей оценке войны информантов — говорят, что реагируют на информацию о жертвах «спокойно» и ссылаются на то, что в ситуации «информационной войны» реагировать, в общем-то, не на что, поскольку никакой достоверной информации о жертвах нет.

1° **Антивоенные протесты: что они думают о протестующих против войны?**

С началом вторжения российских войск в Украину часто можно было слышать следующие опасения: а что, если российское общество навсегда расколется на два враждующих лагеря — противников и сторонников «спецоперации»? Эти опасения озвучивали и многие наши собеседники, причем вне зависимости от их отношения к войне. Угрожает ли российскому обществу такой раскол? Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, мы проанализировали, как сторонники войны описывают своих оппонентов — тех, кто не просто не поддерживает «спецоперацию», а активно выступает против нее, выходя на антивоенные протесты.

Несмотря на то, что часть сторонников войны обвиняют участников антивоенных демонстраций в лицемерии и проплаченности Западом, в интервью встречаются и более нюансированные суждения и даже сочувствие в адрес оппонентов. В этом разделе мы описываем несколько способов, которыми сторонники «спецоперации» воспринимают

антивоенные протесты и их участников. Хотя большинство наших информантов придерживаются одного из них, некоторые могут прибегать сразу к нескольким.

ИМЕЮТ ЛИ АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ?

Марионеточные протесты: проплаченность, необразованность, лицемерие

Некоторые сторонники войны ожидаемо относятся к антивоенным протестам исключительно негативно. Чаще всего такие информанты приписывают протестующим наивный, а где-то и лицемерный пацифизм, низкие интеллектуальные способности, непоследовательную и иррациональную позицию в отношении войны («*дети*», «*слабоинформированные*», **м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022**; «*не вышли с требованием прекратить обстрелы [Донбасса со стороны ВСУ]*», **м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022**). Их обвиняют в проплаченности Западом или оппозицией (ими руководят «*совершенно взрослые, циничные люди, которые за их счет решают свои политические задачи*», **м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022**) и антипатриотизме («*господа либералы*», **м., 26 лет, фото-видеомонтажер, репетитор, март 2022**)

Поскольку с точки зрения этих информантов, достойный и здравомыслящий человек не может быть против своей страны, «предатели» — это часто те, на кого оказывают пагубное влияние извне — либо обманом, либо подкупом:

«А выталкивать на улицу молодежь, я считаю, что это вообще неэтично. Вот эти вот молодые мальчики, девочки, которые выходят и кричат, сами не зная за что»

(ж., 59 лет, пенсионерка, март 2022).

Главными подозреваемыми в проплаченности представляются «организаторы» протестов, жертвам которых становятся рядовые протестующие (та самая «вытолкнутая на улицу молодежь»):

«Это люди, которые только могут за деньги что-то организовать. То есть они этим зарабатывали. Всё. Поэтому, я думаю, что и вот эти вот протесты [такие же]. Ну, тоже, наверное, какие-то финансовые вливания [в них] есть»

(ж., 72 года, пенсионерка, март 2022)

«Проплаченность» организаторов, таким образом, удачно сочетается с «глупостью» протестующих. Впрочем, у протестующих, по мнению некоторых сторонников войны, могут быть разные мотивы:

«Там есть три типа людей. Одни за деньги, другие по убеждениям, третьи глупые, за движуху»

(м., 34 года, гид-переводчик, март 2022)

Эти информанты также используют ярлык «пацифисты» в отношении протестующих против войны в негативном смысле (в отличие от некоторых других, для которых «пацифизм» оппонентов — это неплохо). Они прибегают к знаменитому риторическому вопросу «где вы были 8 лет» для того чтобы указать на двойные моральные стандарты протестующих:

«Я не очень понимаю, почему они не выступали, когда в Донецке бомбили жилые районы. Почему сейчас их так возмутила эта ситуация, а когда по Донецку стреляли — полная гладь»

(ж., 41 год, научный сотрудник, апрель 2022)

В результате сторонники войны — нынешней «спецоперации» — оказываются сторонниками мира: на их взгляд, проводимая российской армией «спецоперация» — единственный способ положить конец гибели людей на Донбассе. И напротив, противники «спецоперации» оказываются в их глазах сторонниками войны и гибели мирного населения в «народных республиках»:

«Я за тех людей, которые за мир, и я не понимаю тех людей, которые говорят «мы за мир, нам нафрать на Донбасс»» (ж., 54 года, профессия неизвестна, апрель 2022)

Эти сторонники войны также обращаются к военным действиям НАТО в Югославии и Ираке как к аргументу в пользу того, что российские протестующие играют на руку двуличному коллективному Западу.

Бесполезные протесты: зачем предавать свою страну, если мы ни на что не влияем?

Среди сторонников войны выделяются те, кто пусть и осуждает протестующих, но при этом не без досады говорит о тщетности попыток что-то поменять. С одной стороны, протест во время войны, по их мнению, — это предательство своей страны и гибнущих в Украине россиян. С другой стороны, протесты ни на что не влияют, но при этом чреваты репрессиями. Так, в одном интервью могут сочетаться следующие высказывания:

«Опасность военных митингов в первую очередь для людей, которые участвуют там, потому что забирают всех без разбора. <...> Ты все равно этим ничего не изменишь»

(м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022)

И дальше информант добавляет:

«Я считаю более глобально, почему сейчас не надо устраивать митинги — я патриот своей страны, своей родины. Я очень люблю свою страну и свою родину» (м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022)

Таким образом, протест против войны — это не только предательство, но и глупость.

Говоря о недопустимости предательства, многие сторонники войны имеют в виду не только необходимость любви своей страны, но и необходимость лояльности лояльности ей: *«Если <...> страна ведет войну, то надо быть за войну в любом*

случае» (м., 50 лет, администратор, март 2022). Однако за призывами к лояльности может стоять и чувство гражданского бессилия: осознание, что люди, принимающие ключевые решения, живут в другой реальности и не прислушиваются к мнению населения:

«И что изменилось, вот ты вышел? Ну все вышли — и никуда. Там вообще отдельная грань между нами и ними. Мы вообще никуда не можем сделать абсолютно» (м., 27 лет, работник нефтяной сферы, май 2022)

Другая сторона лояльности, основанной на бессилии, — индивидуализм и забота о личном благополучии, противопоставленные попыткам влиять на коллективные аспекты социальной жизни через политическое действие:

«Если вас не устраивает что-то в вашей жизни, то идите меняйте свою жизнь. Не надо ждать, что кто-то там сверху сменится и всем станет лучше. <...> Меня больше заботит мое собственное благополучие. Мне некогда участвовать в таких вещах»
(ж., 40 лет, менеджер проектов, май 2022)

Протесты «на грани»: между антивоенной и антиправительственной повестками

Однако далеко не все сторонники войны являются противниками протестов. Некоторые из них признают право на протест с важной оговоркой: выступать против «братоубийственной войны» не плохо — плохо, если за антивоенным лозунгом следует требование смены режима. Например:

«Если там нет реально никакой подоплеки в политике, чтобы Путина скинуть или госпереворот организовать, и они не проплачены [то я не против протестов]. Эту всю шушеру я отмечаю и оставляю каких-то людей, сколько их я не знаю... Наверное, ими движет гуманизм. Любая война — это плохо. Чисто по-человечески, это реально плохо»
(м., 42 года, профессия неизвестна, март 2022)

Не признавая за протестующими внутривластной агентности и автономии (нельзя быть против Путина и при этом не получать финансирование из-за рубежа), эти сторонники войны могут, тем не менее, недоумевать по поводу чрезмерно репрессивных действий государства, которому, как им кажется, антивоенные лозунги сами по себе не угрожают:

«Я не понимаю, чего государству не нравится. Ребята, люди, дедушки, бабушки наши, они все выходят и просто говорят: “Нет войне!” Я не понимаю, почему они бьют за это и сажают в решетку. <...> У нас никакого посыла страшного нет, мы тут власть захватывать не собираемся» (м., 21 год, студент, март 2022)

Некоторые из таких сторонников войны говорят про «грань» между выступлениями против войны и против страны, другие же призывают различать антивоенные и антипутинские выступления. Как отмечает Григорий Юдин, говоря об уничтожении самой идеи оппозиции в России, отныне нельзя быть против власти и патриотом одновременно: власть и страна сливаются в целое ([интервью](#) от 8 апреля 2022). Юдину вторят наши информанты:

«Нет уже различий между властью и гражданами. Конфронтация идет не с правящей элитой, а с целым единством, [с тем] что такое Россия» (ж., 20 лет, студентка, апрель 2022)

В устах других информантов именно тонкость этой «границы» может служить объяснением жесткости, с которой полицейские проводят задержания антивоенных активистов:

«Если судить в данном случае по задержкам просто с плакатами, я думаю, здесь, наверное, больше перестраховываются [представители власти], может. <...> Повторюсь, грань очень тонкая. Здесь не должно перейти вот в эту грань, что против страны» (м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

Иными словами, некоторые сторонники войны могут признавать мирные шествия, пикеты и даже скандирование лозунгов

«нормальным явлением» и осуждать репрессии в отношении протестующих:

«Я считаю, что если они [участники антивоенных митингов] при этом не крушат дома, не бьют машины, то они вполне могут это делать [протестовать]»

(ж., 41 год, научный сотрудник, апрель 2022)

При этом, несмотря на некоторые симпатии к пацифизму протестующих, эти сторонники «спецоперации» все равно считают ее неизбежной. Поэтому протестующие кажутся им эскапистами, не пожелавшими «задуматься», разобраться в причинах войны и принять её как данность:

«Я понимаю, что это очень морально тяжело... [Этим людям] проще просто вот “я в домике”, пацифист, типа “всё, не должно быть никакой войны”, “я никакую войну не оправдаю и всё” и задумываться о том, почему и что, я тоже не хочу, просто “нет войне” и всё»

(ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

«Растерянные» протестующие

Другие сторонники «спецоперации» высказываются о протестующих против войны с некоторым снисхождением, считая, что последние дезинформированы (от страха) или находятся в состоянии шока. Так, одна информантка-сторонница войны объясняет (и оправдывает) поведение своей антивоенно настроенной подружки наличием знакомых из Украины, которые сами неправильно воспринимают ситуацию и дезориентируют ее:

«На Украине тоже же люди запуганные, им страшно, им тоже не все показывают. Им там где-нибудь бомба какая-нибудь упадет, зенитка, им скажут, что “это Россия вас бомбит”. А они в страхе и поверят, например. И, соответственно, они передают эту информацию сюда, в Россию»

(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022)

В то же время дезинформированность, происходящая, по мнению информантов-сторонников, из-за отсутствия знаний, вызывает у них раздражение:

«Я думаю, что те люди, которые выходят на улицы, они не знают, <...> что НАТО бомбили [весь] мир, они этого ничего не знают. Я имею в виду, что русофобия захлестнула наши каналы, никто ничего этого не знает. Те люди, которые выходят за мир, они ничего не знают. Это невежественные люди, в основном» (ж., 58 лет, психолог, март 2022)

КАК НА АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ ДОЛЖНО РЕАГИРОВАТЬ ГОСУДАРСТВО?

Вопреки расхожему представлению о том, что сторонники войны склонны во всём поддержать государство, они могут как соглашаться с ответными мерами государства на протесты, так и ставить их адекватность под вопрос. Впрочем, по сравнению как с противниками войны, так и с сомневающимися в своем отношении к войне информантами, которые осуждают репрессии (**см. п. 1.6 и 2.6**), сторонники в большей степени лояльны репрессивной политике государства в отношении антивоенных протестов.

Некоторые сторонники войны являются сторонниками репрессий. Репрессии в их понимании — это вынужденная мера по защите страны от людей, которые наносят ей вред, «фаскачивают лодку», препятствуют сплоченности в трудный момент. Такие информанты склонны считать, что репрессии в России довольно мягкие — от «не расстреливают» (**м., 42 года, профессия неизвестна, март 2022**) до «да, кого-то убивали, это ужасно, но <...> не убивали массово» (**м., 34 года, маркетолог, март 2022**). В таком случае репрессии в адрес активистов — это гуманная мера государства по «законам военного времени» в ответ на внутренние угрозы. Государство может выступать даже в роли заботливого родителя, который наказывает не просто так, а «даёт понять человеку, что не надо» (**м., 42 года, профессия неизвестна, март 2022**).

К тому же закон есть закон, тем более во время войны:

«Мы же прекрасно понимаем, что есть законы о различных шествиях и митингах. С формальной точки зрения, если этот митинг и шествие не узаконено, то конечно же они должны как-то останавливаться» (м., 46 лет, научный сотрудник, май 2022)

Но другие сторонники войны, исходя из такой же легалистской рамки и логики защиты государства, могут осуждать репрессии:

«Зачем разгонять толпу девочек-мальчиков 18 лет? Они не представляют никакой угрозы. Я этого не особо понимаю. <...> . Другой вопрос — надо вводить военное положение официально и действовать соответствующим образом. <...> Но нет, у нас ничего этого не введено и по факту гражданские права граждан просто беспардонно нарушаются»
(м., 24 года, помощник депутата, март 2022)

Осуждаться могут и репрессии в адрес тех, кто *«просто выражает свою точку зрения»* (м., 37 лет, журналист, март 2022). С этой точки зрения задача государства состоит в том, чтобы отделить «просто» протестующих от тех, кем руководят *«некие агенты влияния»*, и уже после того, как отделали *«зерна от плевел»*, применять различные репрессии в зависимости от выявленных мотивов (м., 37 лет, журналист, март 2022). Аналогичным образом, протестующие, не применяющие насилие, не заслуживают репрессий, в отличие от *«особенно агрессивно настроенных, способных на силовые действия»*, которых *«надо изолировать»* (м., 42 года, музыкант, март 2022). Остальные же — *«пускай выходят»* (м., 42 года, музыкант, март 2022). Иногда репрессии по отношению к протестующим, не проявляющим агрессию, могут казаться сторонникам войны подозрительными:

«Люди с плакатами, стоящими где-то на площади, их ни вычислять, ни сажать не надо. Если их начинают сажать, давать им штрафы, еще что-то, то это

*говорит только о том, что какая-то слабая точка
нашлась, они [представители власти] чего-то боятся»*
(м., 37 лет, предприниматель, март 2022)

Примечательно, что право людей выражать мнение по вопросу войны, даже негативное, не оспаривается многими ее сторонниками. Однако это право не абсолютное — есть условия, при которых оно реализуется. Так, протестующие, если за ними вообще признается право на протест, не должны выглядеть агрессивно, казаться угрожающими России, вызывать подозрения в подрыве государственной безопасности и проплаченности. Зато они могут быть искренне-глупыми и не понимать всей сложности ситуации — и тогда они могут протестовать, пусть их протест и нельзя воспринимать всерьез. Кроме того, многие сторонники войны готовы признать право на антивоенный протест только за теми, кто участвовал в антивоенных митингах до этого — например, выступал против войны на Донбассе в 2014–2021-х годах, против войны в Сирии, или против бомбардировок Югославии в 1999

1⁸ Интерес к политике: следили ли они за (гео)политикой раньше и следят ли сейчас?

Как сторонники войны видели отношения России, Украины и НАТО до начала российского вторжения в Украину в 2022 году? Каким политическим и гражданским опытом они обладают и как относятся к политическому режиму в России? В этом разделе мы описываем степень политизированности и интереса к политике сторонников войны.

Среди информантов-сторонников войны есть те, кто, по их словам, имел мнение о ситуации в Украине до начала

«спецоперации». Это мнение согласуется с их суждениями о «спецоперации»: они говорят, что и раньше рассматривали НАТО как противоборствующую силу, а Украину — как марионетку больших держав. Но есть и другие — те, кто не задумывались о (гео)политических вопросах прежде и были вынуждены формировать свое отношение к происходящему прямо во время войны. Хотя многие и критикуют Путина, чаще всего за внутреннюю политику, большинство поддерживают его решение начать «спецоперацию».

СЛЕДИЛИ (ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ) И ВСЕ ЗНАЕМ

В этой части мы описываем взгляды на ключевые геополитические вопросы той части информантов-сторонников войны, которые, по их словам, следили за (гео)политическими новостями до вторжения России на территорию Украины. Симпатии этих информантов сформировались давно, они уверенно рассуждают о причинах и последствиях войны и не сомневаются в необходимости ее поддерживать.

НАТО VS Россия

Те, кто утверждают, что еще до войны имели мнение по поводу геополитических вопросов, сходятся на том, что НАТО и до февраля 2022 года было враждебным России объединением. Их высказывания могут быть более жесткими, и тогда НАТО представляется как враг России, или более нейтральными, но в любом случае они описывают биполярный мир, в котором есть НАТО и есть Россия, и их интересы противоположны:

«Она [позиция по поводу взаимоотношений России и НАТО] у меня никогда не менялась. НАТО даже после развала Советского Союза, Варшавского договора, НАТО сохранилось. А что изменилось? Так или иначе, мы все равно были потенциальными противниками. <...> Это видно по всем абсолютно показателями — по количеству численности [контингента НАТО], которое росло даже в малых,

*прибалтийских странах... Не изменилось нисколько.
Я не воспринимал и не воспринимаю эту организацию
дружественной к Российской Федерации»*

(м., 46 лет, научный сотрудник, май 2022)

Некоторые полагают, что военного столкновения можно было бы избежать, действуя российские власти (если бы они были более активны в 2014-м году и присоединили Донбасс), украинские власти (если бы страной руководили более осведомленные люди) или НАТО (если бы они не игнорировали интересы России) по-другому:

«С 2014-го года для меня как-то было такое вот понимание, что рано или поздно всё равно вот этот вот гнойник, он разорвется. Рано или поздно он дойдет до столкновения, потому что вот это движение Украины в НАТО, и понятно, неприемлемости для России этого вхождения, Украины в НАТО, то есть это создает опасность и, по сути, очень сильно нас ослабляет, нашу страну. И было понятно, что рано или поздно все равно до этого дойдет»

(м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

Украина, с точки зрения этих информантов, — это страна, которая находится между НАТО и Россией и поэтому ее или «тащат» в одну из сторон, или она сама выбирает к кому примкнуть. Однако в биполярном мире самостоятельного пути у Украины быть не может:

«Как таковая, Украина, я считаю, всегда была страной невольной в том плане, что ей всегда управляли страны НАТО, те же США. НАТО рассматривает Украину не как полноценного субъекта международных отношений, а как просто свой плацдарм для нападения на Россию с целью захвата ее природных ресурсов. <...> После 2014-го года это уже было явно видно. А до 2014-го года там был пророссийский президент, но это не значило, что

Украина была независимым государством. До 2014-го года Украина была пророссийской марионеткой, таким протекторатом. После 2014-го года она стала антироссийским протекторатом. Только так я это видел» (м., 24 года, помощник депутата, март 2022)

Действия Украины до конфликта также оценивается с точки зрения того, насколько «мудры» были ее руководители, чтобы понять, что Украина не может быть самостоятельным политическим игроком на международной арене:

«До событий 2014-го года и прозападное правительство Украины, и пророссийское правительство Украины могли договариваться и с Россией, и с Западным блоком по поводу всех своих действия. Я не выражаюсь в том плане, что они не имеют права на суверенное мнение, а в том плане, что они вели более мудрую политику и за счет этого они могли двигаться в обе стороны, как говорить. После 2014-го года я считаю, что на Украине просто не было достаточно образованных, умных людей, которые могли вести страну по-настоящему к светлому будущему, либо делали это максимально грубо и топорно» (м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022)

Майдан — это антироссийский госпереворот в Украине

Те сторонники войны, которые более внимательно следили за событиями в Украине в последние десять лет, высказываются о Майдане в исключительно негативном ключе. Они уверены, что Майдан — это инспирированное извне событие, нелегитимный госпереворот, направленный против России и пропагандирующий ненависть к русским:

«Потому что то, что там пропагандировали, что “мы давайте сместим Януковича, и мы будем свободные, и у нас будет самодержавие, и мы будем... Нам нужно сменить власть, которая здесь явно

задержалась”. Но, вспоминая события и то, как я смотрела на то, что происходило на Майдане, как они там очень ярко кричали “москаляку на гиляку”, “слава Украине! Героям слава!”, “кто не скаче, той москаль” — настолько пропитаны гневом, ненавистью лозунги. <...> С точки зрения какого-то русского обывателя, ну, это ненормально. Как вы можете ненавидеть русских? Что это такое? Это какая-то провоцированная, специально созданная ненависть. С точки зрения, например, государственности, ну, у нас на границах происходит какой-то переворот, который в будущем нам ещё отыграется»
(ж., 20 лет, студентка, апрель 2022)

Если сомневающихся в своей оценке войны информантов «ненависть к русским» огорчает с точки зрения человеческих отношений, то в нарративах сторонников «спецоперации» «ненависть к русским» становится свидетельством «ненормальности» Украины и косвенным оправданием вмешательства России в дела другого государства:

«У меня все, что происходило на Украине последние 10 лет, вызывало недоумение и отрицательную реакцию. А как вы считаете, если там готовят фашистов и про Россию говорят очень плохо, при этом хотят, чтобы им бесплатно газ поставляли? Извините! Я не могу к ним положительно относиться. Когда они какую-то чушь про каких-то “укров” несут, про бандеровцев, которые маршируют... У меня слова даже нет на это. Отрицательно [относилась к тому, что происходило в Украине до 2022]!»
(ж., 60 лет, врач, март 2022)

Крым — это русский мир

В отличие от сомневающихся в своей оценке войны информантов (и особенно — от противников войны) **(см. п. 2.8 и 3.8)**, в высказываниях сторонников об аннексии Крыма преобладает,

во-первых, однозначная поддержка его «присоединения», во-вторых — геополитически-идеологическое оправдание этого решения (ссылки на то, что Крым всегда был русским, в свете чего тот факт, что он является частью Украины — это историческая случайность и ошибка). Помимо этого, Крым также рассматривается как стратегически важная для России территория:

«По Крыму я всегда отвечал: первым делом — это русский мир, который там находится, которому было несдобровать, уверен просто. Второе, и не менее важное — это геополитика всё-таки. Где было понятно и совершенно очевидно, что черноморский флот оттуда был бы изгнан сразу же. А там бы стояли НАТОвские корабли со своей противоракетной обороной. Там у них система Patriot стояла бы, которая, кстати, сейчас не только оборонительный, но и наступательный характер имеет. Было бы не очень приятно. Чёрное море для российского флота можно было бы забыть. Но из Черного моря нам бы еще одна точка, откуда бы большая угроза светила, против которой пришлось бы тоже как-то искать, как обороняться»

(м., около 40 лет, техник на железной дороге, апрель 2022)

Ситуацию на Донбассе нужно было разрешить раньше

Часть тех, кто следили за ситуацией в Украине до начала «спецоперации», также высказываются по поводу ситуации на Донбассе. По их словам, на протяжении долгих лет они ожидали, что республики получат реальные признание и независимость и там прекратятся военные действия:

«Да, я все 8 лет надеялась, что будет какая-то договоренность и вот это все прекратится. Я вам говорю — когда произошло признание этих республик, то я думала, что все, теперь начнут договариваться. Нет...»

(ж., 69 лет, университетская преподавательница, апрель 2022)

При этом, с их точки зрения, российское руководство все это время действовало недостаточно решительно: оно могло бы действовать более агрессивно и заставить Украину отступить, например. Однако ответственность за сам конфликт на юго-востоке Украины эта группа сторонников полностью перекладывает на Украину.

НЕ СЛЕДИЛИ (ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ), НО ОСУЖДАЕМ

Те сторонники «спецоперации», которые сообщают о том, что до февраля 2022 года они не интересовались политическими новостями и не следили за отношениями России и Украины, также высказываются негативно о ситуации в Украине (и, удивительно, некоторые — о беженцах с Донбасса) до российского вторжения. Их высказывания выглядят более мягкими, чем высказывания информантов, имевших, по их словам, мнение по поводу отношений России, Украины и НАТО до вторжения. Но несмотря на более нейтральный тон, общее видение положения России на международной арене у тех, кто следили и у тех, кто не следили за политическими новостями до февраля 2022, имеет много сходств. Те, кто, по их словам, не следили за политическими новостями, также уверены в том, что НАТО плетет козни против России, Украина — враждебная России страна, а на Донбассе происходит что-то нехорошее:

«Вот этого, к сожалению, не могу ничего сказать на эту тему [отношения России, Украины и НАТО до войны] — я не слишком интересовалась политикой. Сейчас приходится это делать, потому что хочется быть примерно в курсе хотя бы того, что происходит. До этого — да, знала, что что-то в Украине не здорово, что на Донбассе беспорядки. Да, я знала, что у России и у Америки холодные отношения, скажем так, вот эта гонка вооружений ядерных. Но это, пожалуй, все. Какой-то динамики в отношениях я не могу сказать, как что происходило»

(ж., 33 года, воспитатель, психолог, март 2022).

Интересно, что в их высказываниях ситуация на Донбассе — это важная часть «предыдущих событий» (в то время как для более осведомленных и геополитически ориентированных информантов война на Донбассе меркнет по сравнению с глобальными угрозами вроде НАТО). Отсутствие интереса к предшествующей российскому вторжению политической ситуации эта группа сторонников (небольшая в нашей выборке, однако, скорее всего, существенная среди населения в целом) объясняет тем, что события в Украине и отношения России с НАТО не касались их напрямую:

«То, что происходило на Украине — да, мы слышали. Но я не скажу, что сильно серьезно вдавались в количество погибших на Донбассе. Все-таки до нас это было довольно далеко и нас это не касалось — меня, моего окружения, мы об этом не говорили. Да, была радость по поводу Крыма, когда было объяснено почему, как, зачем то, что построили. Да, были сложности, когда у всех деньги немножко обесценились. Зато начали спокойно ездить. Границы же не закрывались из-за этого, люди же как путешествовали, так и путешествовали. Просто для среднего класса открылось еще одно направление — Крым. Большого изменения не повлияло. В Миротворец мы не попадали, там другие люди попадали. Ну, что-то делали, да, НАТО делали какие-то телодвижения необычные. В последнее время там усилились именно тренировки у границы, с вовлечением очень многих стран. <...> Обстановка нагнеталась, но, опять же, это было далеко от нас»

(м., 46 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Для кого-то из наших информантов аналогом этой «далекой политики», которая их не касается, была надежда на «замороженный конфликт». Это позволяло им сохранять дистанцию от политических новостей — стратегия, которой оказалось невозможно придерживаться после 24 февраля 2022 года.

Тогда им пришлось выработать свою позицию по поводу происходящих событий:

«[Интервьюер: То, что вы сказали про НАТО, про Россию, про Украину, если взять ситуацию две недели назад, год назад, то у вас была примерно такая же позиция или она сформировалась таким образом именно сейчас, в свете последних событий?] Она сформировалась именно сейчас. Она сформировалась, когда стало понятно, что война неизбежна.

[Интервьюер: А до этого?] А до этого я, как все здоровые люди, наверное, не мог представить, что это возможно. В общем, я думал, что это будет такой же замороженный конфликт, как в Приднестровье или в Южной Осетии, и думал, что это что-то похожее будет, что это будет длиться десятилетиями, долго очень. Но когда это вдруг случилось, или когда стало понятно, что это случится, то пришлось ради своего психологического комфорта переосмыслить все происходящее. То есть это — точка отсечения, эта война, и ты начинаешь думать немного по-другому во всей этой ситуации» (м., 34 года, маркетолог, март 2022)

Некоторых раздражало слишком активное освещение событий в Украине в Российских новостях в последние годы, как и беженцы с Донбасса:

«Меня немножко раздражал тот момент, что это [Украина] реально из каждого утюга. В остальном меня это не интересовало никак. Конфликт на Донбассе я считал достаточно далеким для себя. Не считаю Донбасс своими соотечественниками. Не считаю украинцев своими соотечественниками. Это другая страна, пусть живут как хотят. С 2014-го года единственный момент, который меня напрягал — это наличие в России беженцев с Украины, которые тут искали работу, пытались тут жить.

Как люди они мне не нравятся. Но не все, повторяюсь, не все. Из них треть, обозначим так, 30%, которые ведут себя по-свински достаточно. Но дело в том, что свинские поступки, они очень сильно бросаются в глаза. Настолько сильно, что тебе кажется, что они все такие» (м., 37 лет, предприниматель, март 2022)

Не следившие за политической ситуацией до начала войны информанты-сторонники войны по некоторым характеристикам напоминают сомневающихся в своей оценке войны информантов (см. п. 2.8) и даже некоторых ее противников, которые также долгое время были «вне политики» (см. п. 3.8). Все они говорят о том, не интересовались политикой, потому что политика не затрагивала их частную жизнь. А некоторые сторонники войны, как и практически все сомневающиеся, настаивают, что даже сейчас у них нет четко сложившегося мнения о происходящих событиях. Однако между этими тремя группами есть существенные различия. Во-первых, сторонники войны, даже если они говорят, что они не следили за ситуацией в Украине до войны, все равно имели (по крайней мере, по их словам) об этой ситуации мнение — и это мнение было негативным. В общих чертах оно совпадало с мнением более вовлеченных сторонников. Во-вторых, в отличие от противников войны, которые настаивают на том, что Украина — это суверенное государство, не интересовавшиеся политикой сторонники, используя похожие аргументы, подразумевают нечто другое: они ссылаются на то, что Украина — отдельная страна, не потому, что они уважают ее суверенитет, а лишь из-за того, что они предпочли бы, чтобы ситуация в Украине не касалась их и дальше.

ПОДДЕРЖИВАЮТ ЛИ СТОРОННИКИ ВОЙНЫ ПУТИНА И РЕЖИМ?

Можно было бы ожидать, что среди сторонников большинство поддерживает Путина и российский политический режим безоговорочно. Однако это не совсем так. Среди наших информантов, например, только несколько человек относятся к

Путину абсолютно позитивно, считая, что он «поднял страну с колен». Остальные представляют свою позицию как неоднозначную, критикуя Путина и правительство за то, что конфликт на Донбассе не был решен раньше, а ситуация во внутренней политике несопоставима с геополитическими победами России. Однако во время «спецоперации» и они готовы забыть о своем недовольстве и считают, что Путин достоин их поддержки, по крайней мере пока не закончится война.

Путин поднял страну с колен

Те, кто говорят о своей поддержке Путина, делают акцент на улучшении экономической ситуации по сравнению с 1990-ми годами и усилении позиций России на международной арене. Они считают, что «среднему человеку» при Путине стало жить лучше (имея в виду под «средним человеком» прежде всего себя):

*«К Путину я положительно отношусь. <...>
У меня всегда было к нему положительное отношение.
Я повторяю, я пережила очень многих — Брежнева,
Андропова, Черненко, Ельцина, Горбачева. Я считаю,
что Путин — самый сильный из них. <...>
Во всяком случае, извините, подъем экономики
пошел — строительство домов идет, дороги, какие-
то доплаты, зарплаты повысили. Я работаю в
госструктуре, у меня больше, чем при нем, зарплаты
никогда не было. И были доступные ипотеки для
покупки жилья. Так что многие улучшили свои условия
на бытовом уровне» (ж., 60 лет, врач, март 2022)*

Есть проблемы, но Путин молодец

Положительное отношение к Путину не означает, однако, веры в то, что в России нет проблем. Однако Путин и «проблемы» редко оказываются взаимосвязаны в глазах этих сторонников войны: часто проблемы нормализуются, списываются на действия других людей («один президент построить всю страну не может. Конечно, на местах есть всякие руководители», ж., 61 год, профессия неизвестна, апрель

2022), или просто воспринимаются как неизбежное зло. При этом Путин не перестает быть сильным и единственным достойным политиком:

«Да, довольно критический к процессу выборов. Но, в то же время, я скажу, что я не видел другого лидера как Владимир Владимирович на этом посту, который имел бы такую же силу. Ну, нет его. Его и на сегодняшний день нет»

(м., 46 лет, профессия неизвестна, март 2022).

«Понимаешь, я так скажу. На нашей родине проблем много. Но однозначно это не президент. Его сейчас демонизируют потому. Вообще мало кто из людей для России сделал столько, сколько он»

(м., 43 года, врач, апрель 2022)

После начала «спецоперации» отношение улучшилось

У многих сторонников «спецоперации», по их собственным словам, отношение к Путину изменилось в лучшую сторону после начала военных действий. Внимание таких информантов смещается с внутренних проблем страны на достижения во внешней политике. Они считают, что хотя Россия и живет бедно, к Путину следует относиться хорошо, потому что он поддерживает имидж «сильной державы» на международной арене:

«До „спецоперации“ на Украине я не любила Путина. Я была не за него. Мне он совершенно не нравился. <...> Ну, во-первых, мне не нравилась его политика в плане олигархов. Это то, что он помогал вот олигархам, продвигал в основном. Мне не нравилось ещё, что пенсионный возраст повысили. Хотя меня это непосредственно не коснулось, и моих родителей, слава богу, тоже, да. Но этот как бы такой вот момент, что это, да, не очень понравилось. Ну, в целом, наверное, всё. Я его просто не очень поддерживала.»

Я не интересовалась политикой, мне просто не нравилось, что происходило в России. Очень много бедных пенсионеров, у которых очень маленькая пенсия. И это не могло никак нравиться. Что плохие дороги и пенсия маленькая у пенсионеров. Их было просто, действительно, жалко»
(ж., 35 лет, не работает, май 2022)

К Путину отношусь плохо, но (вроде) он знает, что делает

Часть информантов-сторонников войны говорят о Путине так же, как многие сомневающиеся в своей оценке войны информанты (**см. п. 2.8**): они делегируют ему право решать. При этом, в отличие от сомневающихся, сторонники подчеркивают свое личное отношение к Путину (часто негативное), что делает его поддержку еще более парадоксальной:

«Он [Путин] не пользуется интернетом, поэтому он просто неадекватно воспринимает окружающий мир. С другой стороны, может быть, это мы неадекватно воспринимаем, потому что мы в интернете сидим. Не знаю... Я к нему негативно все еще [к Путину] отношусь, но демонизировать тоже не хочу. Окей, он себе надумал что-то, он принял это решение. Возможно, что он знает чуть больше, чем мы. Я не уверен, что он все адекватно оценивает, но тем не менее... Будь что будет, короче... <...> Тут уже бессмысленно, доверяю я ему или нет. Решение принято, война началась. Самое лучшее, что я могу сделать — это поддержать свою страну. Я больше люблю свою страну, чем ненавижу Путина. Я не даю одно другому заслонять, как я это для себя объясняю»
(м., 34 года, маркетолог, март 2022)

Такая позиция, в отличие от позиции сомневающих, позволяет информантам-сторонникам одновременно и сохранить свою позицию относительно российского режима, и примкнуть к большинству.

Критика политического режима и ситуации в стране

Несколько человек из нашей выборки сторонников войны высказываются однозначно негативно в отношении политического режима в России и Путина в частности. В первую очередь, объектом их критики является ситуация в стране и внутренние проблемы: отсутствие политических свобод, проблемы в экономике, недостаточность социальной поддержки населения. От других сторонников их отличает высокая степень интереса к политике (они следили за Майданом, за ситуацией с беженцами с Донбасса, и т.п.):

«Моё отношение к внутренней политике совершенно не изменилось. Я считаю, что это совершенно упадочная, нежизнеспособная система, которую, в общем-то, если Россия, действительно, хочет как-то... Я уж не говорю про вырваться в лидеры. Но, чтобы занять достойное место в мире, Россия, конечно, должна эту систему менять, потому что она насквозь коррумпирована, и здесь никаких иллюзий даже минимальных у меня нет. Так что... Ну, просто я разделяю внутреннюю и внешнюю политику, и геополитические угрозы, и то, что здесь происходит. Ну, к сожалению, к сожалению, иногда приходится пользоваться помощью пьющего полицейского-взяточника, чтобы защитить себя от бандитов, которые просто в итоге от тебя ничего не оставят. Я не говорю, что Украина — это бандиты. Но я говорю в некоем глобальном смысле»
(м., 40 лет, гид, март 2022)

Большинство информантов-сторонников войны или не имеют опыта политической и гражданской активности вообще, или время от времени занимаются волонтерской и благотворительной

деятельностью. Несколько человек помогали беженцам с юго-востока Украины — лично, перечисляли деньги, отправляли одежду. Среди информантов-сторонников войны также есть те, кто считают себя частью российской оппозиции: в какие-то моменты своей жизни они поддерживали Алексея Навального, состояли или состоят в КПРФ или небольших оппозиционных активистских организациях, участвовали в разных протестных митингах (например, «За честные выборы» в 2012 или против политики государства во время пандемии коронавируса).

Таким образом, некоторые сторонники войны говорят о том, что еще до начала вторжения России в Украину у них была позиция по ключевым геополитическим вопросам. Кто-то высказывается с «экспертной» позиции, критикуя действия российской власти и ссылаясь на исторические факты. Другие — рассуждают скорее как обыватели. И те и другие обычно описывают Россию и Запад как два полюса, между которыми «зажата» лишенная какой бы то ни было самостоятельности Украина. НАТО мыслится как представляющее угрозу для России еще до начала вторжения, а ситуация в Украине — как складывающаяся не лучшим образом. Впрочем, те, кто, по их словам, не следили за политической ситуацией до вторжения России в Украину, говорят о том же самом, но с меньшей уверенностью и апломбом.

Среди информантов-сторонников войны преобладает положительное отношение к Путину. Часто с оговорками, но большинство сторонников войны считают, что Путин достоин их поддержки, по крайней мере в текущей ситуации и несмотря на существующие в стране экономические и социальные проблемы. При этом экономическая и социальная ситуации в стране остаются точками напряжения и потенциально могут быть теми факторами, который заставит сторонников «спецоперации» поставить под вопрос свое мнение.

ЧАСТЬ 2.

Сомневающиеся

Позиция: в чем они сомневаются, за что они и против чего?

Информантов, сомневающихся в своем отношении к войне, можно разделить на тех, кто склоняется к поддержке (или, скорее, к принятию) «спецоперации»; тех, кто склоняется к ее неприятию; и тех, кто очевидным образом не склоняется ни в одну из сторон. Все они при этом избегают однозначной оценки ситуации и не занимают определенную позицию в отношении войны. Многие информанты признаются, что им непонятны цели «спецоперации» и ее причины. Это, однако, не приводит их к заключению об отсутствии оснований для начала войны или ее бессмысленности (как это происходит с противниками войны). Из-за неясности происходящего и наличия в публичном пространстве полярных оценок «спецоперации» они продолжают сохранять «нейтралитет».

ИМЕТЬ ПОЗИЦИЮ — ЗНАЧИТ ОБЛАДАТЬ ИНФОРМАЦИЕЙ

Большинство информантов мотивируют свой отказ от вынесения оценки войне недостаточной информированностью — отсутствием знания фактических причин, предпосылок и обстоятельств начала войны:

«Я не знаю. У меня недостаточно информации, чтобы поддерживать или опровергнуть [решение начать «спецоперацию»]» (ж., 20 лет, студентка, март 2022)

Логика, лежащая в основании рассуждений этих информантов, такова: возможность иметь однозначное мнение по поводу «спецоперации» находится в прямой зависимости от обладания объективным и всесторонним знанием причин и обстоятельств принятия решения о ее начале — знанием, которое в разных интервью именуется «объективной информацией», «объективной оценкой», «правдой», «полной картиной», «истиной в последней инстанции».

Информанты, отказывающиеся от однозначной позиции по поводу войны, рассуждают о том, почему знание «объективных» причин начала «спецоперации» не доступно им сейчас или не может быть доступным в принципе. Ниже мы описываем повторяющиеся в интервью типы таких объяснений. Выделенные нами типы не являются взаимоисключающими и могут встречаться в рамках одного интервью.

Тотальный скептицизм и недоверие («Все врут, пропаганда со всех сторон»)

Среди сомневающихся в своей оценке войны информантов широко распространены представления об искаженности любой доступной информации о войне, о тотальной ангажированности любых СМИ (украинских, пророссийских, оппозиционных) и об отсутствии в публичном поле авторитетов, на мнение которых можно однозначно ориентироваться:

«II из всей той информации, которую я получила на тот момент, когда это всё только началось, я поняла одно: будут врать все. Будет и Россия врать, и Украина врать, и Запад врать, и Америка врать. Будут врать в том плане, кому что выгодно показывать» (ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

Противоречивая информация («Чтобы разобраться, нужно очень много времени»)

В интервью также часто можно встретить сетования на то, что информация, поступающая из разных источников, противоречива:

*«Я нахожусь в России, у меня родственники находятся на Украине. У нас СМИ говорят одно, у них говорят другое, на деле происходит третье, и общую картинку очень трудно составить в голове»
(ж., 19 лет, студентка, апрель 2022)*

Соответственно, по мнению некоторых информантов, формирование взвешенного мнения о войне требует много времени и сил:

«Мне хотелось разобраться, но <...> я полезла смотреть все новости про это и там буквально на десятой новости я уже отключилась и мне перестало это быть... Ну, не то, чтобы интересным. Естественно, интересно. Но не целесообразно. Информация во многих случаях может быть неверной» (ж., 21 год, студентка, апрель 2022)

Такие высказывания часто сопровождаются формулой «истина где-то по середине»:

«Это две крайности: ПИА и Эхо. Вот читая и то и другое одновременно, ты где-то можешь, наверное, посередине там приблизительно, может быть, уловить какой-то отголосок истины. Но это всё равно не будет правдой» (ж., 35 лет, юристка, март 2022)

Недоступность ключевой информации для «обычных людей» («Я не эксперт и не политик»)

Воздержание от оценки «спецоперации» также осуществляется информантами путем добровольного отказа от права иметь собственное мнение по поводу происходящих событий. Поскольку доступ к «объективной» информации есть, с их точки зрения, только у людей, принимающих решения (близких к правительству, властей, военных экспертов и аналитиков), только они и имеют право на оценку:

«ПЗ здесь я поняла, что я не могу встать ни на одну из точек зрения, по той простой причине, что я — простой житель и я не обладаю той информацией, которой обладают ребята»

(ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

«Я не политик, я не экономист и я не аналитик. ПЗ я понимаю, что за всем этим что-то стоит. Но что — я не знаю. ПЗ поэтому я не могу это оценивать»

(ж., 52 года, университетская преподавательница, март 2022)

Отложенное суждение («Узнаем правду, когда откроют архивы»)

Тем не менее, далеко не все информанты отказывают себе в возможности иметь мнение по поводу войны. Часто они говорят о недостатке информации для принятия решения здесь и сейчас, подразумевая, что в будущем, когда накал страстей утихнет, «откроются архивы» и «правда» выйдет на поверхность, они смогут сформулировать позицию по поводу «спецоперации»:

«[Интервьюер: А что может заставить [вашу позицию] измениться?] Новая информация, потому что, мне кажется, на данный момент у нас нет возможности чисто увидеть причину конфликта»
(ж., 20 лет, студентка, март 2022)

Однако часто выясняется, что обретение доступа к искомой правде о войне в представлении информантов оказывается возможным только в отдаленном будущем, когда сама эта тема уже утратит актуальность:

«Скорее всего, такого не будет или это будет очень нескоро, может быть я даже не доживу до этого. Бывает ли такое, что через 100 лет раскрылись секретные документы?»
(ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022)

Воздержание от выражения оценки представляется этими информантами не как их собственный выбор, а как что-то, детерминированное внешними, не зависящими от них условиями.

Почему им нужна «истина» для того, чтобы занять позицию?

В этом месте кажется уместным задаться вопросом о том, почему вообще тема войны с Украиной заставляет некоторых людей искать «абсолютную истину» и, не находя ее, отказываться занять позицию.

В приведенных чуть выше фрагментах из интервью отдельно обращает на себя внимание историзация войны — помещение ее в далекое будущее, где это масштабное и противоречивое событие

уже превратилось в факт истории, изученный и осмысленный специалистами:

«Мы узнаем спустя годы только, когда историки начнут это все анализировать, в учебниках моих внуков, может быть, появится эта информация»
(ж., 44 года, финансовый аналитик, март 2022)

Одновременно можно заметить, что информанты часто говорят о письменных текстах разного рода как источнике той самой недостающей информации, необходимой для формирования суждения о войне: «*архивы*» (ж., 35 лет, юристка, март 2022), «*учебники*» (ж., 44 года, финансовый аналитик, март 2022), «*секретные документы*» (ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022) или даже финал «*хорошей книги*» (ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022).

Использование таких риторических конструкций может подсказать ответ на поставленный вопрос. Ситуация, которую информанты предлагают в качестве единственно возможной для вынесения суждения о войне — это ситуация, в которой оценка войны стала частью общепризнанного и устоявшегося знания. Иными словами, в этой ситуации история войны уже преподается в школе и больше не является предметом горячих споров, а значит, не требует от людей «поиска» позиции, ответственности за суждение, и необходимости выбирать сторону в поляризованном обществе. **Стремление к объективному знанию, таким образом, оказывается в данном случае неявной стратегией избегания политического суждения, способом оправдания отсутствия политической позиции.**

Рассуждая о доступе к «объективной информации» и «правде», информанты зачастую ставят себя в позицию ее пассивных реципиентов, что отчетливо проявляется на грамматическом уровне (пассивный залог: нам не говорят, нам не объявили):

«Нам истинные цели этого конфликта не обозначены»
(ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

*«Просто не соотносится цена и идея вот эта.
Нам же ее как бы не объявили»*

(ж., 52 года, преподавательница в университете, март 2022)

«Я считаю, что нам говорят не все. И другая сторона, естественно, говорит то, что ей выгодно. И наше правительство скорее всего не говорит все, что им известно» (ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022)

В таком представлении «обычным людям», к которым причисляют себя и наши собеседники, отведена роль пассивных зрителей в этом театре военных действий, причем зрителей бесправных, не требующих ответов, а ждущих, когда сильные мира сего решат раскрыть карты (в виде архивов или секретных документов), а исследователи-историки, проведя обстоятельные исследования, составят объективную и исчерпывающую картину прошедших событий. Хотя даже в этом случае решать, какая конкретно интерпретация закрепится в качестве официальной, будут власть предержащие, потому что *«история — это политическая проститутка»* (м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022) и *«историю пишут победители»* (м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022), а *«истина у тех, кто обладает большим ораторским навыком»* (ж., 44 года, финансовый аналитик, март 2022).

ВИНОВАТЫ ВСЕ И НИКТО НЕ ВИНОВАТ

Сомневающихся в своей оценке войны информантов объединяет также то, что они отказываются называть конкретных виновных и/или возлагать ответственность за происходящее исключительно на российскую власть. Некоторые из них полагают, что в военном конфликте виноваты все стороны:

«Обе стороны ответственные, обе правящие стороны ответственные. И Украина ответственна, и Россия ответственна, и НАТО ответственно. Тут даже не обе стороны, а, по большому счету, главы всего мира ответственны за то, что сейчас происходит — и Америка, и Европа, и Россия с Украиной в большей мере»

(ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022)

Другие — делают акцент на том, что искать виновных бессмысленно:

«Я считаю, что виновных в политике никогда нет, виноватыми остаются проигравшие. <...> Как по мне — это просто столкновение интересов идет и, к сожалению, столкновение интересов произошло на территории Украины. Поэтому ответственных я назвать не могу»

(м., 20 лет, военнослужащий по контракту, март 2022)

В последней цитате субъект действия пропадает как таковой: «просто столкновение интересов» преподносится в данном случае как некий естественный процесс.

ВЛАСТИ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАЮТ (НАВЕРНОЕ)

Нередко допущение о наличии неких неизвестных, но от этого не менее «объективных» причин начала «спецоперации», сопровождается предположением о рациональности людей, принимающих решения. Иными словами, многие сомневающиеся в своей оценке войны информанты предполагают, что какими бы ни были причины войны и сопутствующие ей обстоятельства, они подчиняются рациональной логике:

«Любой человек нормальный, мне кажется, против войны. Но, в то же время, я понимаю, что этот конфликт... не бывает безосновательным»

(ж., 52 года, преподавательница университета, март 2022)

«Наверное, у России были какие-то причины, чтобы ввести туда войска. Ну не просто же так? <...> В принципе, он [президент] как-то должен был соображать, что он делает. Значит, какие-то были у него причины на это»

(ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022)

При этом, в отличие от сторонников войны, некоторые из которых объясняют свою поддержку «спецоперации» наличием неизвестных им, но известных политическим элитам веских

причин для ее начала (**см. п. 1.1**), сомневающиеся информанты говорят о «скрытых причинах» не в модальности уверенности, а в модальности предположения («наверное», «возможно»), вопрошания, надежды и даже — самоубеждения:

«Я, как любой здравомыслящий человек, против гибели людей, против насилия. <...> Возможно, это была вынужденная мера. Но я не политолог, поэтому я не знаю» (**ж., 30 лет, преподавательница колледжа, апрель 2022**)

«Правда пока сейчас такая, что то, что там происходит с мирными жителями — это очень плохо. Вторая правда, что действия, которые там совершаются, они, возможно, все-таки, направлены на какие-то благие вещи»

(м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022)

НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ И МОРАЛЬНЫЕ СОМНЕНИЯ — НЕ ПОВОД БЫТЬ ПРОТИВ

Цитаты, приведенные в разделе выше — внутренне противоречивы и даже парадоксальны. В них содержится моральное высказывание, осуждающее войну. Одновременно с этим, их авторы пытаются найти оправдание действиям российского правительства в виде «объективных причин». Такая ситуация в целом типична для информантов, сомневающих в своей оценке войны.

Большинство этих информантов так или иначе оценивают войну и ее последствия в терминах морали: *«война — это плохо»* (**ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022**); *«я против гибели людей, против насилия»* (**ж., 30 лет, преподавательница колледжа, апрель 2022**); *«человеческая жизнь бесценна»* (**м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022**). Война и сопутствующие ей смерти и страдания людей с точки зрения многих информантов — это не лучший способ решения конфликтов, не идущий ни в какое сравнение с более мягкими, дипломатическими методами:

*«Я довольно пацифичных взглядов человек.
Я за дипломатию в этом плане, если она возможна,
опять-таки, если она возможна»*

(ж., 35 лет, юристка, март 2022)

Кроме того, «спецоперация» вызывает у большинства информантов целый спектр негативных эмоций (шок, отторжение, возмущение, апатия, уныние, сопереживание), и никогда — энтузиазм. Эти информанты также могут переживать из-за смертей солдат и мирных жителей:

«Мне становится больно, мне становится по-человечески жалко, у меня наворачиваются слезы на глаза, потому что простое население, оно в этой заварушке не виновато от слова совсем. <...> Жизнь — она в любом случае уникальна. <...> Если я буду обладать более широким пониманием, что, в принципе, происходит, чтобы можно было встать на ту или иную сторону. А сейчас каждый говорит со своей колокольни, что ему душе угодно»

(ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

При этом ни переживаемые ими негативные эмоции, ни морально-нагруженные негативные оценки войны не обладают в их глазах достаточным весом и силой для того, чтобы стать основой и фундаментом для формирования личного мнения в отношении происходящего (поэтому в данном случае правильной будет говорить скорее об их «моральных интуициях», нежели о полноценных моральных позициях). Это обстоятельство принципиально отличает данную группу информантов от противников войны, для которых именно моральные максимы обладают определяющим значением (**см. п. 3.1**):

«Я не принимаю сторону, я просто могу сказать, что я против боевых действий, из-за которых умирают люди, это 100%. <...> Сейчас я просто осознаю факт того, что мои знания ничтожны. И делать какие-то

*выводы очень сложно, кто как-то виноват. <...>
Совершенно очевиден один факт — человеческая жизнь
бесценна и любые боевые действия, я считаю неверным
методом» (м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022)*

В противоположность «объективным» фактам и «объективной правде», которые, по мысли информантов, должны объяснить причины начала военных действий, собственные нравственные воззрения обозначаются ими как субъективные, личные и, соответственно, препятствующие формированию взвешенной позиции:

«В любом случае, я бы не хотел такого. Если честно, то меня это сильно выбило из колеи. <...> Учитывая то, что мое мировоззрение, оно достаточно гуманное. <...> И мои гуманные взгляды, они тоже влияют на мое мнение. Быть объективным в данной ситуации крайне проблематично»

(м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Иногда информанты даже представляют собственные эмоциональные реакции и моральные интуиции как инфантильные и незрелые:

«И я, конечно, не истерю, в том плане, что, ну как бы сказать так по-детски, что в XXI веке эти вопросы должны решаться мирно. Я понимаю, что в XXI веке мы ни одного дня без войны еще не жили»

(ж., 52 года, преподавательница университета, март 2022)

Парадоксальным образом наличие однозначной позиции в отношении войны, основанной на пацифистских взглядах, обозначается информантом как проявление детскости, в то время как отказ от права на позицию — как поведение взрослого человека.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С ГОСУДАРСТВОМ

Некоторые информанты, констатируя нехватку данных о начале «спецоперации», склоняются при этом в сторону ее пассивной поддержки (смирение и принятие) как ответа на невозможность повлиять на ситуацию в силу ее необратимости.

«У меня нет всей информации, я не готова это как-то [пауза] с радостью, наверно, поддержать я это не готова, но и с негодованием отвергнуть тоже. Это случилось. Это факт. Он уже есть. Я не могу на это повлиять» (ж., 35 лет, юристка, март 2022)

В отличие от противников войны, многие из которых делают все возможное для того, чтобы не ассоциировать себя с Россией как государством (см. п. 3.2), эти сомневающиеся информанты (а также — часть сторонников), наоборот, отождествляют себя с государством:

«Я рождена в СССР, воспитана в духе патриотизма, так что я поддерживаю свою родину, свое государство, потому что по-другому я просто не могу. Я против войны, естественно, мне очень жалко людей, которые там страдают, потому что у многих из нас там есть родственники, друзья, знакомые. <...> Просто я не могу желать своей стране плохого — просто по той причине, что это моя страна» (ж., 49 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Эта связь проявляется на уровне грамматики через использование местоимения «мы» для описания военных действий России в Украине:

«Я живу в этом государстве, я никуда уезжать не собираюсь. Мне ехать некуда, мне здесь жить. Я исхожу из того, что мне здесь жить, в этой реальности, которая будет. От того, что я уйду в оппозицию — я не вижу себя в этой роли. <...> Потому что, наверно, в чем-то мы правы. А иначе

— как нам жить дальше? Если мы во всем неправы.
Наверное, в чем-то мы правы»

(ж., 52 года, преподавательница университета, март 2022)

Причем часто такое отождествление ощущается как вынужденное (как видно и из предыдущей цитаты):

«Я не могу сказать, что вижу смысл в этой войне, не могу сказать, что я её поддерживаю. <...> Это просто поддержка скорее не тех действий, а поддержка именно своей страны, чтобы типа просто хуже не стало, потому что, мне кажется, что если мы сейчас такие просто сдадимся, то Бог знает, что будет»

(м., 23 года, аналитик данных, апрель 2022)

Итак, сомневающиеся в своей оценке войны информанты — это люди, которые отказываются занимать позицию «за» или «против» в отношении российского вторжения в Украину. Они оправдывают этот отказ отсутствием или недостатком информации о причинах начала военных действий и их целях. Эти информанты чаще всего не доверяют публично доступной информации о войне, поступающей как из официальных государственных СМИ, так и из независимых источников. Реагируя на поляризацию общества вокруг оценки войны, они считают, что никто не знает «правду» — ведь она скрыта от обычных людей.

В отличие от сторонников войны, сомневающиеся информанты мыслят войну не столько как неизбежную, сколько как необратимую. Это означает, что войну следует принять как данность и подавлять возникающие в связи с ней негативные эмоции и моральные сомнения. Таким образом, эти эмоции и сомнения не становятся для сомневающихся информантов причиной или поводом быть против войны. Наоборот, часто они воспринимаются как помеха, препятствующая формированию непредвзятого взгляда на ситуацию. При этом такое настойчивое стремление к «объективности», отодвигающее

момент вынесения личной оценки войне на десятки лет вперед, в утопическое будущее, в котором военные действия России в Украине уже стали историей, на проверку оказывается стратегией избегания выражения политической позиции и принятия на себя ответственности за политическое суждение.

Сомневающиеся информанты также солидарны в своем нежелании искать виновных и ответственных за происходящее — поскольку в войне виноваты «все». Наконец, многие из них, как и некоторые сторонники войны, отождествляют себя с государством, считая, что в ситуации неопределенности и информационного хаоса одно им известно точно: они — россияне и не могут выступать против своей страны.

2² Эмоции: как они переживают войну?

В этом разделе мы опишем основные эмоции, переживаемые сомневающимися в своей оценке войны информантами, их динамику, стратегии совладания с ними и их особую роль в процессе формирования позиций и мнений информантов. Если многие информанты-сторонники избегают языка эмоций, когда вспоминают о первой реакции на новости о войне, то сомневающиеся, напротив, часто прибегают к этому языку. Если сторонники — это люди с позицией, с мнением, по отношению к которому эмоции вторичны, то сомневающиеся — наоборот.

Люди, не имеющие четкого мнения, четкой оценки войны, остаются наедине со своими негативными эмоциями, которые они не могут «конвертировать» во мнение.

Поэтому эти эмоции особенно давят и, можно сказать, требуют нейтрализации. В то же время, сами эти эмоции влияют на избегание позиции, на уход от ее выработки. Те же сомневающиеся информанты, кто все же имеет мнение, а именно, мнение «срединное», нейтральное, не сводящееся ни к поддержке, ни к протесту, «подключают» эмоции к формированию этого мнения. Другими словами, мы увидим определенную связь между эмоциями и формированием оценки войны.

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ НА ИЗВЕСТИЕ О ВОЙНЕ

Непонимание, растерянность

Одна из типичных первых эмоций сомневающих в своей оценке войны информантов, появляющаяся в ответ на новость о ее начале — это непонимание и растерянность:

«Если говорить про то, какие я первые эмоции испытал — поначалу была неопределенность, стандартная реакция, я в это не поверил»

(м., 20 лет, военнотружующий по контракту, март 2022)

Такие информанты подчеркивают, что эта эмоция — не столько неприятие происходящего, сколько состояние, затрудняющее возможность адекватно осмыслить события: *«Больше даже не негатив, а непонимание, почему это произошло»* **(м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022)**

Шок, ужас, страх, гнев

Другие информанты, тем не менее, переживали «негатив». Такие информанты рассказывают, что испытали страх, шок, ужас и негодование, узнав о начале «спецоперации»:

«Моя первая реакция была, я надеялась, что это все быстро закончится, что это какой-то сюр, что так быть не должно, и все страны должны найти какой-то быстрый компромисс в этом всем. Короче, у меня был шок» **(ж., 30 лет, маркетолог, март 2022)**

Еще одна информантка вспоминает о страхе от непонимания того, что произошло:

«Поначалу меня это очень сильно начало пугать. Я не думала, что такое может произойти в конкретный момент. Как я считала, к этому не было предпосылок. Поначалу я думала, что это все завершится достаточно быстро и война закончится» **(ж., 19 лет, студентка, апрель 2022)**

Некоторые информанты говорят о негодовании, причем эта эмоция может быть подкреплена навалившимися жизненными трудностями:

«В начале негодование от того, что произошло это событие, которое просто-напросто повлияло на жизнь. У меня повлияло на жизнь в определенном плане, потому что определенные лекарства стали недоступные, которыми закупался я и моя семья. Потом, поговорив с друзьями на территории Украины, я понял, что у них там произошло... Негативное мое отношение было к тому, что это все началось» (м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022)

В целом, можно сказать, что сомневающиеся в своей оценке войны информанты — это люди, которые переживают эмоции, вызванные войной, очень остро. В дальнейшем, по ходу развития событий, эмоции меняются, часто — вследствие сознательного усилия обуздать их и повернуть в нужное русло.

СПУСТЯ МЕСЯЦ(Ы): ЭМОЦИИ СЕЙЧАС

На смену одним эмоциям приходят другие. Иногда чувство тревоги усиливается:

«Эмоциональный фон изменился, стало намного более тревожно. Стало намного больше людей, которые очень сильно тревожатся. И небезопаснее стало. Там, где раньше никаких конфликтов не возникало, сейчас на пустом месте... Все эмоционально заряжены, даже те, кто об этом вообще не думают. К моральной панике близки» (ж., 21 год, студентка, апрель 2022)

Может усиливаться и чувство страха, особенно если для этого есть конкретные основания:

«Единственное, чего я боюсь — это вдруг начнется война на территории России, меня это очень страшит. У меня живут очень близкие родственники в Белгороде,

мой двоюродный брат с семьей. У меня живут очень близкие подруги в Краснодарском крае — у меня там тетя, у меня там сестра, братья, у меня папа оттуда родом. И мне страшно именно в том плане, что если вдруг какой-то перелом произойдет, начнется война на территории России. Вот это меня очень страшит»
(ж., 49 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Однако в большинстве случаев сомневающиеся в своей оценке войны информанты говорят, что со временем их эмоции ослабли:

«Слушай, стало намного проще жить, как будто всё вот успокоилось, на меня это напрямую никаким образом не касается, поэтому я как-то успокоился, расслабился, в какой-то степени, вот. И всё»
(м., 22 года, студент, май 2022)

На это есть свои причины. Одна из них заключается в том, что многие люди сознательно пытаются защититься от негативных эмоций:

«В первый месяц была тревожность от ощущения неизвестности, непонимания, что происходит, неизвестность, как будет развиваться вся эта ситуация дальше? А потом ты же не можешь долгое время в этом ощущении тревожности жить, срабатывает психологическая защита, и ты начинаешь эту тревожность отключать за счет того, что меньше получаешь информации извне, и больше актуализируешься на том, что есть в жизни сейчас. Ну, как-то вот так и справляемся»
(ж., 37 лет, предпринимательница, апрель 2022).

Однако в данном случае дело не только в этом. Первые эмоции сомневающихся информантов — сильные и негативные, и это роднит их с противниками войны. Однако если последние могут конвертировать эти эмоции в протестную или критическую позицию, придать им смысл и пафос, то люди, в своей позиции неуверенные, так и остаются наедине с этими негативными

эмоциями. Другими словами, они не могут перевести эти эмоции в мнение, между негативными эмоциями и позицией остается зазор. Этот зазор, эта оторванность эмоций от взглядов иногда рефлексруется информантами:

«Было определено точно смятение и непонимание, что вообще происходит. Вообще, покуда я нахожусь в довольно либеральном университете, в прямо таком демократиченьком, передовом в этом плане, то вот самая первая невдумчивая реакция была в том, что происходит что-то такое неправильно, что кто-то там сидит, принимает какие-то законы, решения, и это людям только вредит. Типа “какая хрень, авторитарное государство, что они делают”, все в таком духе. Была вообще необдуманная реакция. Это я понимаю, что она моментальная, рефлекторная была» (м., 19 лет, студент, апрель 2022).

Навязчивость негативных эмоций и их «неконвертируемость» в позицию делают их «лишними», а поэтому особенно давящими:

«Негативное мое отношение было к тому, что это все началось. Потом я осознал, что, коли это все началось, надо с этим как-то смириться, потому что
а) мало что можно предотвратить, и
б) негативные эмоции, которые возникают, они мешают продуктивности, мешают повседневному ходу жизни» (м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022).

Эта избыточность негативных эмоций способствует тому, что люди нейтрализуют их остроту, или свыкаются с ними, или же пытаются от них отстраниться как от лишних, ненужных:

«Когда ленту листаю новостную, конечно, что-то кругом всплывает, но я не акцентирую на таких моментах внимания, потому что мне это неприятно, и я не думаю, что если я посмотрю на какие-то разрывные тела, мне как-то станет жить легче.

Это всё будет губить мой эмоциональный фрон, у меня и так хватает своих заморочек помимо ещё и войны»
(м., 22 года, студент, май 2022).

Во многих случаях нейтрализация эмоций — это сознательный шаг, который мотивирован осознанием собственного бессилия. Если для многих политически активных людей ощущение собственного бессилия — это повод испытывать гнетущие и депрессивные чувства, то для от далеких от политики сомневающихся в своей оценке войны бессилие, наоборот, — повод выдохнуть и успокоиться:

«Для меня это была истерика, я ревела как все нормальные люди от осознания того, что вот оно вот так. Потом, как любой рациональный человек я стала понимать, что, в общем-то, мне Путин не звонил, у меня разрешения не спрашивал и не спросит. Поэтому истерить смысла нет. Вот просто истерить и говорить, что так не должно быть. Я все-таки взрослый человек, я понимаю, что это поведение неконструктивное»

(ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022)

Здесь мы видим существенную разницу со сторонниками. У них тоже часто наблюдается спад эмоций, однако он связан с тем, что они укрепляются в том или ином мнении, оценке **(см. п. 1.2)**. **Сомневающиеся же приходят к выводу, что в том, чтобы иметь мнение, смысла нет, и поэтому они пытаются отместить свои эмоции как бессмысленные.**

КАК ЭМОЦИИ СВЯЗАНЫ С ОТНОШЕНИЕМ СОМНЕВАЮЩИХСЯ К ВОЙНЕ?

Интервью с сомневающимися в своей оценке войны информантами интересны не только с точки зрения темы разрыва между эмоциями и позициями, но и с точки зрения эмоциональной «оснастки» самих позиций. Позиции этих информантов часто имеют своеобразную эмоциональную настройку.

Для большинства сомневающихся информантов дистанция от определенного мнения, определенной оценки — это сознательный шаг. Этот шаг может объясняться нежеланием нести эмоциональные потери в позиционных спорах и даже войнах:

«Я стараюсь в это не вникать, потому что действительно было очень много всяких мнений, у каждого свое, тем более что тема животрепещущая, даже возникают у наших коллег какие-то конфликты, разногласия и споры. <...> Я стараюсь в эту тему не лезть, потому что она противоречивая и всегда приводят к спорам и конфликтам между людьми»

(ж., 27 лет, архитектор, май 2022)

Уход от позиции — это процесс не менее сложный и эмоциональный, чем выбор или выработка позиции:

*«Мама обездила большую часть Европы.
<...> У нее достаточно трезвое отношение в плане понимания ситуации. <...> Она очень боится действий со стороны НАТО. Не сказать, что она приветствует действия по убийствам мирных жителей вследствие боевых действий. Но тот факт, что она реально боится НАТО и что это будет прессинговать нас — это прямо действительно есть.
<...> Среди моих ровесников многие поддерживают эту ситуацию. <...> Те, кто ее не поддерживают, они неудобные, а я не думаю, что нужно тебе рассказывать о том, какие следствия от того, что ты неудобен.
<...> Очень сильно отягощает эту ситуацию, очень сложно коммуницировать сейчас с людьми, я с мамой неоднократно спорил и ругался, только сейчас более-менее успокоился, потому что тоже тяжело переживал всю эту ситуацию. Сейчас я просто осознаю факт того, что мои знания ничтожны. И делать какие-то выводы очень сложно, кто как-то виноват. Ты сама,*

я думаю, прекрасно понимаешь, что здесь есть интерес у многих. И говорить, что одна сторона права, другая неправа — это тоже будет неграмотно»

(м., 30 лет, профессия неизвестна)

В этом пассаже информант перечисляет разные позиции: своей мамы, своих знакомых, свою собственную. В его перспективе эти позиции продиктованы эмоциями: страхом НАТО, страхом российских властей, тягостностью политических обсуждений. В итоге он приходит к выводу, что он не способен сформировать собственную однозначную позицию и что если у него какая-то позиция и может быть, то она не будет сводиться к поддержке той или иной стороны.

Однако, сомневающиеся — это не только люди без определенной позиции. Это и люди с позицией «срединной», «нейтральной». В их случае эмоции также играют большую роль в самом процессе производства «нейтралитета». Например, последний может быть вызван эмоциональным отторжением тех позиций, которые представляются слишком уж самоуверенными или же слишком радикальными:

«Я не понимаю людей, которые там бьют себя в грудь и говорят, вот, там, мы такие молодцы, русские, да, мы там делаем всё правильно. Да, блять, откуда вы знаете, правильно вы делаете или нет? Просто верите по фактам каким-то из интернета? Интернету-то верить вообще нельзя. То есть, это может быть сфабриковано, и в целях каких-то настроений антироссийских или наоборот украинских»

(м., 22 года, студент, май 2022)

Таким образом, сомневающиеся в своей оценке войны информанты, по их словам, испытывают или глубокое недоумение, или сильные, как правило, негативные, эмоции, в начале войны. Поскольку сомневающиеся — это люди, не

имеющие четкой позиции «за» или «против», то эти эмоции они не могут «конвертироваться» в позицию, в принципиальную оценку войны. В результате эти «неконвертируемые» чувства становятся особенно давящими и тягостными, и люди находят разные пути их нейтрализации и отстранения от них.

2³

Источники информации: что они читают/смотрят и чему верят?

С момента начала войны клише «не все так однозначно» и «всей правды мы не знаем» стали популярными способами оправдать ее поддержку или не занимать определенной позиции. Конфликт между Россией и Украиной действительно кажется многим людям слишком сложным. Не справляясь с большим объемом информации и противоположными точками зрения в разных медиа, политически невовлеченные люди ставят под вопрос свою способность разобраться в сложных политических процессах. Эта неуверенность усиливается осознанием собственного бессилия, а также травмирующим характером информации о войне.

Как устроено медиапотребление сомневающихся в своей оценке войны информантов? Как они воспринимают информацию о войне? Ниже мы описываем медиа репертуары и источники информации, используемые информантами, их восприятие достоверности информации, стратегии обращения с ней, а также роль пропаганды в формировании их взглядов.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Как и в случае с информантами-сторонниками, сомневающиеся информанты в основном полагаются на онлайн-источники, но телевидение также присутствует в их репертуарах. Интересно, что никто из сомневающихся информантов не говорит, что полагается исключительно на телевидение: некоторые из них

сочетают телевидение с онлайн-источниками, а другие — используют только онлайн-источники.

В таблице ниже перечислены источники информации, упомянутые сомневающимися в своей оценке войны информантами:

Тип	Пример
Российские телеканалы	Первый канал, Россия-1, RT
Российские прогосударственные издания	РИА Новости, ТАСС, Вести, Octagon
Российские новостные агрегаторы	Яндекс.Новости, Mail.ru
Российские прогосударственные каналы и группы	Mash, Рыбарь, StopFake
Российские независимые издания	Медуза, The Bell, DOXA, Дождь
Российские оппозиционные фигуры	Собчак, Кац
Иностранные каналы и группы	Nexta
Западные издания	BBC, Настоящее время
Украинские телеканалы	Украина-24
Украинские фигуры	Птушкин, Лобода

Если в медиа репертуарах информантов-сторонников доминируют каналы в Telegram и социальные сети (**см. п. 1.3**), то сомневающиеся, как и информанты-противники, отдают предпочтение СМИ — прогосударственным или независимым медиа.

ОТНОШЕНИЕ К ИНФОРМАЦИИ

Если некоторые информанты-сторонники войны считают, что российские прогосударственные источники относительно объективны, то среди сомневающихся информантов в нашей выборке таких нет вообще. Однако все остальные источники — независимые российские медиа, украинские медиа, западные медиа — тоже не вызывают доверия сомневающихся информантов:

«Я просто понимаю, что какой бы источник я сейчас ни открыла, это не будет истина в последней инстанции. Меня больше всего расстраивает то, что сейчас, как мне кажется, нельзя доверять никакому источнику информации» (**ж., 21 год, студентка, март 2022**)

Российское телевидение, с точки зрения этих информантов, *«это самый недостоверный источник информации»* (**ж., 19 лет, студентка, апрель 2022**), но освещение событий Медузой тоже нельзя принимать *«за чистую монету»* (**м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022**). Владимир Соловьев *«ахинею несет»*, потому что *«у него то ли с психикой проблема, то ли [аналитика] хреновая»* (**м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022**), но западным медиа вроде BBC и CNN доверять нельзя, так как у них *«ни одна новость не уйдет [в эфир], если она не согласована с мнением государства»* (**ж., 30 лет, маркетолог, март 2022**). Однако российская государственная пропаганда все-таки кажется информантам менее достоверной, чем западная:

«Я не верю в объективность зарубежных СМИ в этом случае. Да, есть степень некоторой фграции пропаганды, у нас — высшая степень»
(**ж., 30 лет, маркетолог, март 2022**)

В отличие от сторонников войны, многие из которых считают, что объективных медиа не существует по определению, сомневающиеся информанты, как и информанты-противники, не делают таких категоричных заявлений. Они считают, что в ситуации войны столкновение противоположных версий событий неизбежно, но сами они недостаточно вовлечены в новостную повестку, чтобы судить, что из предложенного ближе к истине. Им кажется, что их способностей просто недостаточно, чтобы отличать правду от лжи:

«У меня нет цели перечитать все источники и проанализировать. У меня вообще нет цели читать новости, я не хочу этого, это мне мешает. <...> До меня обрывками доносится все»

(м., 22 года, студент, май 2022)

«Я не сильно интересуюсь политикой не потому, что мне вообще неинтересно, что я в такой коробке живу. У меня есть такое убеждение, что мы знаем 5% от того, что происходит. <...> Поэтому мне на это не хочется энергию тратить, смотреть эти ролики»

(ж., 36 лет, предпринимательница, март 2022)

Сомневающиеся в своей оценке войны информанты, как и информанты-сторонники, часто отмечают топорность российской пропаганды, говоря о ее неэффективности по сравнению с качеством западных источников: *«Но насколько же лучше западная пропаганда работает!»* (м., 19 лет, студент, март 2022). Но за этой констатацией не следует нормативного суждения, согласно которому российская пропаганда должна стать эффективнее. Можно предположить, что сомневающиеся в своей оценке войны люди менее внимательны к нарративам Кремля, которые создают образ циничного мира, где независимая и объективная пресса не может существовать в принципе, а пропаганда становится легитимным инструментом борьбы.

Сомневающиеся информанты также говорят о недоверии информации на менее идеологическом и более интуитивном языке. Например, рассуждая о разнице между европейским и

российским вещанием, одна информантка делает акцент на различия в их эмоциональном послыле: «У нас такое нагнетание, а у них чисто все и прекрасно» (ж., 30 лет, преподавательница колледжа, апрель 2022). Другой информант объясняет, почему он перестал доверять репортажам Медузы:

«Раньше я читал Медузу как более-менее достоверный источник. А как началась война, то я начал замечать, что что-то неладно. Я не могу сказать конкретных вещей, потому что они ситуативные, но создается впечатление, что они немножко не в ту сторону стали писать»

(м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

Информант признается, что не может описать конкретные факты, которые заставили его пересмотреть отношение к изданию.

СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ С ИНФОРМАЦИЕЙ

В современной насыщенной медиа-среде люди полагаются на разные способы упрощения потребления информации — например, новостные агрегаторы и ленты в социальных сетях. Разные медиа задают разные возможности работы с информацией. Например, исследователи [отмечают](#), что новостные агрегаторы не только упрощают потребление информации за счет создания короткого «топа» самых цитируемых новостей на повестке дня, но также задают новый режим чтения — многие люди могут не читать новости, которые собрал агрегатор, а просто [просматривать заголовки новостей](#). Даже в ситуации наличия противоречивых нарративов и идеологической поляризации многие [выбирают](#) источники не по политическим критериям, а с точки зрения удобства — какой-то источник просто удобнее, а какой-то привычнее, так как используется давно.

Такой же принцип лежит в основе подхода к информации среди сомневающихся в своей оценке войны информантов. Они часто упоминают новостные агрегаторы как используемые источники и говорят о чтении новостей «по верхам»:

«Я мог послушать по каким-то вопросам Эхо, но я делал это нечасто. В основном это была Медуза. Медуза есть сейчас в Telegram'е, они сейчас там очень удобно пишут, они делают там — тема, сверху заголовок, ниже маленькая текстовка, а дальше нажимаешь и детализация. Вот я иду по верхам, просто какие-то общие моменты смотрю»

(м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022)

Доминирующими стратегиями обращения с информацией среди сомневающихся информантов являются сравнение и дистанцирование.

Сравнение

Так же как сторонники и противники, информанты с неопределенным отношением к войне часто говорят, что следует сравнивать разные источники, чтобы выделить некоторую «среднюю интерпретацию. При этом многие из них не настаивают на том, что они действительно сравнивают источники. Исследователи [отмечают](#), что нормативное ожидание того, что человек будет верифицировать информацию, приходит с опытом и вовлечением. Например, более активные пользователи интернета часто говорят, что они верифицируют информацию чаще, чем другие, но на практике они это делают реже. Дело в том, что в силу опыта и привычки им кажется, что они могут идентифицировать недостоверную информацию интуитивно и без проверки. Не являясь активными пользователями новостных ресурсов, сомневающиеся информанты не чувствуют такого давления по отношению к себе, что позволяет им открыто говорить, что они не верифицируют информацию. Например, одна из информанток замечает, что если *«читать очень много источников одновременно <...>, то можно, наверное, где-то во всём этом увидеть какую-то истину»*. Но она сама признается, что она этого не делает: *«Но я, наверное, не имею желания и времени на это»* **(ж., 55 лет, пенсионерка, март 2022)**. Другая информантка говорит:

«Я понимаю, что, okay, сравнивать можно, посмотреть на что-то пропагандистское с одной

стороны, с другой, примерно вычислить число посреднике и подумать, что, наверное, это правда. <...> Но да, каких-то супер-стратегий, чтобы я села, и такая: “Окей, сейчас я потрачу полчаса на то, чтобы посравнивать это все” [я не использую]. То есть, такой большой поток информации — нужна куча времени, чтобы его прочитать, а анализировать уже это не хочется» (ж., 21 год, студентка, март 2022)

Более того, большинство сомневающихся в своей оценке войны информантов считают, что практика верификации — тщетна. Даже если они начнут активно сравнивать источники, это не приблизит их к лучшему пониманию событий:

«Но мне кажется, что даже этот способ [сравнение источников] бесполезен. Я просто смотрю на это все, листаю, я думаю, что, наверное, это все неправда» (ж., 55 лет, пенсионерка, март 2022)

Дистанцирование

Дистанцирование от информации — популярная стратегия среди неопределившихся в своем отношении к войне информантов. Такие информанты рассказывают, что уделяют новостям минимальное внимание — достаточное, чтобы быть в курсе того, что происходит, но позволяющее не вдаваться в подробности. Во-первых, как уже упоминалось выше, информанты считают, что следить за новостями бессмысленно — это все равно не позволит понять ситуацию лучше. Во-вторых, они избегают негативных эмоций и информации, которая может их вызвать:

«Если в новостной ленте встречается достаточно большое количество фото и видео с жертвами и разрушений, я от этого канала отказываюсь, потому что моя нервная система просто не выдерживает» (ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022)

«Я такое стараюсь не смотреть, потому что я на это реагирую не совсем адекватно. Мне становится

*больно, мне становится по-человечески жалко, у меня
наворачиваются слезы на глаза»*

(ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

Наконец, в отличие от информантов-сторонников и информантов-противников, неопределившиеся информанты чаще чувствуют бессилие. Если негативные эмоции — это естественная реакция на травмирующую ситуацию, то травмирующая ситуация, с которой ничего нельзя сделать, усиливает негативные эмоции, а дистанцирование становится естественной стратегией:

«Что со мной будет, если я не буду знать всех шагов этой операции со стороны России, со стороны Украины, освещенных независимыми СМИ? Это не улучшит жизнь никак. Я не смогу повлиять, даже если что-то происходит не по моей воле»

(ж., 44 года, финансовый аналитик, март 2022)

В отличие от сторонников войны, которые в основном потребляют информацию из каналов и групп в социальных сетях, сомневающиеся в своей оценке войны информанты, как и информанты-противники, больше полагаются на СМИ. Они также не склонны доверять прогосударственным источникам. При этом не доверяют они и другим медиа — независимым, западным или украинским изданиям. Это недоверие основано на идее, что во время войны любая информация — это пропаганда. В отличие от сторонников и противников войны, сомневающиеся в своей оценке войны информанты ставят под вопрос и собственные суждения, и считают, что никогда не смогут разобраться в ситуации.

В речи сомневающихся информантов немного элементов нарративов режима — например, отсылок к «фейкам» или идеи, что пропаганда

— это легитимный инструмент борьбы. Можно предположить, что они менее внимательны к государственной пропаганде. В этом они похожи на противников войны и отличаются от ее сторонников. Сомневающиеся в своей оценке войны информанты полагаются на возможности цифровых медиа, которые упрощают потребление информации, но часто читают только заголовки или первые предложения.

Информанты говорят о двух стратегиях работы с информацией — сравнение нескольких источников и дистанцирование. При этом несмотря на декларируемую важность сравнения источников, они открыто признают, что не опираются на нее регулярно. Для сомневающихся в своей оценке войны информантов верификация — это менее нагруженное нормативное ожидание, а кроме того, они считают, что такая практика просто бесполезна и не позволит им лучше понять происходящие события. **Дистанцирующиеся от новостей о войне информанты считают, что все равно не смогут понять истинные причины конфликта, и хотят отстраниться от негативных эмоций, усиливающих ощущение бессилия.**

2⁴

Друзья и близкие: как и с кем они (не) разговаривают о войне?

Военное вторжение России в Украину стало причиной раскола в российском обществе, разделения российских граждан на непримиримые лагеря. Как сомневающиеся в своей оценке войны информанты сосуществуют в одном социальном пространстве со сторонниками и противниками «спецоперации»? Как они общаются друг с другом дома и на работе, в кругу друзей и знакомых? Сохраняются ли возможности для диалога между людьми с разными взглядами? В этом разделе мы отвечаем на эти вопросы.

СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ СомНЕВАЮЩИХСЯ: ТИПОЛОГИЯ

Социальное окружение сомневающихся в своей оценке войны информантов можно условно разделить на три типа: некоторых окружают те, кто думают так же, как и они («среди своих»); других — те, кто занимают полярные по отношению друг к другу позиции («поляризованное окружение»); третьих — те, кто выступает только «за» или только «против» войны («в другом лагере»). Эти типы окружения отчасти похожи на те, в которых обнаруживают себя сторонники и противники войны, но каждая категория информантов (сторонники, сомневающиеся и противники войны) встраивает свое общение с этими типами окружения по-разному.

Среди своих

Иногда сомневающиеся информанты оказываются в кругу людей, которые, так же, как и они, отказываются выступать «за» или «против» войны. Однако в отличие от сторонников и противников войны, даже находясь «среди своих», сомневающиеся информанты не чувствуют с ними солидарности.

Общим для сомневающихся в своей оценке войны информантов и их сомневающегося окружения оказывается сосредоточенность на частной жизни: в первую очередь их волнует, как война и ее последствия отразятся на них лично, на их семьях, их образе жизни. Это становится слабым основанием для ощущения взаимной поддержки и единства друг с другом. В одних случаях люди, окружающие информантов, не интересуются происходящими событиями, аргументируя это тем, что военные действия их *«напрямую не касаются»* (м., 22 года, студент, май 2022). В других случаях информанты переживают те же эмоции, что и их окружение (растерянность, возмущение, сочувствие), но остаются наедине со своими сомнениями и вопросами:

«Все, если честно, больше переживают за себя, что закрыли магазины, что подорожал доллар. Понятно, что всем жалко людей и так далее. Но это все равно природа человеческая. И ты думаешь: «Ладно, окей,

а мне что с этого? Сейчас война, а как на мне это отразится? Или нет?»

(ж., 36 лет, предпринимательница, март 2022)

Поляризованное окружение

Большинство сомневающихся информантов находятся в окружении людей, придерживающихся разных взглядов на войну и ее последствия. В первую очередь информанты выделяют сторонников и противников войны. Однако они также подчеркивают разнообразие мнений, не сводящихся просто к радикальным позициям «за» и «против» войны, которых придерживаются люди вокруг них (*«люди вообще очень много разных предположений высказывают»*, **ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022**):

«Люди разные и все концентрируются немножечко на разном. <...> Кто-то, кто безоговорочно поддерживает существующий политический режим, говорит, что „а так им всем и надо“. Кто-то в закрытых аккаунтах Facebook с дивана яростно постит как раз эти все фотографии, видео и называет ватниками всех и говорит, что это дикая дичь, и что вас всех обманывают и вот оно как на самом деле там, всех вот прямо вырезали под ноль. Очень разные, очень. Так, чтобы прямо разделить на какие-то основные сегменты я даже не могу»

(ж., 35 лет, государственная служащая, март 2022)

В отличие от сторонников войны, которые подразделяют свое окружение только на тех, кто «за» войну и тех, кто «против» нее, сомневающиеся информанты замечают также людей со *«средним мнением»* (**м., 19 лет, студент, апрель 2022**) или *«околонейтральной позицией»* (**м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022**). Информанты часто ощущают, что остаются невидимыми для людей с более определенными, чем у них, мнениями, незаметными и неучтенными в общественной дискуссии:

«У нас почему-то есть две крайности — либо ты жесткий «оп» [оппозиционер], либо ты жесткий

*пропагандист. А меня как будто бы тут нет.
А на самом деле я общаюсь с людьми, нас достаточно
много» (ж., 21 год, студентка, март 2022)*

Часто «среднее мнение» — это попытка остаться в стороне, «абстрагироваться», «отключиться» от происходящего (ж., 20 лет, студентка, март 2022), избежать оценок и высказываний, чтобы сохранить личную безопасность и уберечься от негативных эмоций. Осознавая отличие своего отношения к войне, сомневающиеся информанты не пытаются противостоять ни сторонникам войны, ни ее противникам — и не подвергаются давлению с их стороны. Однако при этом они могут ощущать отчужденность, чувствуя себя непонятыми в близком кругу:

«Чувствуется, что у нас в одной семье, даже в одной квартире — противоположные лагеря. Я в одной комнате думаю совершенно только о детях. А в другой комнате у меня есть тот, кто смотрит только 24 часа, который понимает что-то в этом. А есть третий лагерь, который далеко, который по-другому думает» (ж., 55 лет, пенсионерка, март 2022)

В другом лагере

Иногда сомневающиеся в своей оценке войны информанты оказываются среди людей, однозначно поддерживающих или не поддерживающих «спецоперацию». Такое окружение может быть однородно и по другим признакам — например, состоять в основном из людей одного возраста или граждан другой страны (россияне-эмигранты). Находясь в таком окружении, сомневающиеся информанты частично подстраиваются под позицию близких, находят точки соприкосновения (например, патриотизм, осуждение националистов, неприятие убийств) и не ощущают острого расхождения мнений. Однако они все же отделяют себя от большинства, чувствуя себя принятыми, но непонятыми:

«Я работаю в немецком коллективе, конечно, никто не поддерживает это, они считают, что Россия

напала на Украину, что это полноценная война, это полноценная война, но лично ко мне как к русской отношение не изменилось, и ко мне стали относиться даже более с сочувствием, потому что они видели, как я переживаю все эти события. <...> У меня здесь не так много русскоязычных знакомых, с которыми я могла бы обсуждать эту тему. Из моего круга знакомых никто не поддерживает»

(ж., 40 лет, воспитательница детского сада, май 2022)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНОМЫШЛЕННИКАХ И ОППОНЕНТАХ

Сомневающиеся информанты не имеют ясно сформированных представлений об оппонентах и единомышленниках. Они находятся между двумя лагерями, но не ощущают противостояния с ними, так как частично разделяют взгляды каждого из них и видят разумные доводы и у сторонников войны, и у ее противников. Они толерантны ко взглядам людей, с которыми не согласны, поэтому их представления о сторонниках и противниках военных действий противоречивы или вообще отсутствуют. Скорее, они противопоставляют себя тем, кто придерживается крайних взглядов — не важно, являются ли эти взгляды про- или антивоенными.

Например, сторонники войны могут описываться как патриотически настроенные люди старшего поколения или молодые парни из промышленных городов, которые *«хотят героически перестроить мир»* (ж., 21 год, студентка, апрель 2022). Противники войны характеризуются как молодые люди или либеральная, оппозиционно настроенная публика. Отношение к обеим группам в большинстве случаев остается нейтральным: сомневающиеся информанты никого ни в чем не обвиняют (*«Мы никого не осуждаем»*, ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022) и не наделяют негативными чертами носителей других убеждений (*«Я ничего плохого о них сказать не хочу и не могу»*, ж., 21 год, студентка, март 2022). Однако радикальных сторонников и противников войны сомневающиеся информанты могут

описывать с презрением: сторонников «спецоперации», не готовых ехать на фронт, называют «клоунами», которые только «буквы Z вешают» (м., 23 года, аналитик данных, апрель 2022) и «бьют себя в грудь» (м., 22 года, студент, май 2022); противники представляются как «конченная либеральная тусовка» и «недоумки», которые считают русских «орками и дикарями» и проявляют враждебность к России (м., 23 года, аналитик данных, апрель 2022). Иными словами, неприятие сомневающихся вызывают не столько сами позиции по поводу войны, сколько степень их радикальности.

Сомневающиеся также неоднозначно относятся к людям, чьи взгляды похожи на их собственные. С одной стороны, знакомые, которые так же, как и наши информанты, стремятся отстраниться от войны, воспринимаются как адекватные, подходящие для диалога. С другой стороны, людей, которые отстраняются от ситуации слишком сильно, могут критиковать за равнодушие и цинизм:

«Я расстраивалась, что с этими людьми я когда-то была близка, у нас были похожие взгляды, а теперь они рассуждают максимально отстраненно, пытаются казаться какими-то диванными экспертами. Это было неприятно. <...> Наверное, меня особенно задел пост, который не высказывал ни поддержки, ни одобрения операции, а позицию как типа “давайте посмотрим на это, как на историческое событие”. Сейчас вся экономика взбодрится, вы неправильно делаете, что что-то чувствуете, нужно быть хладнокровными, бесчувственными, не эмпами и все такое. Это было очень неприятно, максимально»
(ж., 21 год, студентка, март 2022)

Сомневающиеся не осознают себя как единомышленников, не развивают групповую идентичность, ощущают внутренние различия в кругу «своих» и сходства с представителями других мнений:

«Воронежские ребята [знакомые] — они часть занимают околонейтральную позицию. Всем это,

конечно, не нравится. Многие хотят смотреть несколько позиций, чтобы оценить ситуацию. Кто-то уходит в себя и не хочет вообще связываться и слушать» (м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022)

«У меня остаются друзья, которые оппозиционных взглядов. Я к ним прислушиваюсь. Я считаю себя гибким и готовым переменить свое мнение в какую-либо из сторон» (м., 19 лет, студент, март 2022)

Как и для сторонников «спецоперации» (см. п. 1.4), для сомневающихся важно быть патриотами, то есть любить свою страну и гордиться ей. Сомневающиеся редко различают Россию-страну и российское правительство: в их понимании любовь к стране, проживание на ее территории, причисление себя к русским требует как минимум отсутствия открытого неодобрения действий власти («свое государство нельзя критиковать», ж., 64 года, пенсионерка, май 2022). Но, в отличие от сторонников войны (см. п. 1.4), они не используют отсылки к патриотизму для того, чтобы провести границу между единомышленниками и оппонентами и сформировать негативный образ «другого».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОППОНЕНТАМИ

У большинства сомневающихся информантов есть родственники, друзья, знакомые, которые как одобряют, так и не одобряют военные действия, а некоторые, точно так же, как и информанты, воздерживаются от оценок. Сомневающиеся общаются с ними по-разному — вступают в споры, пытаются обсуждать ситуацию «цивилизованно» или избегают общения в принципе. В отличие от сторонников «спецоперации» (см. п. 1.4), сомневающиеся не прекращают отношения с оппонентами — в этом они похожи на противников войны (см. п. 3.4). Сомневающиеся, снова, как и противники войны, реже вовлекаются в споры и, наоборот, чаще прибегают к избеганию, чем сторонники «спецоперации». При этом и сторонники, и противники, и сомневающиеся чаще спорили в начале войны, но спустя время стали отказываться от споров в пользу избегания.

Споры

Информанты, спорящие со своими близкими, не принимают другие точки зрения, уверены, что оппоненты неправы и стремятся их переубедить. Споры сопровождаются негативными эмоциями (раздражением, гневом) и могут приводить к конфликтам. Однако поскольку сомневающиеся информанты ценят прежде всего личные отношения с людьми, а не их «политические позиции», они быстро отказываются от агрессивных споров и переходят к стратегии «цивилизованного обсуждения» или «избегания»:

«Очень много было в обществе споров, поначалу даже собираешься в компании где-то, начинается эта тема. Можно разругаться, и на фоне вот этих каких-то политических дел, которые, в принципе, тебя и твоих друзей, так сказать, не особо-то и касаются»

(ж., 41 год, банковская работница, май 2022)

«Цивилизованное обсуждение»

«Цивилизованное обсуждение» предполагает меньший накал эмоций по сравнению со спорами. Информанты не пытаются обвинять и «давить» на своих собеседников, уважают их мнение («каждый имеет право на свою позицию», **ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022**). Они также стремятся сохранить эмоциональную нейтральность, вежливый тон и могут даже поддерживать оппонентов:

«Мы такими вещами не занимаемся. Мы обсудили, да. Иногда о чем-то поспорили, но в корректной форме, то есть на уровне обычной дискуссии. <...> Сейчас многие считают, что сейчас время непростое, нужно друг друга поддерживать, помогать как-то друг другу, заботиться. Даже просто поговорить с человеком, успокоить — это уже помогает»

(ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022)

Избегание

Большинство сомневающихся избегают разговоров на тему войны, исключают ее из повседневного общения с близкими, но в остальном общаются с ними как всегда. Как и сторонники войны, избегающие разговоров о ней (**см. п. 1.4**), они не обсуждают разногласия. Таким образом они делают свою повседневную жизнь комфортной, спокойной и безопасной.

Сомневающиеся тщательно следят за тем, чтобы тема войны (маркированная как «политика») не проникала в повседневные обсуждения по нескольким причинам. Во-первых, эти дискуссии оставляют *«тяжелый осадок»* (**ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022**), пробуждают *«беспокойства, переживания»* (**ж., 27 лет, архитектор, май 2022**) и страхи, связанные с доносами, опасения оказаться *«неудобными»* (**м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022**). Во-вторых, такие разговоры угрожают конфликтами и распадом привычных социальных связей (*«фазругаемся в пух и прах»*, **ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022**). В-третьих, сомневающиеся считают разговоры о *«спецоперации»* бессмысленными из-за недостатка фактов и повсеместной *«дезинформации»* (**ж., 20 лет, студентка, март 2022**), уже сложившихся взглядов оппонентов (*«диалога не получается»*, **м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022**) и невозможности повлиять на ситуацию (*«мы ничего не изменим»*, **ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022**):

«Мне проще сохранять молчание в тех же соцсетях. Я не хочу ничего пропагандировать. Мне так комфортнее. Я не предатель какой-то, это молчание, оно скорее такими причинами обусловлено. <...> Я считаю, что разговоры о политике, о текущей ситуации между не супер близкими людьми, они не могут нести какой-то смысл. Опять же, это от недостаточности данных с той и с другой стороны. И из-за наличия убеждений, которые формируются»
(**ж., 30 лет, маркетолог, март 2022**)

Итак, социальное окружение сомневающихся неоднородно, в нем присутствует вся палитра взглядов на военные действия. При этом они оказываются более чувствительны к оттенкам поддержки или неодобрения «спецоперации», выделяя людей с нейтральной позицией, которых редко замечают сторонники и противники.

Сомневающиеся более толерантно относятся к мнениям, с которыми они не согласны, и не испытывают враждебности к людям, которые их выражают. Такая враждебность не имеет смысла — ведь, с точки зрения сомневающихся, «правда» скрыта ото всех, аргументы каждой стороны «можно понять», а главное — идущая далеко война не связана с повседневными жизнями их и их близких. Соответственно, они редко вовлекаются в споры с близкими и предпочитают избегать разговоров «о политике». В результате им удастся минимизировать неприятные переживания, дистанцироваться от тревожной ситуации и сохранить привычный образ жизни. Однако обратной стороной такой стратегии становится недостаток солидарности с окружающими, ощущение неопределенности. Даже «среди своих» сомневающиеся не чувствуют себя в кругу единомышленников, а их тревоги, страхи и сомнения часто остаются непроговоренными и неразделенными.

2⁵ **Последствия войны: чего они ждут и боятся?**

В этом разделе мы рассмотрим, как представляют себе последствия войны сомневающиеся в своей оценке войны информанты. Мы попытаемся ответить на вопрос: сомневающиеся — это те, кто «между» сторонниками и противниками или некий особый тип людей? Мы увидим, в чем они похожи на противников, в чем на сторонников, а в чем их способ переживать и предвосхищать последствия отличается как от тех, так и от других.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сомневающиеся в своей оценке войны информанты, как и противники со сторонниками, считают, что война будет иметь разнообразные экономические последствия. В их нарративах встречаются и очень мрачные прогнозы, присущие противникам войны, и более оптимистичные оценки, например, надежда на импортозамещение или последующий экономический подъем, свойственные скорее тем, кто поддерживает войну. **В отличие от сторонников войны, которых больше беспокоят ее последствия для страны в целом (см. п. 1.5), и противников войны, рассуждающих о последствиях войны как для страны, так и для себя лично (см. п. 3.5), сомневающиеся главным образом обеспокоены влиянием войны на свои собственные жизни.** Так, в разговорах с ними чаще возникают опасения возможного дефицита товаров, или надежда, что ушедшие с рынка частные компании вскоре вернутся обратно в Россию.

Многим из тех, кто не сформировал четкую политическую позицию по поводу войны, сложнее оценить ее последствия и выработать стратегию поведения в постоянно меняющихся условиях:

«Но, опять же, как долго это продлится? Как долго будет эта ситуация разрешаться? Может быть — раз, все быстренько договорятся между собой и пойдет отмена этих каких-то санкций и мы все выдохнем. А может быть так, <...> что у нас не будет ничего, от автомобилей и компьютеров до шампуней и посудомоечных машин, что мы все будем сидеть исключительно на чебоксарском трикотаже, который стоит уже как какие-то импортные бренды, что у нас будет дефицит тех продуктов, к которым мы привыкли. <...> Какие-то прогнозы строить, как это будет — если честно, я не знаю. Я не знаю, что надо — покупать гречку, покупать

*носки или что-нибудь или не надо этого делать.
Очень как-то сложно. И вот туда-сюда штормит,
непонятно...»*

(ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022)

Удар по личной позиции/статусу

Некоторые сомневающиеся в своей оценке войны информанты, как и противники войны (**см. п. 3.5**), переживают, что война может сказаться на их личном социальном статусе, понизив качество образования, карьерных возможностей, досуга. Например, многие говорят, что под ударом находится их профессиональное положение, поскольку возможности для международных связей сокращаются:

«Лично меня это коснулось в том, что я учусь в университете, который очень сильно основывается на взаимодействии интернациональном, международном. А интернациональное взаимодействие, оно плохо работает, когда твоя страна участвует в войне, на которую плохо смотрит примерно все мировое сообщество. Правда это, обоснованно или нет — это другой вопрос, но это так. И люди смотрят на это плохо за рубежом. И это не хорошо для моего обучения» **(м., 19 лет, студент, апрель 2022)**

Правда, в отличие от противников войны (**см. п. 3.5**), эти сомневающиеся информанты чуть более «прагматичны» — **они не считают, что международное сообщество обязательно поступает верно, разрывая связи с Россией, но с сожалением констатируют негативные последствия этого процесса для собственных профессиональных карьер** («обоснованно или нет — это другой вопрос, но это так», **м., 19 лет, студент, апрель 2022**).

Как и противники войны (**см. п. 3.5**), такие сомневающиеся видят риски утраты прежнего уровня жизни, работы и досуга. Однако, в отличие от многих противников, для них эти риски не перечеркивают всю их жизнь.

«Все нормально»

Другие сомневающиеся говорят, что не почувствовали особенных изменений из-за санкций или других экономических последствий войны. В этом отношении они похожи на тех сторонников войны, которые «привыкли» жить под санкциями и верят в способность России быть экономически автономной от Запада **(см. п. 1.5)**:

«Санкции — это такой двойной вопрос. Потому что, с одной стороны, я отношусь к этому довольно-таки несерьезно, потому что в течение многих лет они на нас накладывались. И я вижу Россию страной, которая вполне может сама себя обеспечить во многих вопросах. И, скорее, несерьезно к ним отношусь. В будущем, будут последствия, тогда, возможно — да»
(ж., 20 лет, студентка, март 2022).

Стоит отметить, что среди противников войны также есть те, кто говорят, что пока не заметили влияния войны на свои жизни и жизни других людей в России. Однако если противники воспринимают эту стабильность с тревогой **(см. п. 3.5)**, как своего рода «стабильность во время чумы», то сомневающиеся, скорее, испытывают облегчение от того, что худшие сценарии пока так и не реализовались:

«То есть отдых немножко накрылся, и сейчас я его планирую исключительно в России, вот в августе в Пятигорск поеду. Ну вот такие моменты. Я не скажу, что для меня это было сильно критично — со стабильной работой мне прожить не сложно»
(ж., 27 лет, архитектор, май 2022).

Подъем экономики

Наконец, некоторые из сомневающихся в своей оценке войны информантов озвучивают позитивные прогнозы развития российской экономики в новых, послевоенных, условиях — и в этом такие информанты тоже напоминают сторонников войны **(см. п. 1.5)**:

«Думаю, что в принципе можно будет начать что-то своё, мы сможем наращивать свои производства, вот. Открывать что-то своё. То есть, в целом, это может начаться эрой какого-то там объёма собственного производства, каких-то технологий. В сочетании с тем, что экономика вообще страдает очень сильно. Я думаю, что это первый вариант развития России. Что мы можем в критичной ситуации действительно начать что-то делать»

(м., 23 года, аналитик данных, апрель 2022)

Эти информанты рассуждают о восстановлении или росте российской экономики в модальности веры, а не уверенности — как будто надеются на чудо. Но чем вдохновлена эта надежда? **Как и сторонники войны, эти сомневающиеся информанты накопили недовольство в отношении российской экономической модели, часто кажущейся тупиковой. Отсюда их желание верить, что, пусть и благодаря такому трагическому событию, как война, экономика воспрянет.**

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИКИ: ЗАЛОЖНИКИ СИТУАЦИИ

Как и сторонники, и противники войны, сомневающиеся говорят не только о ее экономических последствиях. Они размышляют также о расколе в обществе, об отношении между русскими и украинцами, о репутации России на мировой арене. Но делают они это, в первую очередь, примеряя эти глобальные последствия на себя — а что будет с ними и их близкими во время и после войны?

Среди сомневающихся есть люди, которые оценивают возможные последствия войны как крайне негативные (как и противники), есть те, кто, глядя в будущее с тревогой, надеются на лучшее (как и сторонники), и есть те, кто занимает в своих оценках «срединную», неопределенную позицию (как бы между противниками и сторонниками). Например, один из

сомневающихся информантов в одно и то же время предрекает страшные последствия войны и надеется на то, что руководство страны справится с проблемами:

«Последствия такие, что кто-то может начать умирать с голоду, условно. <...> Я не знаю, как это будет происходить с учетом текущей власти, она вряд ли поменяется. Но если власть сейчас вошла туда, куда она вошла, то ее основная задача сейчас — защитить граждан, по крайней мере попытаться. И то, что сейчас происходит — они реально пытаются это сделать. Я вижу — пытаются, видно, что это продуманные ходы. Не знаю, что будет дальше — время рассудит»

(м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022).

В целом, если сомневающиеся не чувствуют, что война приведет страну к катастрофе и не чувствуют, что она сильно затронула их лично, то они могут ощущать себя более-менее спокойно. В то же время, наибольший интерес представляют оценки тех сомневающихся, кого война непосредственно коснулась и кто видит серьезные риски для будущего страны. Их отличие от противников и сторонников заключается в том, что они не наделяют войну субъективно важным смыслом. Сторонники, даже если видят серьезные негативные последствия, верят в то, что это — плата за будущую безопасность и независимость России. И поэтому считают ее поддержку своим долгом, даже если это противоречит их жизненным принципам, например, пацифизму (**см. п. 1.5**). Противники могут погружаться в депрессивное настроение и переживать утрату смысла жизни или же, наоборот, надеяться, что за войной последуют решительные перемены, такие как смена режима, революция, прощание с вековым имперским мышлением. В то же время они могут поменять свою жизнь, найти новый смысл в эмиграции и гражданской активности (**см. п. 3.5**). И сторонники, и противники переживают войну как что-то лично важное, что-то что меняет их отношение к жизни, причем активным образом. В отличие от них, сомневающиеся демонстрируют позицию заложника:

видимо, все будет плохо (с нами или со страной), но мы не можем и не хотим ничего с этим делать:

«Можем превратиться в СССР, тогда будем невыездные, будем сидеть за железным занавесом в своей стране. Вот последствия. Ну, это не то что пугает. Ну, просто привыкли, как граждане мира, мы можем путешествовать, учиться, где хотим. Ну, не где хотим. Где позволяют средства. Но это, понимаете, тоже. Ну, это 10-15-20% населения нашей страны. <...> Остальные же люди, ну, они же... Нет у них средств на это, правда. Это тоже... Основная масса — они и так никуда не выезжают, им вообще побарабану, что там будет за железным занавесом, они будут ездить на курорты Краснодарского края или на турбазу, или ещё куда-нибудь, или на дачу»

(ж., 41 год, банковский работник, май 2022).

Эта информантка рассуждает и про себя, и про будущие поколения (про страну), демонстрируя покорность судьбе, как будто война — это природный катаклизм. Эта покорность звучит спокойно, и в этом ее зловещесть.

Итак, сомневающиеся в своей оценке войны информанты описывают негативные последствия войны главным образом для самих себя и «простых людей» — это отличает их как от сторонников войны, так и от ее противников, которые озабочены последствиями «спецоперации» для страны в целом. Более того, сомневающиеся информанты менее уверены в своих прогнозах по сравнению со сторонниками и противниками войны. Как и сторонники, некоторые сомневающиеся могут видеть шанс на восстановление и развитие экономики, но либо слабо в это верят, либо считают, что за это будет заплачена слишком высокая цена. Наконец, сомневающиеся в целом нередко считают себя заложниками — ситуации, которую не они создали и на которую они не могут повлиять.

Жертвы: как они оценивают масштабы жертв и реагируют на них?

Сомневающиеся в своем отношении к войне информанты в основном сопереживают жертвам военных действий: украинским мирным жителям и военным с обеих сторон. Их сочувствие обычно вызывают все мирные жители без исключения (а не только, скажем, «дети» или «старики»). Они также беспокоятся о судьбе военнослужащих, и российских, и украинских, но в особенности — тех молодых российских солдат, которые попали на войну, не понимая ее смысла. В этом они отличаются от сторонников войны и похожи на ее противников.

В этом разделе мы опишем, откуда сомневающиеся получают информацию о жертвах и как они на нее реагируют. Мы выделяем несколько разных типов обращения с информацией о жертвах и эмоциональных реакций на нее.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖЕРТВАХ: СЛЕДЯТ ЛИ ЗА НЕЙ СОМНЕВАЮЩИЕСЯ?

Те, кто имеет неопределенную позицию по поводу войны, следят за информацией о жертвах и оценивают их масштабы несколькими способами.

Активный поиск правды (которая «посередине»)

Многие сомневающиеся — и в этом они похожи как на сторонников, так и на противников войны — следят (или, по крайней мере, следили в первые месяцы войны) за информацией о жертвах и уверены, что и российская, и украинская сторона предоставляют не полностью достоверные данные о масштабах жертв — главным образом, среди военных. В частности, российская сторона занижает потери собственной армии, а украинская сторона, наоборот, завышает число погибших российских военных:

«[Интервьюер: А за цифрами потерь военных, гражданских, вы следите с обеих сторон?] Раньше следил. <...> Украинцы говорят, что «ваших» погибло 20 000, а у нас объявляют, что буквально 1000. Я понимаю, что это бред. Сейчас говорят одни цифры, а по факту — другие. По новостям говорят, что есть единичные случаи смертей, но я знаю, что это не так. Просто я тренер по стрельбе, занимаюсь стрельбой, это вид спорта такой. У нас тренер из спецназа, он общается... Я знаю, что, например, под Уфой есть база спецназа и там действительно уже больше половина состава, они мертвы, просто об этом не сообщают, чтобы не вызвать панику. Я уверен, что цифры занижены официальные что с одной стороны, что с другой достаточно сильно»

(м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022)

Этот информант использует собственный опыт («я тренер по стрельбе... у нас тренер из спецназа...») для того, чтобы показать недостоверность информации с обеих сторон.

Такие сомневающиеся считают, что погибших немало. Однако истинное количество потерь находится где-то посередине между оценками обеих сторон:

«Да, в Telegram'е я читал два ресурса. Один — это провластный местный, второй — это Telegram-канал украинский, где пишут на украинском языке и явно ведут диалог со своими жителями. Истина где-то посередине» **(м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022)**

Как мы видим, эти информанты, несмотря на свое неопределенное отношение к войне, не просто следят за жертвами военных действий, но делают это активно — подписываясь, например, на проукраинские и пророссийские источники и сопоставляя их данные.

Активное отстранение от правды (которая ужасна)

Другие сомневающиеся информанты не так активно следят за информацией о жертвах войны. Они, тем не менее, осведомлены о различных оценках масштабов жертв, и считают, что пострадавших больше, чем отражают эти оценки. Такие информанты обеспокоены происходящим в Украине. Это сказывается на их эмоциональном состоянии, поэтому, как и некоторые противники войны (**см. п. 3.6**), они решают ограничить потребление информации о конфликте — и его жертвах:

«Если честно, то я практически не смотрю [информацию о жертвах]. Я не могу в такое равновесие войти, я не могу в этом долго жить, и самое ужасное, что я не могу на это реагировать. Рефлексировать бесконечно невозможно, я просто себя сберегаю. Просто режим самосохранения, я не смотрю. Я честно говорю, я не смотрю. Я сегодня открыла, прочитала количество официальное, 1351 человек опубликовано. Верить этому или нет — я не знаю. А дальше я эту статью не могу читать больше. Я понимаю, что еще есть в плену, еще есть без рук, без ног. Я считаю, что если это читать, смотреть, то это заболеть можно»

(ж., 52 года, преподавательница университета, март 2022)

Эта информантка ставит под вопрос официальные цифры пострадавших, но она знает, что жертв много — именно поэтому она активно сопротивляется потреблению информации о жертвах («я открыла, прочитала... не могу читать дальше»). Такая риторика и способ потребления информации в нашей выборке свойственен скорее женщинам, чем мужчинам.

Активное отстранение от оценок (потому что правда фальсифицируется)

Наконец, еще одна группа сомневающихся информантов предпочитает не следить за информацией о жертвах военных действий и не давать оценок потерям, потому что, с их точки

зрения, все данные о жертвах недостоверны. Любая информация о «спецоперации» в целом ставится ими под вопрос, поскольку она может быть сфабрикована или искажена любой из сторон конфликта:

«Я видела [информацию о жертвах]. Но так как я представляю уровень возможностей компьютерной графики и возможность всяких постановочных съемок, я просто из собственной информационной гигиены считаю, что все, что я лично не видела своими глазами, это все фигня в обе стороны. Я их просто не смотрю. Я знаю, что происходит, но это мне это не так важно. Есть замечательный фильм, “Хвост виляет собакой”, я его всем рекомендую смотреть, всем вместо политических новостей сейчас. Там как раз описано, как можно нарисовать войну и не рисовать войну, если не надо. Поэтому я не слежу за этим»

(ж., 21 год, студентка, апрель 2022)

В отличие от предыдущей группы информантов, эти сомневающиеся отстраняются от информации о жертвах не с позиции бессилия («я понимаю, что все плохо, и не могу с этим жить»), а с позиции силы («я знаю, что все врут, поэтому никого не собираюсь слушать»). Решение не следить за информацией о жертвах, потому что она может быть сфабрикована, отличает сомневающихся от противников войны, которые, соглашаясь с тем, что «фейки» есть везде, считают, что следует следить за этой информацией — просто ее нужно «фильтровать» **(см. п. 3.6)**.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИНФОРМАЦИЮ О ЖЕРТВАХ

Сомневающиеся демонстрируют спектр эмоциональных реакций на информацию о жертвах этой войны: от боли и ужаса до спокойствия.

Шок и боль

Многие сомневающиеся, описывая свои эмоции и чувства в отношении жертв, говорят о горе, боли, шоке от увиденного, жалости по отношению к мирным жителям и молодым российским военным, разрушенным городам:

«Какая может быть реакция у нормального человека? Это просто боль, боль, боль и боль. Это боль за людей. Это очень больно, на все это смотреть, именно такая реакция. Это трагедия, понимаешь? Это трагедия... Реакция на трагедию — это боль, человеческая душевная боль, вот такая реакция»

(ж., 59 лет, инструктор государственной лотереи, апрель 2022)

«Магнитогорск жалко, очень жалко. Город превратился во второй Сталинград, наверное, в 40-е годы. Честно — это ощущается мной не так сильно, потому что я не там. Если бы я видел это своими глазами, если бы я разговаривал с теми людьми, которые там находятся, то я бы испытывал бы другие эмоции. Единственное, что я испытывал — это отвращение ко всему этому»

(м., 20 лет, военнослужащий по контракту, март 2022)

Некоторые из этих информантов жалуются, что просмотр материалов о жертвах и разрушениях во время войны влияет не только на их психологическое состояние, но и на их физическое здоровье. Одна из информанток, например, рассказывает, как испытывала тревожность на фоне новостей о жертвах, а через какое-то время заболела. Кое-кто, сначала испытывая боль и шок, со временем переставали переживать о жертвах, эмоционально «черствели», как выразилась еще одна наша информантка. Это сближает их с некоторыми сторонниками войны, которые из-за эмоционального выгорания тоже со временем начинали «спокойно» относиться к информации о жертвах.

Спокойное отстранение

На противоположном полюсе эмоционального спектра реакций на информацию о жертвах во время войны находятся реакции спокойные, безэмоциональные. Среди сомневающихся информантов в нашей выборке лишь несколько испытывали подобные реакции — однако они могут быть типичны для людей, не попавших в нашу выборку.

В отличие от сторонников войны, которые объясняют свою безэмоциональную реакцию невозможностью узнать реальные масштабы жертв до окончания боевых действий (см. п. 1.6), для сомневающихся спокойная реакция является закономерным следствием невозможности повлиять на ситуацию, а значит, нести за нее ответственность. Иными словами, это еще один тип активного отстранения, практикуемого многими сомневающимися:

*«Меня это [ситуация в Украине] не волнует
лишний раз, каждый день и все такое. Я достаточно
спокойный, в общем. Понятно, что в этом ничего
хорошего нет. Ну, как там говорят — если ты
можешь на это повлиять, то есть повод беспокоиться.
Если ты не можешь на это повлиять, то зачем об
этом беспокоиться? Здесь вопрос возникает —
а можешь ли ты на это на самом деле повлиять?»*
(ж., 64 года, пенсионерка, май 2022)

Два описанных нами типа эмоциональных реакций сомневающихся информантов на жертвы войны — это два полюса, между которыми расположены реакции большинства из них. При этом, как мы отметили выше, большинство сомневающихся в своей оценке войны информантов скорее сопереживают жертвам, несмотря на попытки отстранения, и только некоторым удастся добиться «спокойствия» или «очерствения».

Многим кажется, что информация о жертвах затянувшейся войны не может оставить «нормальных» людей равнодушными, не может не заставить их занять позицию в отношении войны. Тем не менее, мы видим, что сомневающиеся информанты, те, кто такую позицию занять не могут, осведомлены о жертвах и даже, по большей степени, сопереживают им. Некоторые из них пытаются собрать по крупицам информацию о жертвах и оценить ее, опираясь на собственный опыт, другие же отстраняются от оценок, потому что правда слишком ужасна или потому, что она недоступна. Это отстранение помогает им «оставаться людьми», сопереживать жертвам, но не занимать однозначную позицию в геополитическом конфликте.

2⁷

Антивоенные протесты: что они думают о протестующих против войны?

Как и сторонники войны, сомневающиеся в своей оценке войны информанты признают право других на антивоенные протесты с некоторыми оговорками. Так, с точки зрения некоторых из них, антивоенные протесты должны быть законными (то есть, согласованными с властью) и ненасильственными. При этом, в отличие от сторонников, многие сомневающиеся информанты рассматривают протесты как «прекрасный порыв» — экспрессивный и не всегда эффективный шаг, чреватый репрессиями, но благородный в сложившейся ситуации. В то время как сторонники делают акцент на недостатке образования, непоследовательности и несамостоятельности протестующих, сомневающие склонны сочувствовать протестам, пусть и указывая на их тщетность.

Ниже мы выделяем и описываем несколько способов представлять антивоенные протесты и их участников, встречающиеся в интервью с сомневающимися в своей оценке «спецоперации» информантами. Большинство из них прибегают к одному из этих представлений, однако некоторые могут опираться сразу на несколько.

ИМЕЮТ ЛИ АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ?

Главное — это законность

Среди сомневающихся (так же, как и среди сторонников войны, **см. п. 1.7**) встречаются легалисты — информанты, считающие, что митинги допустимы, только если они согласованы властью и не вредят ей:

«Чтобы выразить свое мнение, то нужно согласовывать какие-то митинги, потому что людям нужно высказать это мнение, какое бы оно ни было. Но в данный момент, сейчас, это [протестовать] делать не нужно, потому что ситуация очень сложная» (ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022).

Репрессии по отношению к несогласованным выступлениям кажутся некоторым информантам мягкими:

«Я сейчас говорю только про Уфу. Насколько я знаю, всех задержали, но, насколько я знаю, всех отпустили без составления протоколов. Я считаю, что это было грамотно. <...> На их дальнейшую жизнь официально (протокол, суды) это не повлияло» (м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022).

Иными словами, эти информанты, хоть и допускают право недовольных на «законные» протесты, при этом считают, что власть не обязана согласовывать протесты во время войны. Де-факто, таким образом, они лишают недовольных войной права коллективно и публично выражать свою позицию.

Главное — без насилия

Для другой группы сомневающихся информантов важно, чтобы антивоенные протесты были не столько «законными», сколько ненасильственным. Интересно, что эти информанты, в отличие от сторонников войны (**см. п. 1.7**), выдвигают встречное требование к государству — репрессии мирных протестов для них тоже неприемлемы:

«Я за то, чтобы люди выражали свое мнение, несомненно. [Но] я считаю неправильным, если начинают блокироваться какие-то части инфраструктуры, выход на дороги или еще что-то»
(м., 33 года, профессия неизвестна, март 2022).

«Государство себе делает хуже [репрессиями]. Где-то должна быть эта граница. Понятно, что может быть не надо позволять вообще все, потому что у нас были митинги с погромами и еще с чем-то...»
(ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022).

«Я могу понять всех»

Среди сомневающихся есть и те, кто отказывается занимать сторону в конфликте между антивоенными протестующими и государством. Они избегают описывать ситуацию на языке морали и как бы дистанцируются от неё:

«В этой ситуации я могу понять всех. Потому что война — это ситуация довольно экстренная... Ну, “специальная военная операция”. Полномасштабные митинги в столице не очень помогают ее вести»
(ж., 21 год, студентка, апрель 2022).

При этом у таких информантов могут быть симпатии, но симпатии не к лагерям «за» или «против» войны, а к определенной — «внеполитической», но гуманистической — реакции на войну:

«Я готова к кому-то присоединиться, если мне бы в двух словах объяснили, за что мы собираемся выступать. А пока все не вызывают большого уважения, кроме ребят, которые собирают гуманитарную помощь и помогают кого-то вывозить из оккупированных территорий — это вызывает уважение, а болтуны московские с обеих сторон — не очень» **(ж., 21 год, студентка, апрель 2022).**

Протесты как благородный (но безрезультатный) порыв

Наконец, последняя категория информантов, несмотря на свое неопределенное отношение к войне, открыто выражает симпатию антивоенным протестующим. Интересно, что эти информанты как будто оправдываются за то, что не ходят на протесты сами. По их словам, их останавливает бессмысленность протестов и риски репрессий:

«Я к ним с симпатией отношусь, но я не уверен, что это на что-то влияет, вот так я скажу, наверное»

(ж., 36 лет, предприниматель, март 2022).

«Вроде были примеры со всякими протестами в Америке, когда тоже выходила куча людей протестовать и это ни на что не влияло. Меня пугает то, что людей продолжают бить запросто так, просто за то, что они вышли, может быть, даже без плаката, без лозунгов и криков...»

(ж., 21 год, студентка, март 2022).

Протестующие против войны вызывают сочувствие и симпатию этих информантов:

«Это прекрасный порыв, но этот прекрасный порыв не принесет никаких плодов, кроме того, что у человека могут появиться какие-то проблемы, да, на работе, на учёбе и так далее»

(ж., 40 лет, воспитательница детского сада, май 2022).

В отличие от сторонников войны (см. п. 1.7), сомневающиеся не говорят о том, что протестующие предают страну. От вопроса «зачем предавать свою страну, если мы ни на что не влияем?» — остаётся лишь печальная констатация: «мы ни на что не влияем».

КАК НА АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ ДОЛЖНО РЕАГИРОВАТЬ ГОСУДАРСТВО?

Если для сторонников войны неэффективность антивоенных протестов — это повод для маргинализации протестующих, то для части сомневающихся информантов, наоборот, это вина государства, которое либо игнорирует, либо репрессирует недовольных:

«Люди должны иметь право высказаться. Проблема нашего государства, мне кажется, и в военное время, и до военного времени — это проблема в том, что они не умеют вести диалог» (м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022).

Другие информанты, не решаясь критиковать государство, говорят о страхе репрессий:

«Я говорю, я больше — семья, за кого есть переживать. По телевизору показывают, что кому-то по голове дали, кому-то палкой перепало, кого-то в милицию забирают иногда. <...> Я больше переживаю за близких...» (ж., 55 лет, пенсионерка, март 2022).

Некоторые сомневающиеся предполагают, что государство боится роста протестов и потому прибегает к репрессиям. Однако если сторонники войны оправдывают насилие государства, порожденное страхом перед протестами, сомневающиеся осуждают такую реакцию как с этических позиций (*«когда государство запрещает людям, фактически просто запрещает высказывать свою точку зрения, то мне кажется, что это неправильно»*, ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022), так и с макиавеллистских (*«это как паровой котел — просто крышку снесет и все»*, ж., 34 года, IT-специалистка, март 2022).

Напротив, информанты-легалисты, хотя и упоминают риск репрессий в качестве аргумента против участия в антивоенных протестах (этот аргумент является общим для большинства сомневающихся), не осуждают репрессии, ведь митинги не согласованы и в принципе «неуместны» во время войны:

«Конкретно по митингам — в данный момент я считаю, что они неуместны. <...> Пускай война сначала закончится, потом уже зададим вопросы по внутренней политике»

(м., около 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022).

«Я юрист и поэтому напоминаю о предисловии нашей с тобой беседы вчерашней [информанта и интервьюера], что акция не санкционирована, потому и задержали»

(ж., 35 лет, юристка, март 2022)

Наконец, часть информантов не только критикует государство за насилие, но и считает требование согласовывать митинги избыточным:

«Ну это, конечно, как бы, должно быть всё-таки как-то, ну, организовано, по крайней мере. Я не говорю официально зарегистрировано, это я вообще считаю глупость какая-то. А как-то, митинг, пусть выступают. <...> Нельзя их трогать. Это мнение человека, почему нет?» **(ж., 64 года, пенсионерка, май 2022)**

Таким образом, сомневающиеся воспринимают очень по-разному как антивоенные протесты (и протестующих), так и реакцию государства на эти протесты. Одни — «легалисты» — считают, что протесты в военное время дестабилизируют режим и потому должны быть санкционированы властью, а в противном случае — подавлены. Другие — «пацифисты» — полагают, что ненасильственные протесты имеют право на существование. Третьи, отказываясь занять сторону в конфликте между антивоенными протестующими и государством, утверждают, что протестующие имеют право на протест, а государство — на репрессии. Наконец, среди сомневающих есть те, кто считает протесты благородным, пусть и бессмысленным, занятием. В отличие от сторонников войны, сомневающиеся (за редким исключением) не говорят о предательстве страны и малообразованности протестующих.

Интерес к политике: следили ли они за (гео)политикой раньше и следят ли сейчас?

Большинство сомневающих в своей оценке войны информантов до начала войны не интересовались политикой. У них не было мнения как по поводу отношений России и Украины, так и по поводу расширения НАТО. Те, у кого позиция была, говорят о своих взглядах в очень умеренном ключе, стараясь сбалансировать свои высказывания и ссылаясь на то, что ситуация «сложная». При этом, находясь как бы «между» сторонниками и противниками войны, сомневающие информанты в чем-то похожи на первых, а в чем-то — на вторых. В этом разделе мы опишем как сомневающие относились к российско-украинскому конфликту до начала военной агрессии России и как они размышляют о российской власти и проблемах в России сейчас.

КРЫМ, УКРАИНА, РОССИЯ, НАТО: ВЗГЛЯД НА (ГЕО) ПОЛИТИКУ ДО ВОЙНЫ

Отсутствие интереса к политике до начала «специальной операции» сомневающие связывают в первую очередь с тем, что политика не имеет никакого отношения к их повседневной жизни:

«Нет, я особо не задумывалась на эту тему [отношения России, Украины и НАТО].

Я не считала это чем-то важным, что мне нужно об этом думать в будние дни, когда у меня есть другие бытовые проблемы» (ж., 19 лет, студентка, апрель 2022)

В отличие от противников войны, многие из которых тоже были сосредоточены на частной жизни до начала «специальной операции» (см. п. 3.8), война не заставила сомнеющихся пересмотреть свое отношение к политике (хотя некоторые из них и говорят о том, что после начала «специальной операции» они стали больше обращать

внимания на новостную повестку и попытались разобраться в ситуации).

За что они нас не любят?

Сомневающиеся информанты практически не говорят про НАТО и не упоминают «украинских фашистов», отвечая на вопрос о своем видении политической ситуации, которая предшествовала войне. При этом, рассуждая о политической ситуации до войны, они говорят об обиде и непонимании враждебности украинского населения по отношению к России. Поскольку именно область частной жизни и личных отношений является для них наиболее чувствительной, они делают акцент на личных отношениях между людьми, относящихся к разным народам:

«До этого [начала «спецоперации»] не было никакой [позиции по поводу ситуации в Украине и НАТО]. У меня, скорее, вызывало недоумение отношение украинского народа к русскоязычному населению и к русским в целом. А теперь я, наверное, просто жду, когда это кончится, и хочу посмотреть, чем это кончится. <...> Да, мне было обидно. Мне было обидно. Про НАТО мне не очень интересно было. Мне, скорее, было обидно за то, что действительно когда-то (как бы это сейчас помпезно не прозвучало) братские народы, чем дальше, тем больше они начинают делить себя и их»

(ж., 35 лет, государственная служащая, март 2022)

(Гео)политики — тоже люди

Отсылки к геополитическим темам в нарративах сомневающихся информантов также окрашиваются в тона личных отношений: преследование геополитических интересов разными странами они сравнивают с преследование личных интересов разными людьми. Даже говоря про НАТО (в тех редких случаях, когда они говорят об этом), сомневающиеся в первую очередь ссылаются на свои личные чувства и эмоции:

«В отношении Украины-НАТО... Наверное, просто некая человеческая зависть, что Украина может себе позволить европейскую интеграцию в светлое европейское будущее, к чему и Россия стремилась в нулевые-десятые годы. А потом уже этот вектор сменился, и это некая зависть, что одним можно, а другим нельзя. Я думаю, что это больше всего смущало, если чисто по-человечески говорить...»

(м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022)

В целом, говоря о самых разных событиях — и о конфликте на Донбассе, и об аннексии Крыма — сомневающиеся чаще других используют язык личных отношений и ссылаются на этику личного взаимодействия, оправдывая или осуждая чьи-то поступки. Как и в отношении вторжения России в Украину, рассказывая о своем видении предыдущих политических событий, сомневающиеся упирают на сложность и неоднозначность ситуации. Добавление «человеческого фактора» — это один из способов поддержания этой неоднозначности.

Майдан, Крым

Многие сомневающиеся говорят о том, что они поддержали «присоединение» Крыма. При этом и здесь они часто делают оговорки, отделяя себя от тех, кто поддержал его однозначно и с восторгом:

«[Интервьюер: А в 2014-м, когда Крым присоединили, как вы отнеслись [к этому]? Равнодушно или поддержали?] Я была рада, но именно тогда возник внутри испуг о войне. Кто же просто так отдаст территорию? И радости не было, как нам показывали на демонстрациях, концертах о том, что Крым наш. У меня не было такой эйфории»

(ж., 45 лет, транспортная логистка, май 2022)

Другие говорят о том, что присоединение Крыма не было легитимным, так как нарушало международные законы, хоть и было верным с тактической точки зрения:

«Возможно, я скажу страшную вещь, не совсем правильную, но ситуацию, связанную с Крымом, то, каким образом это было сработано — это очень было сделано тактически достаточно верно. Но, опять же, никаким образом это не говорит, что этот шаг в сторону Крым сделан правильно»

(ж., 33 года, профессия неизвестна, март 2022)

Практически никто из сомневающихся не говорит о том, что они как-то следили за ситуацией на Майдане в 2013-2014-м году — что еще раз демонстрирует отсутствие интереса к политике, особенно той, что не касается их напрямую.

ПОДДЕРЖИВАЮТ ЛИ СОМНЕВАЮЩИЕСЯ ПУТИНА И РЕЖИМ?

Отношение большинства сомневающихся к Путину и власти в целом колеблется от незаинтересованности и отстранения до недовольства, которое в первую очередь связано с ситуацией внутри страны. Информанты подчеркивают, что они сами и их повседневная жизнь «далеки от политики», но при этом периодически рассуждают о конкретных проблемах, существующих в России. Такой риторический ход помогает им сохранить умеренность в оценках деятельности уполномоченных и президента в том числе:

«Знаете, у меня какое-то чувство, что у нас есть определенная дистанция между властью и между людьми, которыми она управляет. Всегда было ощущение, что это два параллельных мира. Оно и сейчас такое, и всегда было такое. Для меня это просто две параллельные прямые. <...> У нас никаких точек соприкосновения в жизни нет. Все решения, которые они принимают — я на них не влияю. Я понимаю, что ни выборы, ни какие-то другие моменты, они не могут это изменить. Но твоя-то жизнь каждый день идет. И что?»

Мы свою жизнь тянем как можем, а они, видимо, какую-то свою. Если мы будем говорить конкретно о президенте, то у меня нет к нему какой-то явной антипатии. <...> Типа, лично от него зависит все плохое, что происходит в этом мире — я так не считаю. Можно сказать, что я с уважением отношусь к президенту, если вы имеете в виду конкретно. Если вы имеете в виду власть как наше правительство, как вот это все, что по телевизору показывают — это мне все скучно, неинтересно»

(ж., 52 года, преподавательница университета, март 2022)

Интересно, что отвечая на вопрос об отношении к политическому режиму, многие сомневающиеся рассуждают в той же логике, что и о международных отношениях. Они говорят о правителях, не пытаясь оценить их политику, а пытаясь найти оправдания для них в том, что «они тоже люди»:

«Я считаю, что власти — они тоже люди. Они могут совершать ошибки, и они могут совершать гениальные действия, которые непосильны уму обычного человека» (ж., 19 лет, студентка, апрель 2022)

Отношение к политическому режиму сомневающихся часто связано с их личным опытом взаимодействия с какими-то властными структурами. В этом смысле оно является раздробленным: одно отношение к Путину, другое — к банкам, третье — к каким-то конкретным законам. Однако эти отдельные оценки не формируют какой-то связной позиции, которая бы описывала отношение к государству в целом. Поэтому часто за позитивной оценкой российского политического режима могут следовать критические замечания:

«У меня [до февраля 2022 года] не было даже четко сформированной позиции, потому что, грубо говоря, оно меня не трогает, и я его не трогаю. Примерно вот так. Но то, что не пускают на выборы независимых кандидатов — это да. Это вот прямо грустно»

(ж., 37 лет, предприниматель, апрель 2022)

Среди политических событий, которые оказывали влияние на отношение к власти сомневающихся информантов, особенно заметны внесение поправок в конституцию и закон о повышении пенсионного возраста. Аргумент против этих нововведений часто сводится к следующему: зачем что-то менять в худшую сторону, если до этого и так было неплохо?

«Сначала я симпатизировала власти, понимала, что лучше данного президента никого не найти. Но потом меня возмутил тот факт, что увеличился пенсионный возраст. <...> И ещё меня возмутило переписывание Конституции и увеличение президентского срока. <...> Препжний вариант Конституции вполне был удачным. Зачем нужно было её переписывать? [Интервьюер: А почему увеличение срока возмутило?] Потому что, наверное, я консерватор в душе. Я не люблю нововведения. И сколько же уже можно править-то, а? Первый срок, второй срок, переыв, снова третий срок, четвертый срок, изменение Конституции — сколько он там теперь, три срока подряд может править?»
(ж., 30 лет, преподавательница колледжа, апрель 2022)

Большинство сомневающихся информантов не имеют какого-либо опыта политического участия и волонтерства. Некоторые говорят, что время от времени вовлекались в какие-то волонтерские активности: переводили деньги на помощь детям и животным, были волонтерами во время эпидемии коронавируса, в хосписах, на общественных мероприятиях. Только несколько сомневающихся информантов участвовали в деятельности, которую можно отнести к около-оппозиционной, но и они списывают свое участие на «наивность» и любопытство, сохраняя при этом «сложное» отношение и к Путину, и к военной операции:

«Я ходил на шествие по Тверской, которое было в 2018–2019. Просто хотелось посмотреть живьем, как это все проходит, понять, что движет людьми, понять кто прав, кто неправ и так далее. В плане

поддержки Навального — у меня и сейчас, наверное, нет. Хотя, этот поступок по возвращению из Германии, он был весьма... Скажем так, чисто по-человечески это достойно уважения. Но с точки зрения политических взглядов мне казалось, что он весьма популистичен»

(м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022)

Таким образом, политический опыт сомневающихся в своей оценке войны информантов во многом похож на опыт сторонников войны, но не во всем. Как и в группе сторонников, среди сомневающихся мало людей, обладающих опытом политического участия. Однако те, у кого такой опыт есть, вовлекались в политику ненадолго и «из любопытства» (в отличие от сторонников войны, среди которых есть настоящие оппозиционеры). При этом с противниками войны их сближает гораздо более негативное, чем среди сторонников, отношение к политическому режиму в России: они более развернуто говорят о волнующих их социальных проблемах, критикуют российское правительство за повышение пенсионного возраста и, самое главное, недовольны ущемлением политических свобод — например, отсутствием честных выборов и изменением конституции. Говоря о своем отношении к конфликту между Россией и Украиной до начала военного вторжения, сомневающиеся информанты придерживаются той же стратегии, которой они следуют, размышляя о других вещах: они склонны делать акцент на частной жизни, на отношениях между людьми, и на том, что любое событие является «сложным» и «неоднозначным». Кроме того, они в разных формах подчеркивают превосходство власть имущих над ними и отсутствие какой-либо связи между управляющими и управляемыми. Поэтому в их рассуждениях о самых разных политических вопросах их бессилие что-либо изменить и на что-либо повлиять является повторяющимся мотивом. Даже следуя паттернам, которые могут их сближать с двумя другими группами, они смягчают свои высказывания, приводя аргументы разных сторон и разных порядков (например, геополитические и моральные).

ЧАСТЬ 3.

Противники войны

Позиция: почему они против и против чего?

В этом разделе мы рассмотрим, против чего именно выступают противники войны и как они обосновывают свою позицию. Среди противников войны есть те, кто говорят, что не приемлют любые войны, и те, кто негодуют по поводу конкретной войны — в Украине. Есть молчаливые противники и те, кто активно выражает свою позицию, выходя на антивоенные акции протеста. Но даже внутри этих групп люди по-разному объясняют свою позицию. Все они, однако, приходят к одному и тому же выводу — война в Украине неприемлема.

ПРОТИВ ЛЮБОЙ ВОЙНЫ ИЛИ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ?

Противников войны можно разделить на две группы: тех, кто, объясняя свою позицию, делают акцент на неприемлемости войны как явления (условных «пацифистов»), и тех, кто критикует прежде всего конкретную войну, войну в Украине. И те, и другие часто используют моральные аргументы для объяснения своей позиции.

«Пацифисты»

Пацифисты делают акцент на том, что любая война — это ужасно, а убийства людей нельзя оправдать ничем:

«Мне вообще отвратительна идея войны как таковая, причем любой войны, независимо от того, какие страны ведут боевые действия, мне отвратительна эта идея. В принципе, идея решать какие-то политические задачи посредством убийства людей, посредством разрушения городов — это просто неприемлемо для меня, не важно, кто это: США, Иран, Россия. В целом отвратительна»

(м., 23 года, студент, апрель 2022)

Некоторые информанты уточняют, что война противоречит их личным убеждениям, связанным с религиозными взглядами (*«я христианин, поэтому я не приемлю убийства одними людьми других людей»*, **м., 20 лет, студент, апрель 2022**) или, например, гуманистическим ценностям (*«я гуманитарий, я много книжек читала, и всё, что я наработала за все эти годы, всё, что накопила, оно просто возмущено, оно никогда не примет этого, того, что происходит»*, **ж., 27 лет, специалистка в сфере авторского права, апрель 2022**). Другие же подчеркивают, что война противоречит ценностям современного, «цивилизованного» мира, в котором *«люди обучаются дипломатии, конфликтологии и прочему, есть какие-то основы толерантности, прав человека, которые люди изучают буквально в школе, какие-то гуманистические истины...»* (**ж., 27 лет, психолог, март 2022**). В таком мире конфликты должны решаться не с помощью оружия, а посредством переговоров. С точки зрения этих информантов, в XXI веке просто не может быть войны.

Некоторые информанты также указывают на то, что война противоречит тем ценностям, что взращивало в своих гражданах российское государство. Они приводят в пример антивоенные ценности, прививаемые в школах или, скажем, официальную риторику «Дня Победы». В этом контексте, с их точки зрения, решение развязать новую войну невозможно не считать лицемерным:

«Для меня это — дискредитация вообще абсолютно всего, что говорили власти. Просто каждый год 9-го мая мы говорим о том, что война — это плохо»
(ж., 20 лет, студентка, март 2022)

Для «пацифистов» неважно, на чьей стороне правда в текущем конфликте, каковы причины и цели «спецоперации». Важно одно — убивать людей неприемлемо:

«Убийство людей — всегда плохо. Ничего нового. Я могу, может быть, как-то изменить свои оценки и прогнозы относительно нашего будущего, и, может быть, как-то глубже проанализировать причины, которые к этому привели, но моя моральная оценка не может измениться»
(ж., 39 лет, психотерапевтка, март 2022)

Противники российской агрессии

Среди противников войны есть, однако, и те, кто критикует конкретную войну — войну в Украине. Многие из них подчеркивают, что бывают справедливые и несправедливые войны: если первые можно оправдать с моральной точки зрения, то вторые неприемлемы. Например, участие твоей страны в войне может быть справедливым в случае защиты от нападения агрессора. Сейчас же именно Россия выступает агрессором, а значит, текущая война несправедлива:

«Есть морально-этическое право защищать свою Родину, выходить с оружием. А если ты залез, ты априори виноват. Тот, кто начал драку, тот всегда будет виноват» (м., 36 лет, научный сотрудник, апрель 2022)

ОТ «ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ПУТИН» ДО «БРАТСКИЙ НАРОД» И «БЕССМЫСЛЕННАЯ ВОЙНА» — ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ ПРОТИВНИКОВ ВОЙНЫ

И «пацифисты» и, в особенности, «противники российской агрессии» могут прибегать к ряду дополнительных аргументов, рассуждая о неприемлемости войны. Ниже мы описываем основные из них.

«Братский народ»

Некоторые информанты объясняют, что война России с Украиной неприемлема, потому что русские и украинцы — это «братские народы»:

«Да, это просто безумие. Просто каких-то слов нет, это какой-то сюрреализм. Это хуже, чем фашистская Германия, потому что это — братские народы. Здесь люди, на самом деле, такие же близнецы-братья» (м., 38 лет, художник, февраль 2022)

«Братские народы» при этом, уточняют информанты, не означают «один народ». Скорее, это народы с общим прошлым («ведется война с людьми, с которыми мы 70 лет были одной страной», ж., 21 год, студентка, март 2022), с некой особой связью, с исторически

сложившимися близкими отношениями, как между странами, так и между их жителями. При этом только несколько наших информантов объясняют свое неприятие войны наличием родных и близких в Украине, беспокойством о них. Для большинства же «братский народ» — это абстрактная идея, пусть и подпитанная опытом проживания в советском и постсоветском государстве.

«Чужая страна»

Некоторые информанты-противники войны, объясняя свою позицию, делают акцент на том, что Украина — это независимое суверенное государство. Соответственно, во внутренние дела чужого, пусть и соседнего, государства вмешиваться нельзя; и *«указывать соседу, как ему жить» не стоит, потому что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»* (м., 37 лет, диджей, апрель 2022)

«Я считаю то, что какие бы ни были на Украине проблемы, они касаются только украинцев. Это внутренние проблемы государства, и никакое другое государство не имеет права вмешиваться во внутренние проблемы другого государства. <...> Я понимаю, что не надо лезть в чужие дела, не надо лезть в жизнь соседа, не надо на уровне государства лезть в соседнюю страну»

(ж., 30 лет, архитектор, апрель 2022)

«Бессмысленная война»

Для некоторых противников война неприемлема не только (и не столько) как нарушающая их (или общечеловеческие) моральные принципы, но как нечто, не имеющее разумных причин, не несущее в себе никакого смысла. Так, некоторые информанты говорят, что не видят в решении начать войну рациональных причин:

«Что кто-то может найти этому оправдание, что вот... При этом логика-то у них отсутствует. Что лозунг, что “8 лет они нас бомбили, убивали, а

теперь мы сделаем, чтобы они не убивали дальше”.
Но фактически мы там, наши войска сейчас убивают только большие и приносят ещё больше вреда вот за эту неделю, чем за все те 8 лет, что в человеческих жертвах, что вообще. Этого у них как-то нет»
(ж., 48 лет, фрилансер, март 2022)

Не находя никаких «адекватных объяснений» **(м., 21 год, студент, март 2022)** войны, альтернативных тем, что предоставляет «бредовая пропаганда» **(ж., 19 лет, менеджер на складе, март 2022)**, такие информанты приходят к выводу, что в этой войне нет смысла:

«Меня возмущает, во-первых, бессмысленность этого всего. Я не вижу смысла, я не понимаю причин, почему Путин решил напасть на Украину. Вот эта вся пропаганда, которая вещает, она такая бредовая на самом деле! Меня возмущает то, что там умиряют люди. И вообще, вся эта ситуация, она ужасна с точки зрения того, что это абсолютно бессмысленное кровопролитие»
(ж., 19 лет, менеджер на складе, март 2022)

Как следствие, часть информантов отказывает президенту и правительству России в способности принимать разумные решения. Они заключают, что все происходящее — это «бред» **(м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022)**, «глупости путинского режима» **(м., 26 лет, музыкант-диджей, март 2022)**, что Путин «просто поехал кфышей» **(м., 36 лет, сотрудник международной компании, март 2022)**, и «здоровые люди» никогда не поймут его решения начать войну **(ж., 34 года, работница театра, март 2022)**.

«Сейчас у меня полное ощущение, что это всё месть одного человека просто. Потому что ему очень круто щелкнули по носу в 2014-м году. И он теперь просто совершенно... Если даже посмотреть с точки зрения, как ведется эта война... Ну, то есть такое ощущение, что это просто истребление. И у меня полное чувство, что это просто месть одного человека, который просто поехал кфышей»
(м., 36 лет, сотрудник международной компании, март 2022)

Другие же информанты полагают, что не обладают достаточными знаниями для того, чтобы судить о причинах начала «спецоперации». Они обращаются к экспертным оценкам причин войны — но не находят убедительных объяснений даже в них. В результате они решают вернуться к оценке войны с точки зрения моральных принципов (убийство людей — это всегда плохо), а не ее причин:

*«Мне все еще очень тяжело понять смысл. <...>
Просто я себе сказала, что я не историк, я не политолог. К тому же, послушав с разных сторон экспертов, я поняла, что ни у кого нет никакого четкого объяснения, почему это произошло. <...>
Поэтому интеллектуально я на моральных держусь основаниях, на этических, что война — это плохо, и точка» (ж., 21 год, студентка, март 2022)*

Война, невыгодная России

Еще одна группа информантов объясняет свое неприятие войны тем ущербом, который она наносит. Они говорят о потерях среди российских военных, о потенциальном физическом и психологическом ущербе для их здоровья, а также об экономическом и репутационном ущербе для России и ее жителей (**см. п. 3.5**). Эти информанты также переживают, что Россию и россиян еще долго будут ненавидеть как украинцы, так и международное сообщество:

«Очевидно, что этот поступок нам запомнят надолго, в том числе и в общем-то украинцы, которые, очевидно, для нас не являются каким-то первостепенным врагом, они нам запомнят этот поступок. И нас будут ненавидеть за произошедшее. <...> Эта война была несправедливая, с моей точки зрения, и абсолютно ненужная. Ну, даже с чисто моральной точки зрения: к нам поедет груз-200. Деньги потратят ни на что и непонятно за что. Цель войны, очевидно, это удержание власти» (м., 20 лет, студент, март 2022)

Этот информант, как и некоторые другие, видит причины вторжения в Украину в той выгоде, которую могут извлечь из нее российские политические элиты или Путин лично.

«Во всем виноват Путин»

Среди наших информантов, выступающих против войны, есть как те, кто активно выражает свою позицию — например, ходит (или, скорее, ходили в феврале-марте) на антивоенные протесты, и те, кто категорически не приемлют войну, но делают это молча. Среди «протестующих» больше тех, кто участвовал в других протестах еще до войны, и кто объясняет войну и ее неприятие амбициями авторитарного путинского режима.

Эти информанты выражают свое возмущение тем, что Путин высказывается от лица России, в то время как *«Россия — это люди, а не президент»* (ж., 19 лет, менеджер на складе, март 2022). Им не нравится, что решение о начале войны было принято без согласования с обычными гражданами, которые, они уверены, его бы не поддержали. Некоторые из этих информантов указывают на то, что само нахождение Путина у власти нелегитимно, а значит, он не имеет права вести войну от имени России:

«Мы не выбирали ни этого президента, ни этот существующий режим. По сути-то дела это все нам навязано, и от нашего имени, от имени нашего народа, от имени нашего государства ведется война»

(ж., 21 год, студентка, март 2022)

Отчасти поэтому для таких информантов важно выходить на протесты. Они хотят показать мировому сообществу, что далеко не все граждане России поддерживают эту войну:

«Сегодня я выхожу на этот митинг, чтобы выразить несогласие с позицией нашего правительства, потому что я считаю, что правительство — это не Россия. Россия — это мы, народ»

(транск., 24 года, IT-специалист(ка), февраль 2022)

Итак, большинство противников войны, объясняя свою позицию, прибегают к морально-заряженным аргументам. Некоторые делают акцент на том, что любая война аморальна, другие обращаются к различным аргументам для того, чтобы обосновать аморальность конкретной, текущей войны с Украиной. Кроме того, противники войны усиливают свою позицию рядом дополнительных аргументов: кто-то считает неприемлемым нападение на «братский народ», а кто-то — на «чужую страну»; одни критикуют «бессмысленность» войны, а другие — авторитарный путинский режим, который ее развязал. Как и сторонники войны, поддержка которых оказывается в каком-то смысле поддержкой разных «войн», противники войны направляют свою злость на разные объекты: войну как таковую, «несправедливую» войну или Путина и его режим.

3²

Эмоции: как они переживают войну?

Известие о начатой Россией «спецоперации» застало большинство российских граждан врасплох. Особенно сильно оно шокировало ее противников. Какие эмоции они испытали, когда узнали о том, что Россия напала на Украину? Менялись ли эти эмоции со временем? Какой вклад они внесли в формирование позиции по поводу войны у ее противников? В этом разделе мы отвечаем на эти вопросы, последовательно описывая: а) первую эмоциональную реакцию наших информантов на известие о войне, б) эмоциональные состояния, переживаемые ими недели и месяцы спустя.

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ НА ИЗВЕСТИЕ О ВОЙНЕ

В этом разделе мы описываем эмоции, переживаемые противниками войны в момент, когда они узнали о ее начале. Рассказывая о первой реакции на известие о войне, некоторые

информанты говорят об одном главном чувстве. Другие же описывают несколько эмоций, которые они испытали одновременно (*«У меня — страх и ужас, неверие, что это могло такое случиться»*, **ж., 56 лет, профессия неизвестна, март 2022**) или последовательно в течение первого дня (*«Я проснулась <...> но стоило мне зайти в Instagram, <...> сразу же непонимание, во-первых, того, что происходит. Мне понадобилось прочитать достаточно много постов, новостей, чтобы вообще осознать. А потом страх...»*, **ж., 20 лет, студентка, март 2022**).

Шок, ужас, недоумение

Многие информанты-противники войны говорят, что случившееся 24 февраля было для них большой неожиданностью. Они испытали «шок», «ужас», «недоумение», «непонимание»:

«Я узнал 24-го утром, зашел в телефон новости посмотреть, там и узнал. Соответственно, шок. Вопрос другой — а с ругательствами можно или лучше избежать? Короче, абсолютно полный шок»
(м., 32 года, технолог по производству мебели, март 2022)

«В основном я смотрю Facebook, где я существую. И, наверное, я у кого-то увидела, что начали бомбить. Не помню, честно, не скрываю, не помню уже. Но реакция, конечно, — шок. Потому что несмотря на всё, что говорилось, как-то верилось, что до этого не дойдет. Шок и ужас» **(ж., 48 лет, фрилансер, март 2022)**

«Шок» и «ужас» обычно употребляются как синонимы. Некоторые информанты сравнивают испытанное состояние шока с ощущением физического удара (*«Я не верила, что он может начать. И вдруг как по башке тебя стукнули, просто ужас»*, **ж., 63 года, геодезистка, апрель 2022**). Некоторые информанты выражают свое эмоциональное состояние, близкое к шоку или ужасу, без использования этих слов, но зато с использованием ненормативной или просторечной лексики:

«Пиздец. Рухнула реальность. Последовательная рациональность как-то отпадает. Потому что

прагматично вообще никак не складывалось, все были уверены, что этого не может быть»

(ж., 26 лет, работница книжного магазина, март 2022)

Противники войны часто говорят, что не могли поверить в случившееся в первый день войны:

«[Я узнала] двадцать четвертого февраля, утром, часов в 8 утра — я не поверила. Я сказала “не может быть!”, я помню» **(ж., 58 лет, бухгалтер, март 2022)**

«Я помню, что проспал учебу, поздно проснулся, и первое, что увидел, это сообщение от девушки: “Посмотри новости”. После этого ринулся листать Telegram-каналы. II первая реакция, конечно же, было, что это фейк какой-то, что этого не может быть. Было такое полное отрицание. Потом я в течение часа читал, смотрел, смотрел, что происходит»

(м., 21 год, студент, апрель 2022)

Шок и неспособность поверить в происходящее у противников войны отличается от удивления сомневающихся. Сомневающиеся скорее не могут понять, что происходит, присвоить началу войны определенный смысл (см. п. 2.2). Противники же скорее переживают первые стадии горевания — отрицание и гнев.

Интересно, что многие из противников, которые были изумлены и/или шокированы началом войны, следили за политической ситуацией, знали об угрозе возможного вторжения, но не хотели верить в то, что оно реально состоится. Это состояние удачно описал один из информантов, сравнив войну и тяжелую болезнь:

«Ну, вряд ли [я] какие-то особо оригинальные чувства испытал. Ну, шок, конечно. Непонимание того, что это... Скажем так, наверное, такие чувства ты испытываешь, когда узнаешь о том, что у тебя в самом деле... Вот ты вроде ходишь, сдаешь какие-то

анализы, подозреваешь у себя какую-нибудь серьезную болезнь. Рак. Там, анализ крови. Доктор говорит что-то еще неопределенно, может быть, возможно, у вас какие-то тревожные показатели и так далее. А вот в какой-то момент ты получаешь диагноз, что у тебя реально рак. Вот, наверно, люди какие-то такие чувства [при этом] испытывают. II при этом, когда ты понимаешь, что вроде как формально еще ничего не менялось»

(м., 32 года, научный сотрудник, июнь 2022)

Боль, горечь, грусть

Другие эмоции, часто встречающиеся в интервью с противниками войны — это горе, грусть и боль:

«С утра проснулся, открыл Telegram, увидел, что очень много сообщений. Я начал читать, увидел, что война началась. [Интервьюер: II что вы подумали, почувствовали в этот момент?] Шок. Ну, это — огромная, невероятная боль и понимание того, что это какой-то переломный момент в нашей истории»

(м., 24 года, студент, март 2022)

«Я проснулась утром и первое, что я увидела в Instagram'e... <...> наверно, „Социалистическая альтернатива“ выкладывала, что началась война. II дальше я просто поехала на учебу, в метро плакала, на учебе плакала, ехала с учебы плакала»

(ж., 20 лет, студентка, март 2022)

Боль, горе и грусть, по словам информантов, могли сменяться другими эмоциями, но редко сами приходили на смену чему-то — о них противники войны говорят именно как о первой эмоциональной реакции на известии о войне.

Страх и тревога

Некоторые противники войны испытали страх или тревогу в

ответ на новости о ее начале. Кто-то из них говорит о страхе или тревоге, не сфокусированных на конкретных объектах:

«Потом я зашла на новости. Наверное, это была какая-то Медуза или Новая газета, что-то такое. [Интервьюер: Что вы почувствовали, какие эмоции?] Если честно, не знаю, насколько это допустимо для вашего социологического опроса, но я обосралась. Мне стало очень страшно, мне стало очень прямо... Я не поверила, на самом деле. <...> У меня первое было — большой страх и непонимание»

(ж., 18 лет, студентка, март 2022)

Кто-то рассказывает о конкретных страхах, например, страхе за украинских родственников, друзей или вообще за людей в Украине:

«Сначала, понятно, я посмотрела обращение нашего президента по поводу его некоторых мыслей вслух. Я сначала узнала это, но я не совсем поняла, что это может значить. А потом просто увидела в Instagram'e видео с бомбежками в Мариуполе и в Харькове, где мои друзья. Они просто скидывали видео, это было очень страшно. [Интервьюер: Ощущение страха первое было?] Да, да. Первое — просто страх за людей» **(ж., 22 года, студентка, март 2022)**

Информанты также говорят о страхе последствий войны и страхе всеобщей мобилизации. В отличие от боли, шока и тревоги, страх часто называется эмоцией, приходящей на смену каким-то другим, самым первым эмоциональным реакциям.

Злость, гнев, ярость

Некоторые противники говорят о злости, гневе или ярости как своих первых реакциях на известия о войне. Иногда эти эмоции описываются как не имеющие конкретных адресатов, а иногда — как направленные на конкретные объекты, например, власть или сторонников войны:

«Моя первая реакция — это злость, потому что я не понимала и не понимаю сейчас, как такое стало возможно, то есть как в XXI веке можно взять и напасть на соседнюю страну. У меня была какая-то злость, ненависть к власти и ко всему происходящему»

(ж., 18 лет, студентка, март 2022)

Злость может быть и первой реакцией на известие о начале Российского вторжения, а может приходить на смену первому шоку.

Стыд

Несколько наших информантов указывают на испытанное ими чувство стыда в качестве первой реакции на новости о начале войны. Стыд в разных интервью мог соседствовать с ужасом, болью, страхом или тревогой — то есть сочетался почти со всем спектром возможных эмоций. Как и злость, стыд описывается информантами и как абстрактный, не направленный на конкретный объект, и как стыд за что-то конкретное, например, за свою страну или за причастность к стороне агрессора:

«Первое что было — это жуткое чувство стыда, ощущение причастности ко всему этому. Жуткое чувство стыда, мне очень стыдно. Первое время я плакала постоянно» **(ж., 44 года, инженер, апрель 2022)**

Спокойствие

При этом — неожиданно — некоторые противники войны говорят, что они не были удивлены или шокированы, узнав о начале войны, потому что подтвердились их худшие ожидания или, наоборот, потому что в тот момент они еще не осознали масштабы произошедшего:

«Я подумал изначально, что просто это конфликт, что-то несерьезное, что это пройдет через недельку-другую» **(м., 30 лет, менеджер, май 2022)**

«Подтвердилось в очередной раз мое убеждение, что дальше будет только хуже и странно ожидать какой-то менее плохой вариант из всех возможных»

(ж., 27 лет, юридическая консультантка, май 2022)

Некоторые из сторонников войны также говорили о том, что не были удивлены известием о начале войны (**см. п. 1.2**). Однако для них возможность предвосхитить войну является еще одним подтверждением ее необходимости и неизбежности. Для противников, напротив, неожиданность войны связана с нежеланием верить в то, что все «так плохо», или, напротив, подтверждением того, что все, действительно, именно так плохо, как им и казалось до этого.

СПУСТЯ МЕСЯЦ(Ы): ЭМОЦИИ СЕЙЧАС

Как изменились эмоции противников войны со временем? Тема изменения эмоций стала появляться в наших интервью где-то в середине марта, когда начало войны уже воспринималось как событие прошлого. Мы разбиваем эти эмоции на несколько групп, но, как и в случае первой реакции на новости о начале войны, информанты-противники часто переживают несколько эмоций одновременно.

Депрессия, стресс, апатия

Многие противники войны, говоря о своем текущем эмоциональном состоянии, рассказывают о депрессии, апатии, стрессе, фрустрации, разбитости, и отчаянии, которые настигли их после начала войны и продолжаются до сих пор:

«Чисто на эмоциональном уровне — я просто размята в труху. То есть я пью успокоительные для того, чтобы хоть как-то функционировать»

(ж., 34 года, компьютерный дизайнер, март 2022)

Некоторые отмечают, что спустя время, после того как первый шок отступил, они стали немного спокойнее реагировать на происходящие события. Однако эта адаптация также означала потерю надежды на скорое прекращение войны:

«А конец февраля, начало марта — это было конечно вообще полнейшее шоковое состояние. А сейчас к этому шоковому состоянию, в принципе, просто организм на каком-то уровне адаптировался. II просто стал спокойнее реагировать на все, что происходит. II пропала надежда на то, что это все быстро закончится. <...> Начался процесс именно адаптации после этой шоковой ситуации и непонимания, неприятия, надежды» (ж., 30 лет, архитектор, апрель 2022).

Тревога

Многие информанты также говорят о том, что испытывают постоянную тревогу, причем их количество увеличилось по сравнению с теми, кто отмечал тревогу среди первых реакций на известие о войне. Тревога обычно приходит на смену первому шоку/удивлению, реже она сменяет растерянность или грусть. Информанты часто говорят, что тревога сопровождает их ежедневно:

«Я стала очень мало заниматься учебой. Просто тревожность максимально повысилась. <...> Да, например вертолет летит и у меня сразу какая-то мысль, что надо внимательно смотреть — это точно вертолет? Это не истребитель?» (ж., 22 года, студентка, март 2022)

В апреле и мае о тревоге как о текущем эмоциональном состоянии говорили меньше информантов-противников войны, чем в марте.

Страх

Некоторые противники войны отмечают страх среди текущих эмоциональных реакций на «спецоперацию» — при этом это не те же самые информанты, которые испытали страх в первый день. Их страх приходит на смену другим эмоциям: шоку, стыду, боли. Кроме того, у информантов появляются новые причины для страха — например, они начинают бояться ареста или «людей в форме»:

«Ну да, единственное, что появилось — это депрессивный эмоциональный фон, смешанный с каким-то страхом. <...> То есть буквально ощущение 1937-го, позвонят или не позвонят в дверь, придут или не придут. Ожидание того, что тебя так или иначе репрессифицируют»

(м., 31 год, репетитор-преподаватель, апрель 2022)

Информанты-противники войны также говорят о страхе за собственное будущее, будущее своих детей, страхе мобилизации и ядерной войны. Несколько информантов рассказали, что страх побудил их уехать из страны, один — обратиться за помощью к психотерапевту.

Боль, горечь, грусть

Противники войны также говорят об испытываемых ими в настоящий момент (или до недавнего времени) грусти, боли, горечи:

«Короче, в этих размышлениях, в промежутках между рыданиями, психотерапией и чтением новостей, проходит жизнь в последний месяц. Этого месяца как будто не было» **(м., 27 лет, основатель стартапа, март 2022)**

Для некоторых грусть на момент интервью — это уже пройденный эмоциональный этап:

«Сначала у меня было прямо подплакивание. То есть я начинала читать новости, и начинала плакать. Сейчас период подплакивания закончен. То есть я по-прежнему могу, конечно, но это перестало быть таким повторяющимся действием. Раньше я утром открывала новости, начинала плакать. Потом я поняла, что надо как-то подсобиться...»

(ж., 39 лет, психотерапевтка, март 2022)

Другие же, напротив, считают необходимым сохранять остроту переживаний, чтобы не начать смиряться с происходящим:

«Сегодня месяц, как началась война и, может быть... ну, не могу сказать, что это чуть легче. Я себе говорю: "Я не хочу привыкать к этому, к тому, что идет война". Я даже говорила к кому-то из друзей, что для меня чувства такие же острые»

(ж., 37 лет, менеджер проектов, март 2022)

Рассеянность, тяжесть на душе

Некоторые информанты-противники войны, не называя конкретных эмоций, отмечают, что с начала войны им стало тяжело на чем-либо сосредоточиться — на работе, на бытовых делах, на любимом хобби, веселье, встречах с друзьями:

«То есть все это упало сначала на три недели очень сильно. А что-то только сейчас восстанавливается. То есть, условно, сесть и выучить какую-то красивую песню на гитаре мне стало тяжело»

(ж., 23 года, продавщица)

Редкие эмоции: стыд/вина, злость/ярость, шок/ужас

Перечисленные в заголовке выше эмоции встречаются реже всего в интервью с противниками войны, когда речь идет о текущем (или переживаемом до недавнего времени) эмоциональном состоянии информантов.

Информанты испытывают стыд и вину, в основном из-за понимания своей причастности к государству-агрессору. При этом те немногие, кто переживали эти эмоции на протяжении какого-то времени после начала войны, говорят, что к моменту интервью сумели полностью или частично от них избавиться.

Несколько информантов, которые рассказывают об испытываемой ими злости, обычно упоминают ее как подталкивающее их к антивоенным действиям чувство, помогающее преодолеть страх.

Несколько информантов также отмечают, что в течение двух-трех недель после начала войны они еще находились в состоянии шока, ужаса и недоумения — но к моменту интервью смогли из него выйти.

Таким образом, эмоции, испытываемые противниками войны в течение недель или даже месяцев после ее начала, отчасти пересекаются с эмоциями, пережитыми ими в первый день. При этом эмоции, испытываемые одними и теми же людьми, со временем меняются. Если в первый день войны большинство противников были в шоке, ужасе и недоумении, то со временем эти эмоции вытеснялись другими. Боль оказалась чуть более устойчивой, но и ее острота притупилась. Еще более устойчивым оказался страх: спустя время после начала войны его испытывали даже больше информантов, чем в первый день «спецоперации». Страх, однако, частично поменял направленность: он перестал быть абстрактным, а к прежним «конкретным» страхам добавился страх репрессий. Злость, стыд и вина нечасто встречались в рассказах наших информантов как о первой реакции на войну, так и в отношении пришедших им на смену эмоциональных состояний. **Тревога и растерянность стали расти в первый месяц войны, но потом потихоньку пошли на спад, сменяясь новым эмоциональным состоянием — апатией или депрессией. В отличие от сторонников и сомневающихся, эмоции которых в какой-то момент утихают, противников война погрузила в череду сменяющих друг друга депрессивных состояний, что говорит об очень сильном влиянии войны на их жизнь.**

Источники информации: что они читают/смотрят и чему верят?

После начала вторжения в Украину российское государство заблокировало или вынудило закрыться около 30 независимых изданий, а также ограничило доступ к Facebook и Instagram. Считается, что доступность объективной информации и разных точек зрения в информационной среде является одним из условий формирования критического отношения к политике режима, а также катализатором протестов. На какие источники информации опираются противники войны и как они потребляют эту информацию?

Ниже мы описываем медиа репертуары и используемые противниками войны источники информации. Мы показываем, как противники войны оценивают достоверность информации в целом и государственных и прогосударственных изданий в частности, как они верифицируют информацию, и какую роль медиа играют в формировании их взглядов.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

В отличие от информантов-сторонников войны и сомневающихся в своей оценке войны информантов, телевидение практически не присутствует в новостных репертуарах противников «спецоперации». В таблице ниже перечислены источники информации, упоминаемые ими в интервью:

Тип	Пример
Российские телеканалы	Первый канал

Тип	Пример
Российские прогосударственные издания	<i>РБК, РИА Новости, ТАСС</i>
Российские прогосударственные каналы и группы	<i>Mash</i>
Российские независимые издания	<i>Медуза, Дождь, Новая Газета, Медиазона</i>
Российские оппозиционные фигуры	<i>Григорий Юдин, Екатерина Шульман</i>
Российские независимые каналы и группы	<i>Лентач, ЧТД, Сота</i>
Западные издания	<i>BBC, Euronews, Deutsche Welle</i>
Украинские телеканалы	<i>Украина-24</i>
Украинские издания	<i>УНИАН</i>
Украинские каналы и группы	<i>Ищи своих</i>

Показательно, что информанты, которые активно выступают против войны (например, участвуют в антивоенных протестах) в первую очередь называют оппозиционные медиа среди используемых источников информации, в частности Медузу, Дождь, Новую газету, Медиазону.

Стоит отметить также, что некоторые противники войны потребляют информацию из проправительственных СМИ, таких, например, как РБК, РИА-новости, ТАСС, Фонтанка, Первый канал и Mash. Как и в случае информантов-сторонников (см. п. 1.3), здесь работает логика «знай своего врага». По словам информантов, эти источники помогают им получить сбалансированное представление о происходящем и быть в курсе официальной повестки. Информанты-противники войны при этом часто разделяют разнообразные источники информации на «правильные» медиа, которые придерживаются норм журналистской этики и заслуживают внимания, и «неправильные» медиа, которые занимаются пропагандой и формируют искаженную картину мира. Западные и украинские СМИ, пусть и в меньшей степени, но также попадают в поле зрения противников войны. Информанты упоминают англоязычную версию BBC, Euronews, Deutsche Welle, а также украинские информационные ресурсы УНИАН, Украина.24, Ищи своих и т.п.

Некоторые информанты-противники войны не уточняют (и не запоминают) какими именно медиаресурсами они пользуются, перечисляя в интервью информационные платформы, а не конкретные ресурсы. Как говорит один из информантов, отвечая на вопрос об используемых им источниках информации, *«Telegram, но я не помню канал конкретный»* (м., 20 лет, переводчик, март 2022). Такие информанты пролистывают ленты новостей, не всегда фиксируя названия отображаемых там ресурсов:

«[Интервьюер: Везде или где-то [конкретно] на YouTube?] Где придется. По факту — больше в YouTube, потому что это такое потребление, что называется посмотреть. Они и статьи публикуют, я тоже читаю» (м., 31 год, менеджер IT-проекта, апрель 2022)

Это говорит о том, что алгоритмы и ленты новостей позволяют некоторым информантам-противникам экономить ресурсы и не вовлекаться в активный анализ информации — точно так же, как и неопределившимся информантам. Наконец, важную роль для информантов-противников войны играет информация, распространяемая отдельными людьми — журналистами,

политиками, экспертами, деятелями культуры и шоу-бизнеса. Наибольшее доверие этих информантов, при этом, вызывают журналисты как те, кто способен грамотно собирать и затем качественно распространять информацию.

ОТНОШЕНИЕ К ИНФОРМАЦИИ

Критика российской пропаганды

Противники войны, ожидаемо, негативно относятся к российской государственной пропаганде. Упоминания пропагандистских источников в интервью часто оказываются эмоционально нагружены:

«У меня было ощущение, что вся вот эта мишура в виде Соловьева, Киселева, это так, для вида, просто чтобы заполнять чем-то эфир и черепные коробки своей паствы» (м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022)

Возмущенные грубостью и абсурдностью пропагандистских материалов, многие противники войны дистанцируются от государственной новостной повестки:

«У меня было единственное что отвращение к специальным каналам. <...> Когда включали новости дома, то это всё. Не то, чтобы я прямо сразу же как-то агрессивно уходила, хлопая дверью, но у меня это не вызывало никаких положительных эмоций, никакого интереса» (ж., 24 года, работница музея, май 2022)

В результате многие противники войны просто исключают прогосударственные источники из своего новостного репертуара. При этом, если некоторые информанты-противники войны противопоставляют «аживым» пропагандистским источникам «правдивые» независимые, другие полагают, что и в независимых (а по большей части — оппозиционных) источниках может встречаться ложная информация. Такие информанты указывают на необходимость сопоставлять информацию из разных источников, в т.ч. пропагандистских:

«Нельзя сказать, что кто-то там объективные ангелы, борющиеся с демонами, а кто-то там объективно злые демоны, фашисты, которые всем головы отрезают, лично съедают, мозги выпивают и так далее» (ж., 18 лет, студентка, апрель 2022)

Важно, что хотя эти информанты воздерживаются от жесткой критики пропагандистских медиа, они, тем не менее, не снимают с руководства России ответственности за разжигание войны.

Критика пропаганды с обеих сторон

Некоторые информанты (в нашей выборке это, в основном, те, кто не выражают активно свою антивоенную позицию, например, не ходят на протесты) говорят о наличии не только пророссийской, но и проукраинской пропаганды:

«II Orange est я не могу смотреть — это тот же рупор, просто с другой стороны. <...> Они прямо слишком за украинскую сторону. Они скорее будут публиковать все преступления России, но ни одного преступления Украины, хотя они там тоже есть» (м., 21 год, студент, апрель 2022)

С их точки зрения, каждая сторона конфликта пытается навязать выгодную ей интерпретацию происходящего, а истина так и остается скрытой от обычных людей. В этом смысле их отношение к информации, как и у некоторых информантов-сторонников (см. п. 1.3), может быть описано устойчивым клише «первой жертвой войны становится правда»:

«Любое средство массовой информации так или иначе можно обвинить в ангажированности» (м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022)

«Понятно, что ситуация крайне нервная, накал военной пропаганды с обеих сторон очень велик, особенно с украинской, количество вранья просто зашкаливает, только из сопоставления каких-

то фактов можно хотя бы общую картину сформировать более-менее адекватную»

(м., 34 года, университетский преподаватель, апрель 2022)

В поиске правды такие информанты ориентируются, например, на свидетельства обычных людей — скажем, их посты в социальных сетях:

«Сейчас у всех есть интернет и люди пишут что-то на своих страницах и по какому-то хэштегу можно много чего найти, много найти живых голосов»

(м., 34 года, основатель медиапроекта, апрель 2022)

Эти информанты верят, что свидетельства участников событий, истории потерпевших, их фотографии и видеозаписи сложнее сфальсифицировать:

«Если мы видим просто сотни постов, где фотографии с трупами, разрушенными зданиями, снятые простыми людьми, которые они просто публикуют в своих соцсетях — какое свидетельство может быть сильнее, чем это? [Некоторые скажут:] — Вот, они наделали столько фейков. — Это просто технически невозможно»

(м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022)

Как и сторонники войны (**см. п. 1.3**), информанты-противники часто говорят о необходимости «фактчекинга»:

«При этом я прекрасно осознавал, что у них нет совсем уж конечной проверки фактов и так далее, они могут заблуждаться. Но я сам могу принять решение, чему верить, чему нет»

(м., 27 лет, директор по техническому обеспечению, март 2022)

При этом, как и сомневающиеся в своей оценке войны информанты (**см. п. 2.3**), некоторые из противников войны признаются, что не всегда имеют возможность провести такой «фактчекинг»:

«Это при том, что разобраться в отдельных эпизодах человеку, сидя на диване, не профессиональному эксперту — это просто невозможно. Это надо проводить отдельное расследование. Но, извините, я не могу все бросить и неделю изучать, что там произошло в конкретном населенном пункте. У меня другие дела есть...»

(м., 34 года, преподаватель университета, апрель 2022)

СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ С ИНФОРМАЦИЕЙ

Информанты-противники войны рассказывают о нескольких основных стратегиях обращения с информацией. Мы назвали их «в активном поиске», «сравнение» и «опора на источники, отражающие собственные предпочтения».

В активном поиске

Некоторые информанты-противники войны утверждают, что регулярно изучают разнообразные медиа для того, чтобы исключить из своего репертуара некачественные источники и, одновременно, подобрать удобное количество «адекватных» ресурсов. Как говорит один из информантов, *«за время войны мой набор сменился несколько раз. Я читал ВВС, но перестал»* **(м., 27 лет, основатель стартапа, март 2022)**. Такие информанты рассказывают, что готовы погрузиться и в «негативную» повестку:

«Это огромное количество информации, тема у нас одна — это операция или война. Я понимаю, конечно, что это можно просто утонуть в негативе и в информации» **(ж., 37 лет, менеджер проектов, март 2022)**.

С точки зрения этих информантов, «медиаграмотный» человек должен включать в свой новостной репертуар как официальные, так и оппозиционные российские каналы, а также западные и украинские СМИ:

«Наверное, я не буду перечислять конкретные каналы, их у меня несколько десятков. Я постарался

выстроить себе спектр — от украинских каналов, типа УНІАН, “Политики страны” и так далее (там есть менее популярные), и дальше, через российские проукраинские каналы к российским провоенным»

(м., 34 года, университетский преподаватель, апрель 2022)

«Необходимо иметь разную точку зрения, в том числе ту, которая может не нравиться вам, человеку, который из независимого источника берет интервью»

(м., около 30 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Эти информанты легко ориентируются в названиях десятков медиа и Telegram-каналов и обычно знакомы с политическими позициями редакторов и журналистов:

«Я смотрю все. Начиная от отбитых проправительственных каналов. <...> Украинские паблики я тоже читаю — <...> городские паблики Харькова и Киева. <...> Незыгарь я читал, но отписался, потому что он спамить часто стал откровенно»

(м., 25 лет, государственный служащий, март 2022)

Многие из этих информантов, несмотря на активный поиск объективной информации, признаются, что все равно не удовлетворены его результатами:

«Это слишком много для меня. Я пытался выбрать какие-то СМИ, которые присылают информацию редко, но важно. Но таких я не нашел»

(м., 27 лет, основатель стартапа, март 2022)

Сравнение

Информанты, прибегающие к сравнению медиа, также стараются сбалансировать свое медиапотребление источниками «с разных сторон». Но в отличие от предыдущей группы информантов, они не находятся в постоянном и активном поиске новых источников:

«Наверное [обычно я читаю] Медузу, телеканал Дождь, Эхо Москвы, Радио Свобода. И вообще я смотрю, я даже смотрю UR.A.news, чтобы знать другую точку зрения. Я смотрю разное, чтобы информация была с разных источников, чтобы понимать, что и как»

(ж., 49 лет, художница, февраль 2022).

Эти информанты могут, например, делегировать обобщение информации из разных источников профессиональным журналистам вместо того, чтобы заниматься этим самостоятельно:

«Я сделала следующую вещь. У меня есть Telegram-канал ЮНИАН, это украинское национальное информагентство, я подписана на них. Также я подписана на Анатолия Шария, который и не проукраинский, и не пророссийский, поэтому добавляет мне этой объективной картины. Я подписана на Варламова и на Ксению Собчак. Когда я говорю об этом моим коллегам, то мои друзья на этой стороне, они фыркают, что мол “зачем она тебе?”. Я отвечаю, что у меня нет возможности смотреть Эхо, когда оно было (помянем его добрым словом), но у меня есть возможность доверять этим журналистам, потому что они это все компонуют»

(ж., 31 год, профессия неизвестна, март 2022)

Они сравнивают не только информацию из медиа с разных сторон (скажем, пророссийских и проукраинских), но и военные сводки:

«Сопоставляя ежедневную сводку какого-нибудь там российского военкора со сводкой Арестовича, она плюс-минус, вот там, где они совпадают, <...> может быть, там слегка туман войны рассеивается»

(ж., 38 лет, научная сотрудница, апрель 2022)

Некоторые из них ориентируются также на рекомендации из личного окружения:

«Я подписалась на пару каналов пророссийских и пару каналов оппозиционных. <...> На YouTube смотрю экономистов типа Зубаревич или Шульман. <...> Обычно я от новостных каналов отключаюсь, мне пишут в чат. Если есть что-то важное, то мне это принесут в чат, кто-то репостнет обязательно»

(ж., 35 лет, работница сферы обслуживания, март 2022)

Обычно информанты отмечают, что стали увеличивать количество регулярно изучаемых источников уже после начала войны:

«У меня очень много подписок с начала спецоперации. Я подписалась на ещё больше источников, потому что одни ссылались на другие, другие на третьих»

(ж., 40 лет, оператор техподдержки, апрель 2022)

При этом некоторые из них, как и информанты, находящиеся «в активном поиске», сообщают о своей неуверенности в том, что им удалось сформировать по-настоящему сбалансированный набор источников:

«Еще я подписался на РИА Новости, Маргариту Симонян, Александра Коца, на кого-то еще, на Антифейк я подписался, это Telegram-канал, который с российской точки зрения рассказывает, какие есть фейки. Это попытка сбалансировать как-то свое видение, я не уверен, насколько это получается, но я стараюсь. Медузу я стал читать меньше, хотя все равно регулярно читаю каждый день или раз в два дня, но читаю» (м., 31 год, менеджер IT-проекта, апрель 2022)

Опора на источники, отражающие собственные предпочтения

В отличие от двух предыдущих групп информантов, эти противники войны, хоть и обращаются к большому количеству

источников, отдают предпочтение, тем не менее, тем медиа, которые отражают их собственные, антивоенные, предпочтения:

«Ну, это какая-нибудь NEXTA, какие-нибудь остатки Медузы и Дождя. Иногда какие-то европейские, там типа Evropeys'a что-нибудь, вот в этом ключе» (ж., 39 лет, психотерапевтка, март 2022)

«Иногда я захожу в провластные Telegram-каналы, но там просто дольше двух постов я не могу читать. Я вижу очевидное вранье, просто если логически подумать, то видно, что это вранье» (ж., 27 лет, сомелье, март 2022)

Иными словами, риторика провоенных источников отталкивает этих информантов на эмоциональном уровне («я не могу читать») — и они сокращают их количество в своих медиа репертуарах. Они стремятся ориентироваться на «независимые» (то есть, антивоенные и оппозиционные) СМИ. Именно т.н. «независимость» становится для них важным критерием качества медиа:

«Первые дни я смотрела ныне закрытый Дождь. У меня прямо каждый раз был, я все смотрела там. <...> У меня есть и ТАСС, и RT, и независимые оставшиеся Telegram-каналы. Опять же, непонятно, что сейчас зависимое, а что независимое» (ж., 20 лет, студентка, март 2022)

При этом, как и информанты, опирающиеся на сравнение, эти противники войны рассказывают, что стали активно расширять свой новостной репертуар с началом «спецоперации». Однако в отличие от предыдущий группы информантов, они добавляли в свои репертуары главным образом источники, отражающие их антивоенные взгляды:

«На самом деле, я помню, что я проснулась, и вообще не помню, откуда я узнала эту новость [о начале войны]. Где-то, может быть, в Telegram'е или где-то ещё. <...> И дальше я просто шла и уже, по-моему,

тогда подписывалась на какие-то источники, которые могла найти. Я подписалась на Медиазону, на ОВД-Инфо, по-моему, даже чуть позже и ещё на что-то третье, что уже забыла. И вот так я дошла до работы. Вот как-то так было»

(ж., 26 лет, научная сотрудница, март 2022)

Таким образом, в случае первых двух стратегий («в активном поиске» и «сравнение») информанты стараются комбинировать в своих медиа репертуарах источники «с разных сторон»: пророссийские и проукраинские, «независимые» российские и «независимые» западные. Однако если одни из них говорят, что постоянно обновляют список изучаемых ими медиа, то вторые делают это редко, а иногда и вовсе делегируют функцию комбинирования профессиональным журналистам (тем, кто публикует уже готовые обзоры). Третья стратегия, регулярно встречающаяся в наших интервью с противниками войны, предполагает потребление новостей из источников, транслирующих близкие информантам антивоенные взгляды.

В отличие от информантов-сторонников, которые больше полагаются на социальные сети, информанты-противники предпочитают им СМИ. Они, разумеется, не склонны доверять прогосударственным источникам, но при этом уделяют им внимание, чтобы быть в курсе официальной повестки. Не доверяя прогосударственным медиа, противники войны признают, что и в независимых источниках может встречаться ложная информация, и говорят о важности сравнения.

Однако хотя информанты-противники и ставят под сомнение объективность разных медиа, они не так категоричны, как сторонники войны и сомневающихся. Можно сказать, что среди всех категорий информантов именно противники войны готовы доверять медиа больше других. С одной стороны, противники войны меньше, чем ее сторонники, потребляют информацию

из российских пропагандистских источников, а значит, реже встречаются с идеей о том, что все медиа лгут. С другой стороны, противники войны больше, чем сомневающиеся, вовлечены в новостную повестку, реже ставят под вопрос свои суждения, и поэтому могут совладать с противоречивыми нарративами. Благодаря этому, пусть и подвергая сомнению достоверность медиа, противники войны не считают, что новостям нельзя доверять в принципе и что они не помогают разобраться в причинах войны и в текущей ситуации.

В 1950-х ученые показали, что если человек сталкивается с источником, качественно освещающим события, то впоследствии он начинает использовать репутацию этого источника как ярлык, чтобы оценивать достоверность последующих новостей из этого источника. Иными словами, ему или ей уже не нужно заново «проверять» каждую новость. Этот «естественный» процесс, который упрощает анализ информации, работает и в случае противников войны. Поэтому они больше, чем другие категории информантов, склонны полагаться на репутацию медиа, журналиста или редактора при формировании впечатления о достоверности.

3⁴ Друзья и близкие: как и с кем они (не) разговаривают о войне?

Военное вторжение России в Украину стало причиной раскола в российском обществе, разделения российских граждан на непримиримые лагеря.

Как выглядит окружение противников войны? Как они общаются с теми, кто придерживается отличных от их взглядов на войну? Как война повлияла на их социальные связи?

СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ: ТИПОЛОГИЯ

Как и сторонники войны (**см. п. 1.4**), ее противники могут находиться в трех типах окружения: среди тех, кто думают также, как и они («круг единомышленников»); среди людей с разными взглядами («поляризованное окружение»); и, наконец, среди тех, кто занимают противоположные им позиции («в стане противника»). И снова, как и в случае сторонников войны, лишь незначительная часть ее противников обнаруживают себя окруженными людьми с противоположными взглядами. Однако, ожидаемо, противники войны по-своему выстраивают свое общение с каждым из этих типов окружения.

Круг единомышленников

Многие информанты-противники войны рассказывают, что их близкие тоже, «разумеется», не поддерживают так называемую «спецоперацию», ведь *«на данную ситуацию уж вообще сложно представить, что может быть несколько мнений»* (**м., 27 лет, директор компании по техническому обеспечению мероприятий, март 2022**). Дело в том, поясняют информанты, что они сами формируют свой ближайший круг общения. Поэтому в нем нет людей, которые могли бы поддержать нечто настолько ужасное:

«У меня к моим двадцати девяти годам круг общения [состоит] из близких, они мне близки. Я думаю, что они не стали бы мне близки, если бы каким-то образом получилось так, что они способны что-то такое поддержать»

(м., 27 лет, основатель стартапа, март 2022)

Эти информанты помещают отношение к войне в некоторую общую систему ценностей, которую должны разделять люди из их ближайшего окружения — и именно эта общность взглядов и делает их близкими. Совпадение взглядов на войну, по ощущениям информантов, укрепляет дружбу, а отношение к войне проявляет «истинное лицо» человека. Как выразился один из наших собеседников, после начала войны *«стало понятно, кто из моих знакомых прямо тот человек, с которым можно и в огонь, и в воду,*

и так далее» (ж., 18 лет, студентка, апрель 2022). Другая информантка, рассказывая о близости взглядов со своими подругами, уточняет: *«Мы очень сплотились, вот даже вот эта вся ситуация, она нам показала, насколько мы важны друг для друга и как здорово, что мы одинаково смотрим на вещи» (ж., 27 лет, специалистка в сфере авторского права, апрель 2022).*

Многие информанты-противники войны признают, что находятся в своего рода «информационном пузыре» (ж., 35 лет, маркетолог, март 2022), который они сами себе создали. Большинство их близких — такие же как они и, «к счастью», выступают против войны. Однако эти же информанты отмечают, что, «к сожалению», они сами и их близкие не соприкасаются с «реальным миром»:

«Я думаю, что на мое окружение повлияло то, что я очень тщательно фильтровала [людей] за последние годы. В этом, наверное, была определенная ошибка наших политически и граждански активных людей. Но, к счастью, почти все мои друзья близкие, разделяют эту [антивоенную] позицию, почти все» (ж., 19 лет, студентка, март 2022)

«Причина тут в том, что то окружение, которое вокруг меня, я его сам сформировал. У нас же свобода и демократия, если мнение человека мне не близко, то я с ним просто не общаюсь. Зачем мне тратить свое время, убеждать кого-то в чем-то, когда вокруг столько прекрасных людей, которые создают, которые творческие, интеллигентные, умные? Все мое окружение состоит из таких людей. Как показала вся эта история с военными действиями, со всем, получается, что мы за последние 6–8 лет просто ушли во внутреннюю эмиграцию и старательно не замечали, что для большинства людей типа все ок» (м., 41 год, руководитель некоммерческой организации)

Как и в случае сторонников войны (см. п. 1.4), окружение единомышленников дает противникам чувство эмоциональной

солидарности и поддержки — даже когда единомышленники не выражают эту поддержку напрямую:

«Но мне очень повезло с семьёй в этом плане, все против этого. И с ВУЗом мне тоже, с окружением в ВУЗе повезло, преподаватели очень поддерживающие. И тоже чувствуется, они могут иногда не говорить про это. Но чувствуется, что они тоже против войны. И однокурсники, и друзья, в большей степени они явно против войны, поэтому очень повезло мне, мне кажется» (м., 21 год, студент, март 2022)

Поляризованное окружение

Другие информанты-противники войны обнаруживают среди своих близких людей с разными позициями — как единомышленников, так и разного рода оппонентов. Как и сомневающиеся в своей оценке войны информанты (см. п. 2.4), противники войны различают «оттенки» поддержки и не делят близких исключительно на таких же как они и сторонников войны:

«Если брать мое окружение, я бы сказала, что процентов 30 [тех], кто однозначно против всего этого, и нет такого, что «где вы были 8 лет, когда убивали жителей Донбасса». Но таких, конечно, на мое удивление немного. <...> У меня все-таки, очень радикальный взгляд, он очень близок к европейскому.

Я себя ощущаю человеком мира. Но есть люди, которые не интересуются вообще, еще как-то пребывают в розовом свете. Есть абсолютно радикально противоположно настроенные люди, кто абсолютно поддерживает, ссорится со своими детьми на этой почве» (ж., 56 лет, фармацевтка, март 2022)

Интересно, что люди с «равнодушной» или «нейтральной» позицией (те, кого мы называем сомневающимися) не становятся для противников войны кем-то «между» ними самими и

сторонниками. Такие люди для информантов-противников — это всегда оппоненты. «Быть вне политики» во время войны — ничем не лучше, с их точки зрения, чем эту войну поддерживать:

«С некоторыми знакомыми близкими мы не обсуждаем, потому что занята такая позиция, что один раз за месяц сказали фразу «ой, это ужас». Причем, это вроде люди не с маленьким интеллектом, но как будто у них принята позиция, что «ой, ужас, но надо же как-то дальше жить, функционировать, и отдавать свои душевные силы, эмоциональные на это». У меня, например, двоюродный брат, который мне близок, интересен, с кем мы общаемся. II за месяц мы формальными фразами в мессенджерах списались. Раньше мы могли пару раз в месяц приезжать друг к другу в гости. Такая позиция мне не близка у людей. Сейчас вне политики нельзя быть» (ж., 37 лет, менеджер проектов, март 2022)

Находясь в поляризованном окружении, информанты-противники обычно укрепляют связи с теми, кто находится с ними по одну сторону баррикад, и ослабляют с теми, кто по другую. Как говорит один из информантов, «друзья — большинство, естественно, не поддерживает, а те, кто поддерживает — это не друзья уже, а знакомые» (ж., 29 лет, самозанятая, март 2022).

В стане противника

Совсем немногие из информантов-противников войны говорят, что после ее начала оказались окружены в основном сторонниками войны. Такие информанты переживают еще больше негативных эмоций — ведь им негде найти поддержку. Наши собеседники рассказывают об ощущении бессилия, тревоге, шоке и боли от позиций их близких:

[Интервьюер: А вообще ваше ближайшее окружение — среди него есть люди, которые придерживаются совсем других мнений?] Да. II это как раз причина

повышенной тревоги, ощущение травмы и того, что ты не можешь ничего сделать, и от этого бессилие. Потому что ближайшее мое окружение, оно придерживается взглядов, что «война — это мир». Что мы спасаем Украину, что мы не нападаем, мы защищаем, и где мы были 8 лет...»

(ж., 31 год, профессия неизвестна, март 2022)

Другой информант жалуется, что «когда это [аргументы в защиту войны] близкие тебе люди говорят, то это больно вообще» **(м., 35 лет, работник сферы обслуживания, март 2022)**. Эти информанты особенно тяжело переживают течение войны.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНОМЫШЛЕННИКАХ И ОППОНЕНТАХ

Информанты-противники войны не только выделяют различные мнения в своем окружении, но и формируют представления об их носителях, о своих единомышленниках и оппонентах. Как и сторонники войны **(см. п. 1.4)**, ее противники наделяют своих единомышленников позитивными чертами, а оппонентов — негативными. Однако если для сторонников эти черты — это любовь к Родине и патриотизм с одной стороны, и готовность предать Родину — с другой, то для противников это, прежде всего, образованность и умение критически мыслить у одних, и необразованность вкупе с неспособностью сопротивляться «зомбирующей» пропаганде у других.

Единомышленники

Единомышленники в глазах противников войны не зомбированы пропагандой и не смотрят телевизор — и, соответственно, видят ситуацию «адекватно»:

«Я говорю — кто не смотрит телевизор, все адекватно анализируют все, что происходит. И, конечно, все против, абсолютно все. А кто смотрит телевизор или кто считает, что правильно мы поступаем, что мы защищаемся от Америки,

что это Америка все закрутила, мы все правильно делаем, мы правильно первые ударили, [те анализируют ситуацию неадекватно]»

(м., 39 лет, профессия неизвестна, март 2022)

Единомышленники представляются людьми образованными и «продвинутыми». Это действует и в обратную сторону: противники войны предполагают, что обладатели «прогрессивных» взглядов придерживаются тех же, что и они, позиций:

«С коллегами я общаюсь очень мало, просто я на удаленке работаю, мы почти не говорим. Я могу сделать просто вывод из того, что, я не знаю, они феминитивы используют, достаточно продвинутые ребята, если можно так сказать. Я думаю, что они тоже достаточно негативно к этому относятся, к тому, что происходят. Я думаю, что войну, агрессию они особо не поддерживают»

(м., 20 лет, переводчик, март 2022)

Оппоненты

Противники войны считают, что ее сторонники — это прежде всего жертвы телевизионной пропаганды. Они «заложники пропаганды, они говорят устойчивыми конструкциями, шаблонами» **(ж., 29 лет, организаторка событий в сфере культуры, май 2022)**, «одурманены» **(ж., 59 лет, профессия неизвестна, март 2022)**, как члены «какой-то тоталитарной секты» **(м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022)**. Эта идея в том или ином виде появляется практически в каждом интервью:

«Сейчас по телевидению все врут и оболванен народ. Даже поддерживают войну с Украиной в результате телевизионной пропаганды»

(м., 75 лет, научный сотрудник, февраль 2022)

Поддержка войны, с точки зрения ее противников — это следствие «оболванивания» и «одурманивания» людей пропагандой. Это, впрочем, не означает, что сторонники войны — обязательно плохие люди. Они могут быть и хорошими людьми, особенно

если речь идет о близких, находящимися в плену иллюзий. Противники войны считают, что рано или поздно эти иллюзии рассеются, а пока их задача — сохранять важные для них связи. Так, информант, утверждающий, что его мама ведет себя как член «какой-то тоталитарной секты», не пытается ее переубедить, чтобы сохранить близкие отношения, ведь «*вполне возможно, что вся эта тоталитарная секта однажды столкнется с состоянием похмелья*» (м., 30 лет, аналитик данных, апрель 2022).

Противники войны считают, что, в отличие от их единомышленников, сторонники войны — это люди не слишком образованные, которые не могут сопротивляться «зомбирующему» эффекту пропаганды. Это представление интересно тем, что оно продолжает существовать, несмотря на столкновения противников войны с ситуациями, доказывающими обратное. Информанты регулярно встречаются с «образованными» близкими, поддерживающими войну — и не перестают этому удивляться:

«Когда началась война, то она [мама] конечно была тоже обескуражена. Она тоже надеялась, что этого не случится, она была встревожена. Но она, к сожалению, смотрит телевизор и, видимо, это воздействует. Она стала говорить, что Россия права, все это, что другого выхода не было. <...> Это при том, что она человек думающий вроде как, хорошо образованный, доктор наук, занимается преподавательской деятельностью» (ж., 41 год, репетитор, апрель 2022)

Как мы видим, с точки зрения этой информантки, «человек думающий» и «хорошо образованный» не должен поддерживать войну.

Если сторонники войны наделяются конкретными повторяющимися чертами, то представление о тех, кого мы называем сомневающимися, является более размытым. Информанты выражают неприятие «нейтральной» позиции, удивляются ей, но редко описывают самих ее носителей как какой-то определенный тип людей.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОППОНЕНТАМИ

Информанты-противники войны, в отличие как от сомневающих, так и от сторонников, описывают всего два способа взаимодействия со сторонниками войны, составляющими их ближайшее окружение: это споры и избегание разговоров — причем последний способ, как ни удивительно, является доминирующим.

Споры

Некоторые информанты рассказывают в интервью, что им случалось спорить о войне с поддерживающими ее близкими:

«Да, он [папа] ярый сторонник этой ситуации. У нас с ним были неоднократно на эту тему разговоры, споры и так далее. II вплоть до того, что мы с ним реально ругались очень сильно на эту тему. II все наши разговоры уже теперь касательно этой ситуации заканчиваются одним, что мы просто, ну, не можем не срываться на фрик друг на друга, потому что у нас с ним противоположные позиции»
(Ж., 38 лет, руководительница отдела продаж, март 2022)

Однако, по словам информантов, такие споры не работают: пытаться переубедить «зомбированных» пропагандой близких бессмысленно, а отношения могут испортиться навсегда. Так, информантка, процитированная выше, продолжает:

«Ну, я как бы не знаю уже, что еще, какой аргумент привести. Потому что я привожу аргументы и тут же я в своей голове понимаю, какой он мне может свой контраргумент, абсолютно никак не связанный с реальностью, привести. <...> Он мне одно, он мне про то, что это провидение господне. А я ему про то, что есть статистика, и вот ты видишь, вот, погибло столько. А в прошлый год вот столько. Ну, он мне говорит: «На всё воля Божья». Ну, это как бы мы с ним пытаемся о чем-то говорить. <...> Хотя я

в последнее время, честно говоря, вообще на это дело забила, разубеждать кого-то. Считаю, потому что это абсолютно, ну, не имеет, скажем так, никакой силы»

(ж., 38 лет, руководительница отдела продаж, март 2022)

Из-за ощущения бессмысленности любых дискуссий противники войны со временем начинают все больше избегать их. Показательно, что если сторонники войны и сомневающиеся, желая избежать споров, часто пытаются «цивилизованно обсуждать» происходящее, и эти попытки оказываются успешными (**см. п. 1.5 и 2.5**), то противники редко предпринимают такие попытки — и даже тогда они оказываются неуспешными. Их эмоциональная вовлеченность в конфликт мешает им сохранять необходимое для таких разговоров хладнокровие. Желание избежать споров в результате ведет к избеганию разговоров о войне в принципе:

«Знаешь, у нас сложные отношения в этом плане, потому что это мои друзья еще из института. Естественно, у нас идут активные обсуждения этого всего. Это как диалог такой идет. Когда мы понимаем, что у нас пошла перепалка, то мы останавливаемся, выдыхаем, прекращаем об этом разговаривать, потому что вообще можно потерять любые связи с реальностью, если начать разбираться с этим всем. Потому что, действительно, у каждого свой взгляд» **(ж., 35 лет, туроператор, март 2022)**

Избегание

Соответственно, многие информанты стали избегать разговоров о войне после того, как столкнулись с неудачами во время споров: *«Но я про себя думала: ну, если народ так думает, ну, действительно, его не сдвинуть с этой точки, его не сдвинуть»* **(ж., 81 год, пенсионерка, май 2022)**. Такое избегание позволяет им сохранить теплые отношения с близкими, позаботиться об их (и своем) самочувствии:

«Единственная сфера, где я не вовлекался, что нужно делать, что я раньше всегда старался делать —

это общение с родственниками. Я сейчас с ними не говорю об этом. <...> Но я понимаю, что сейчас им хватает давления. Я подумал, что с них пока хватит. Это эгоистично, но я хотел бы хотя бы в этот кусочек своей жизни... У меня и так непростые отношения, и не хочется сейчас их как-то рвать, учитывая то, что мы сейчас находимся в довольно уязвимом положении. Они в России с этими растущими ценами, с прибавками к зарплатам, с больной бабушкой, которой нужны лекарства, и они нужны ей постоянно, потому что иначе ее состояние психическое, оно ухудшается. Им хватает... They have enough now, то же касается и меня. Наверное, так...»
(м., 23 года, маркетолог, март 2022)

Информанты избегают разговоров о войне со сторонниками из их близкого окружения из-за того, что им самим становится все тяжелее вести подобные разговоры:

«[Интервьюер: А вообще обсуждаете с разными людьми своего окружения войну? Вам хочется с людьми об этом говорить? Или, наоборот, хочется избегать разговоров?] Изначально невозможно было молчать, потому что очень горячие эмоции. Только вот это все произошло, все об этом говорили, поэтому изначально да... Если какие-то люди, с которыми только познакомишься, то я стараюсь на эту тему не говорить. Но люди начинают сами спрашивать: «Как ты относишься?», хотя я пытаюсь этой темой избегать. [Интервьюер: То есть сейчас уже хочется скорее избегать?] Да, сейчас хочется избегать этой темы»
(ж., 32 года, няня, май 2022)

Некоторые информанты-противники войны избегают не просто разговоров о войне, но даже встреч с близкими, если подозревают их в поддержке военной агрессии России — ведь если их подозрения подтвердятся, общение может быть прервано навсегда:

«Я заметила, что я стала избегать общения с некоторыми людьми. Кто-то там “о, давно не виделись, давай пересечемся”. А я понимаю, что если мы пересечемся, то мы перестанем общаться навсегда. Это неприятное последствие»

(ж., 44 года, инженер, апрель 2022)

В отличие от информантов-сторонников войны, информанты противники почти не разрывают связи с оппонентами-близкими (однако легко расстаются с дальними знакомыми противоположных взглядов). Можно предположить, что в каком-то смысле избегание разговоров о войне позволяет им разрешить противоречие, с которым они столкнулись после начала вторжения России в Украину. С одной стороны, как мы писали выше, война проявила «истинное лицо» окружающих и обнаружила, что многие их близкие, как и они, не поддержали нечто настолько ужасное. Это подтвердило для противников войны, что они «правильно» сформировали свой круг общения, включив туда людей с близкими ценностями. С другой стороны, **оказалось, что некоторые из дорогих информантам-противникам людей все-таки находятся по другую сторону баррикад — а значит, не разделяют с ними базовые ценности. Разговоры о войне с такими людьми подчеркивают для противников войны не просто различие в их «политических позициях», но различие в их фундаментальных ценностях, с которым им сложно смириться. Не желая сталкиваться с этим фактом и разрывать отношения с близкими, они избегают разговоров о войне.**

Итак, несмотря на то, что многие противники войны находятся в своеобразных «информационных пузырях», окруженные единомышленниками, у большинства из них есть хотя бы

несколько близких, поддерживающих войну — или занимающих так называемую «нейтральную» позицию. Образы сторонников войны наделяются негативными характеристиками — но не теми, которыми наделяют своих оппонентов сторонники войны. Если для сторонников войны любовь к родине отличает их от «предателей родины», выступающих против войны, то для противников войны важным различием является образованность и способность критически мыслить. Поддерживающие войну в глазах ее противников — это люди не слишком образованные и «одурманенные» пропагандой. Однако у такого негативного образа есть неожиданное следствие: если «предателей родины» уже не спасти, то «одурманенные» люди — это всего лишь жертвы пропаганды. Со временем этот морок спадет, и они снова превратятся в хорошо знакомых маму, папу, подругу. А это значит, что если их нельзя переубедить сейчас, то нужно хотя бы постараться сохранить с ними отношения. В результате, уставая, к тому же, от переживания расхождения в базовых ценностях со своими близкими, информанты-противники активно — и больше, чем сторонники и даже сомневающиеся — избегают разговоров о войне.

3⁵ **Последствия войны: чего они ждут и боятся?**

В этом разделе мы рассмотрим восприятие противниками войны ее последствий. Анализируя как экономические, так и неэкономические последствия, уже переживаемые или еще только предвосхищаемые нашими информантами, мы увидим, что последствия войны для ее противников являются чрезвычайно важными. С одной стороны, наши информанты-противники нередко ощущают на себе экономический эффект санкций. С другой стороны, война часто меняет жизнь информантов — начиная от их ежедневных переживаний и практик и заканчивая переосмыслением всей жизни.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Противники «спецоперации» более мрачно смотрят на экономические перспективы страны, чем сомневающиеся и сторонники.

Они говорят о крахе экономики, обнищании населения и других тяжелых последствиях войны. Некоторые полагают, что их жизнь больше никогда не будет прежней, в том числе, из-за потери того, над чем они работали всю жизнь. Ниже мы рассмотрим, как противники войны видят ее конкретные негативные последствия в экономической сфере.

Экономические последствия войны для частной жизни

Среди информантов-противников войны есть те, кого уже коснулись банковские ограничения, падение курса рубля, уход международных компаний с российского рынка, и те, кто только предвидит ухудшение собственного экономического положения. Некоторые, говоря о своем будущем, хотя и отмечают, что «все будет не так плохо», тем не менее, описывают картины ожидающей их бедности:

«Я не думаю, что я столкнусь с голодом. Ну буду есть ограниченное количество наименований еды. На макаронах и крупе, наверное, как-то проживу. Вряд ли будет совсем плохо все. Так или иначе, что-то будет, что-то будет доступно не всем, но тем не менее. Я думаю, что меня это коснется в меньшей степени, кроме того, что от каких-то привычек придется отказаться. Наверное, я перестану ходить в кафе и буду есть дома то, что буду готовить сам. Значит, так»

(м., 41 год, руководитель НКО, март 2022)

Недоступность зарубежных сервисов не только лишила некоторых информантов привычного стиля жизни и потребления, но и возможности зарабатывать на жизнь:

«Ну, официально у меня уже нет будущего, потому что та сфера, в которой я планировала развиваться,

это Раурал, закрывают, я не могу брать иностранные заказы (я — дизайнер). Очевидно понято, что российская экономика — это не экономика советского союза, она будет пытаться найти какие-то лазейки. Но то, что будет хуже — это очевидно»

(ж., 19 лет, студентка, март 2022)

В этих новых условиях некоторые информанты-противники войны говорят о том, что они вынуждены будут уехать в другую страну, потому что только это позволит им сохранить доступ к международному рынку труда и тем благам, без которых привычная жизнь кажется невозможной:

«Ну, могу сказать, что население сильно беднеет. И многие всякие разные вещи, которые были доступны раньше, сейчас станут недоступными. Извините за тавтологию. Да, это банальные вещи в стиле «магазины закрываются», доступная качественная одежда, еда, продукты, машины, автомобили, которые были в общем-то нормальные по доступной цене, достаточными и качественными, сейчас, ну, будут просто недоступными. Нам перекроют... Ну, плоды цивилизации, большая часть нам станут недоступными, скажем так, прямо.

И мы обедеем. Что касается еще меня, многие друзья тоже собираются уже уезжать, уже уехали даже некоторые» (м., 26 лет, музыкант-диджей, март 2022)

«[Интервьюер: А как вам кажется, как это может вас лично коснуться или ваших знакомых, родственников, друзей?] Часть друзей у меня останется без работы, будут искать какие-то другие источники заработка, видимо, или уедут просто из страны. Собственно, у меня много друзей просто уехали уже»

(м., 41 год, руководитель НКО, март 2022)

Таким образом, в новых условиях противники выбирают из двух стратегий: эмиграция в другую страну в попытке

сохранить привычное благополучие (заметим, что это далеко не единственная причина для эмиграции), либо отказ от привычного уровня потребления.

Экономические последствия войны для России

Многие информанты-противники, рассуждая о санкциях, склонны говорить не о себе лично, а о том, как санкции отразятся на экономике страны в целом, выступая с экспертных позиций:

«Я в свое время читал курс «Экономика СМИ» студентам-журналистам. Я очень прямолинейно говорю — я рассказывал, как зарабатывать деньги в Facebook, Instagram, как зарабатывать деньги для СМИ. А сейчас эти платформы стали экстремистскими... То есть сейчас не только пропадает источник информации, но и целый пласт, связанный с информационными бизнесами, он оказывается под запретом, и это отставание, оно будет просто катастрофическим»

(м., 51 год, координатор НКО, март 2022).

При этом часто речь идет не только об экономике, а, в более общем виде, о потере доступа к благам цивилизации, которую повлекут за собой санкции:

«Ну, могу сказать, что население сильно беднеет. И многие всякие разные вещи, которые были доступны раньше, сейчас станут недоступными. Извините, за тавтологию. Да, это банальные вещи в стиле “магазины закрываются”, доступная качественная одежда, еда, продукты, машины, автомобили, которые были в общем-то нормальные по доступной цене, достаточными и качественными, сейчас, ну, будут просто недоступными. Нам перекроют... Ну, плоды цивилизации большая часть нам станут недоступными, скажем так, прямо. И мы обеднеем»

(м., 26 лет, музыкант-диджей, март 2022).

Падение доходов и рост безработицы, отсутствие собственной технологической базы и зависимость от экспорта — это основные темы, которые затрагивают информанты, говоря о последствиях санкций. Их экспертная позиция проявляется не только в рассуждениях об экономике, но и в критике сторонников и сомневающихся, которые склонны, по их мнению, преуменьшать последствия санкций и не осознают всю серьезность ситуации:

«Просто я смотрю часто комментарии ВКонтакте особенно или где-то еще, там пишут все “да и ладно, пускай уходит McDonalds, ничего страшного, откроем свое”. Люди как будто просто не понимают, что это все ударит по ним в первую очередь. И ничего не делают, молчат, просто радуются тому, что уйдет McDonalds. Они не понимают, что рабочие места уйдут вместе с ним» (ж., 20 лет, студентка, март 2022).

Противники войны в целом смотрят на ее последствия более пессимистично, чем сторонники и сомневающиеся, и именно поэтому они чаще говорят о ее негативном влиянии и на их собственные жизни, и на экономику России. Как и в том, что касается реакции на войну в целом, они противопоставляют себя соотечественникам, которые пытаются не замечать ее ужаса и последствий.

Говоря про обеднение населения, противники войны чаще озвучивают опасения, связанные с влиянием бедности на социальные отношения в стране. По их мнению, падение доходов населения может привести к росту преступности и домашнего насилия:

«И вообще преступность сейчас будет расти. Вслед за обнищанием населения будет расти преступность, это будет еще одна проблема. И социальное напряжение, оно тоже не будет спадать. Оно как было, так и будет. Оно будет расти, потому что эти старушки, которые расхватывают сахар в магазинах — понятно, что сегодня они хватают сахар, а завтра они будут хватать вилы» (м., 38 лет, журналист, апрель 2022).

Но, пожалуй, **главное свидетельство того, насколько пессимистичным для противников войны выглядит будущее — это их попытки сравнивать ситуацию в России и в Украине. Говоря о последствиях войны, ее противники нередко отмечают, что жители России оказались даже в худшем положении, чем жители Украины.** Да, сейчас экономика Украины разрушена, но она будет, уверены противники войны, восстановлена в будущем. В этом Украине помогут другие страны, а России, находящейся в международной изоляции под руководством людей, заботящихся только о собственной выгоде, не поможет никто:

«В Украине, я понимаю, уже никакой экономики нет. Ну, Украине помогут все остальные страны, кто поможет нам — не знаю. Не уверена. И не уверена в искренности тех стран, которые даже якобы держат нейтралитет или поддерживают нас»

(ж., около 35 лет, менеджер, апрель 2022).

Санкции: разочарование в западной политике

Для противников войны санкции и их экономические последствия стали камнем преткновения. Многие считают их оправданными и необходимыми. Другим кажется, что правительства европейских стран поступают с ними несправедливо, потому что они сами поддерживают европейские ценности и политические свободы и выступают против войны. Некоторые критикуют санкции за то, что, на их взгляд, они не достигают своих целей. Если цель санкций — заставить людей протестовать против войны, то эта стратегия неэффективна: протесты в России не могут остановить войну или изменить политический строй. Такие информанты порой чувствуют обиду: они не хотят ассоциироваться с Путиным и лишаться благополучия из-за действий властей, которых не выбирали.

Эти информанты настаивают на том, что западные политики выбрали неудачный способ давления на российскую власть,

потому что не знают контекста и плохо осведомлены о политической ситуации в России:

«На мой взгляд, они [западные страны] добиваются того, чтобы мы, народ России, люди, живущие здесь, ходили на улицы. И чтобы мы начали как-то что-то делать, активнее показывать свое несогласие. Я говорила, что они не очень понимают, как у нас устроена судебная система, исполнительная власть. Поэтому она иногда слишком сильно исполняет. <...> Поэтому они особо ничего этим не добились, на мой взгляд» (ж., 20 лет, студентка, март 2022).

Интересно, что многие сторонники «спецоперации», наоборот, считают, что западные политики хорошо изучили российское общество и поэтому так быстро подготовили санкции (см. п. 1.5).

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИКИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА

Противники войны говорят не только об экономических, но и о множестве других разнообразных мрачных последствиях войны. Среди них — откат России назад, «арханзация», международная и культурная изоляция, вражда с украинцами, скатывание в диктатуру, поляризация общества, кризис культуры и т. д. Интересно, что для многих информантов-противников эти последствия не просто реальны, а чрезвычайно важны, они имеют особое, экзистенциальное значение. На нем мы и остановимся.

Если сторонники войны в целом согласны с президентом России Путиным в том, что война — это ответ на проблемы, имеющие для России экзистенциальное значение, то противники «спецоперации» считают саму войну такой проблемой. Негативные последствия войны тоже имеют для них экзистенциальное измерение. Противники войны — это люди, для которых война стала событием, перекраивающим всю их жизнь, меняющим ее смысл. В целом, это неудивительно, учитывая, что среди противников войны многие оппозиционно настроены и часто ездят за границу. Поэтому война угрожает разным аспектам их жизни.

Как и следовало ожидать, противники войны крайне обеспокоены международной репутацией России. В этом вопросе их забота о стране и о себе совпадают. Ведь Россия, по их убеждению, станет изгоем в мире, а русские уже носят стигму агрессора:

«Это очень большой репутационный удар по нашей стране тоже и, к сожалению, по нашему народу тоже, по отдельным каким-то личностям. Хотя все хотят как-то дистанцировать власть от народа, но, к сожалению, простые русские люди в глазах мировой общественности теперь тоже будут агрессорами»

(ж., 21 год, студентка, март 2022)

Многие переживают за свое будущее, потому что их профессия может быть запрещена или не востребована в новой ситуации. Вот что говорит студентка-политолог:

«Повседневность, она стала какая-то бесцельная, бесцельное существование. Потому что все цели, к которым я шла, они стали немножко разрушаться, буквально на глазах. Потому что я понимаю, что политология никому не нужна теперь будет, международные отношения — тоже. Попробовать уехать за границу учиться с такими стипендиями и с такими возможностями сдать экзамен — это очень угнетенное состояние, состояние некой фрустрации»

(ж., 18 лет, студентка, март 2022)

Чья-то профессия оказалась под запретом или утратила свой смысл уже сейчас. Так, одна из наших информанток, учительница в школе, говорит (причем именно в экзистенциальных терминах) о том, что ее профессиональная жизнь может измениться непоправимо:

«У меня вводится очень жесткая цензура на рабочем месте. Поскольку я на госслужбе, и мне уже некоторое время в директивной форме предлагается иметь конкретную точку зрения и только ее. Соответственно, я не могу транслировать свое

мнение. <...> Я чувствую себя плохо, потому что это — естественная потребность человека. <...> Увеличение ответственности уголовной и административной за высказывание своей точки зрения — [это] совершенно дико для моего поколения. Во-первых, я не умею жить в таком режиме, во-вторых, я не хочу» (ж., 37 лет, психолог, март 2022)

Точно так же, те кто вовлечен в производство культуры, или те, кто интересуется культурным процессом, опасаются самых серьезных последствий для русской культуры, русского искусства, русского языка.

Те из противников войны, кто участвует в оппозиционной политике или активизме, закономерно опасаются за свою и своих единомышленников свободу и даже жизнь, ведь репрессии в России нарастают и будут нарастать. Об этом говорят многие наши информанты. Тюремное заключение может изменить всю жизнь, точно так же как страх оказаться в тюрьме может подтолкнуть к жизненно важным решениям, таким как отъезд из страны. Кроме этого, оппозиционно настроенные противники опасаются общественного раскола и гражданской войны.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ВОЙНА

Часто, чтобы объяснить, как сильно повлияла война на них лично, наши информанты, от сторонников до противников, говорят о влиянии войны на их повседневность. В этой связи интересно, что для того, чтобы подчеркнуть экзистенциальное значение войны для них, радикальные противники, наоборот, противопоставляют войну повседневности, ведь война — это что-то куда более важное, чем просто повседневная жизнь:

«Я не могу строить планы на будущее — это тоже, наверное, изменения в жизни. Но это не здесь и сейчас, не в ежедневной рутине. Ежедневная рутина не менялась, я хочу сказать так» (м., 26 лет, менеджер, март 2022)

Часть информантов, для кого экономическая и бытовая повседневность не сильно изменились, даже саму эту неизменность переживают с тревогой — настолько важным оказалось для них событие войны само по себе. Вот что как бы вскользь говорит информант, у которого от войны «поехала крыша» и который «из каких-то событий в своей жизни, наверное, мало что» может сравнить с войной «по ощущениям»: «Ну, жизнь — та же самая. И это даже немножко как-то пугает что ли» (м., 36 лет, сотрудник международной компании, март 2022). А вот что говорит — в том же духе — другой информант:

«Появилось странное ощущение от повседневной жизни, она внешне не поменялась, но стала не настоящей, т.е. все стало новым, прозрачным и немного картонным»

(м., 32 года, научный сотрудник, июнь 2022)

При этом экзистенциально важные последствия войны могут видиться и в позитивном ключе. Война может придать жизни новые ритмы, новые смыслы и новые горизонты:

«[Интервьюер: Как поменялась твоя повседневная жизнь после 24 февраля?] Она организовалась. Я готовлюсь к отъезду, приводя все свои дела в порядок. <...> Я писал в волонтерские чаты. Иногда я помогаю депортированным украинцам. <...> Я помогаю, пишу письма политзаключенным. У меня была смешная инициатива, когда пытался писать депутатам государственной думы, членам совета федерации, тогда произошло много неожиданных переписок, разговоров и планов, к которым я совсем не готовился»

(м., 32 года, научный сотрудник, июнь 2022)

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Война уже поменяла социальность в России — в первую очередь, отношения между людьми, общение сограждан друг

с другом. Поэтому неудивительно, что, оценивая последствия «спецоперации», ее противники много говорят об отношениях и об общении.

Многие говорят о кризисе солидарности. Многие — о том, что обнаружили себя в ситуации разрыва связей и невозможности найти взаимопонимание или хотя бы просто поговорить о войне. На этом фоне люди рады тому, что в каких-то случаях коммуникация оказывается возможной, а социальные отношения сохраняются:

«Я очень сблизилась со своей семьей, хотя я живу отдельно от родителей. Я стала чаще к ним приезжать и так далее. Я стала иметь с ними больше душевных бесед, какие-то наши противоречия стали забываться и так далее. <...> Опять же такой момент. Стало понятно, кто из моих знакомых прямо тот человек, с которым можно и в огонь, и в воду, и так далее. То есть, на самом деле, очень сильно повлияло на межличностные взаимоотношения»

(ж., 18 лет, студентка, апрель 2022)

Информанты с радостью говорят о солидарности внутри малых, в том числе, семейных и дружеских группах.

Анализ восприятия противниками войны ее возможных последствий показывает, насколько катастрофическим событием стала война для множества россиян. Противники войны — это часто люди, само существование которых пошатнула война, вне зависимости от их социально-экономического положения. Вместе с тем, часть наших информантов, особенно те, кто остался в России, готовы смириться с падением уровня жизни и потребления. Важнее другое: **противники войны — это те, для кого война стала экзистенциальной угрозой. Вся их жизнь оказалась под вопросом — и под ударом.** Вторжение России в Украину изменило

всю ткань их жизни, начиная от повседневного общения и социальных связей, и заканчивая смыслом жизни, который пошатнулся, даже если, как кажется, ежедневная жизнь продолжает идти своим чередом.

3⁶ Жертвы: как они оценивают масштабы жертв и реагируют на них?

Противники войны — это те, кто испытывают наиболее интенсивные и наиболее негативные эмоции в связи с началом войны, ее течением, ее последствиями.

То же самое касается и ее жертв. В этом разделе мы покажем кого противники войны считают жертвами войны, насколько внимательно они следят за информацией о них и как реагируют на нее. Мы убедимся, что даже противники войны (а не только аполитичные сомневающиеся) не могут жить в состоянии постоянного шока, ужас и гнева — и они находят способы справляться с этими эмоциями, продолжая при этом быть осведомленными о происходящем и сочувствовать жертвам войны.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖЕРТВАХ: СЛЕДЯТ ЛИ ЗА НЕЙ ПРОТИВНИКИ ВОЙНЫ?

Как и сторонники войны (**см. п. 1.6**), информанты, выступающие против вторжения России в Украину, чаще всего называют жертвами войны мирных жителей. Правда, **они обычно говорят о мирных жителях на подконтрольных Украине территориях и редко — о мирных жителях на территориях Л/ДНР**. С их точки зрения, жертвами являются не только те, кто погибли в результате военных атак, но и те, кто подверглись физическому и сексуальному насилию, или умерли из-за болезней, потому

что не получили своевременную медицинскую помощь. Противники войны переживают за украинских беженцев, в том числе тех, кого *«привозят насильно»* (**м., 23 года, маркетолог, март 2022**) в Россию, а также возмущаются разрушением украинских городов, инфраструктуры и личного имущества жителей. Интересно, что информанты-противники войны чаще говорят о жертвах среди российских, чем среди украинских военных — поскольку первые (по крайней мере, многие из них) попали на войну не по своей воле.

Большинство информантов-противников войны так или иначе следят за информацией о ее жертвах. Некоторые из них занимаются активным поиском правды, сравнивая данные из различных источников. Другие же не отслеживают эту информацию специально, но готовы воспринимать ее, когда она попадает на глаза. Многие информанты признают, что со временем стали уставать от высокой степени вовлеченности в конфликт и теперь следят за событиями не так интенсивно. Наконец, некоторые противники войны по разным причинам предпочитают не следить за информацией о жертвах вообще.

Активный поиск правды

Среди противников войны, как и среди ее сторонников и сомневающихся, есть те, кто регулярно отслеживают информацию о жертвах и разрушениях, получая ее из разных источников. Они следят за официальными данными, публикуемыми российскими и украинскими властями, а также международными организациями (такими как ООН). Они читают публикации как провластных, так и оппозиционных, как российских, так и украинских и западных СМИ. Некоторые к тому же ориентируются на свидетельства «друзей» в социальных сетях и своих знакомых. Эти информанты говорят, что не готовы слепо доверять ни одному из перечисленных источников.

В отличие от сторонников войны (**см. п. 1.6**), противники не доверяют информации о погибших среди военных и мирного населения, которую озвучивают официальные российские лица и медиа. При этом эти информанты не готовы доверять и

официальным украинским данным. Сомнения в достоверности последних они объясняют уже хорошо знакомым нам принципом — «первой жертвой войны становится правда». Именно поэтому для них даже так называемые «независимые» российские СМИ не могут считаться достоверным источником информации о жертвах войны — ведь «фейки» о жертвах есть везде. А значит, с точки зрения этих информантов, необходимо «*фильтровать*» информацию **(м., 26 лет, менеджер по работе с архитекторами, март 2022), «пропускать данные через призму» (м., 23 года, студент, апрель 2022)**. Таким образом, эти противники войны занимаются активным поиском «правды»:

«Я подписан на несколько проправительственных каналов. Я подписан на несколько проукраинских каналов, европейские и российские оппозиционные. Мне кажется, если сравнить всё, то можно понять примерно, где правда» (м., 21 год, студент, апрель 2022).

Несмотря на то, что противники войны могут не доверять конкретным цифрам, озвучиваемым разными сторонами, они не сомневаются в том, что масштабы жертв в этой войне «*большие*» **(м., 69 лет, работник нефтяной сферы, муниципальный депутат, март 2022), «страшные» (ж., 21 год, студентка, апрель 2022), «безумнейшие» (ж., 29 лет, организаторка событий в сфере культуры, май 2022), «чудовищные» (ж., 23 года, студентка, май 2022):**

«Тут надо объективно судить. Украинцы говорят, что у нас уже 15 000 потерь. Сколько наша сторона говорит? Что 500 человек потеряно. Вранье с обеих сторон. Наверное, что-то среднее. И там много потерь, и там много потерь. Я думаю, что потери, они будут, наверное, равными в этой истории. Я думаю, что большие потери» (м., 69 лет, работник нефтяной сферы, муниципальный депутат, март 2022).

Несмотря на сильные эмоциональные переживания, которые вызывает информация о жертвах войны, а особенно — фото и видеосвидетельства, эти информанты-противники не могут

перестать следить за ней. Это отличает их от сторонников войны и сомневающихся (**см. п. 1.6 и 2.6**). Они не избегают этой информации и стараются быть в курсе событий. Они объясняют: смотреть на все это *«очень тяжело, но надо»* (**м., 26 лет, менеджер по работе с архитекторами, март 2022**):

«Я все это смотрю ежедневно. <...> Я смотрю видео, как людям там помогают в Мариуполе. Это страшно, все, что там происходит. Все эти разрушения — это ужасно страшно. Мне страшно на это смотреть, но я не могу перестать это смотреть. Это какое-то самобичевание, что я все равно продолжаю это смотреть, хотя мне уже плохо от этого» (**ж., 19 лет, менеджер на складе, март 2022**).

Постепенное отстранение

Некоторые противники войны, однако, со временем погружаются в тяжелейшее эмоциональное состояние, вызванное в том числе высокой степенью эмоциональной вовлеченности в конфликт. В результате они используют эмоциональную стратегию, типичную для сомневающихся информантов (**см. п. 2.6**) — сокращают потребление новостей о войне, и, в особенности, о ее жертвах:

«Первое время следила [за информацией о жертвах], сейчас — нет. Последний месяц я осознанно ушла в работу, ушла в деятельность, потому что я поняла, что я не вывожу. Узнаю пару раз в неделю, при том не сама, а от кого-то из близких. Типа «ну что, какие там новости?» А так я ограничила себя от этого, потому что первые два месяца были едва выносимыми. Это просто очень сильно бьет по нервной системе, там проблемы со сном уже начались. И я осознанно от этого ушла. Я ничего не могу сделать с этим, только лишний раз расстраиваюсь» (**ж., 29 лет, организаторка событий в сфере культуры, май 2022**).

Некоторые противники войны ограничивают потребление информации о ее жертвах в определенном формате — например, стараются меньше смотреть фото или видео разрушений, человеческих жертв и страданий. Вместо этого они используют более «безопасные» для психики форматы вроде кратких сводок о количестве погибших, которые позволяют оставаться в курсе событий, но эмоционально отстраниться от ужасов войны:

«Я стараюсь всякие видео не смотреть. Иногда вижу фотографии, и этого мне хватает с лихвой. <...> И я знаю, что таких материалов очень много, я не готова их смотреть. Цифры на экране в виде количества погибших выглядят, конечно, более безопасно, хотя за каждой из них стоит человеческая жизнь» (ж., 26 лет, научная сотрудница, март 2022).

Не следят за информацией о жертвах

Некоторые противники войны, однако, и вовсе не следят за актуальной информацией о ее жертвах. Одни из них ждут окончания войны, чтобы «узнать правду». Соглашаясь с теми, кто считает, что в текущих условиях невозможно доверять никаким источникам информации, они при этом заявляют, что пытаться выяснить истинные масштабы потерь не имеет смысла. Не только обе стороны конфликта во время войны скрывают правду, но и сама ситуация продолжающихся военных действий делает подсчеты количества жертв невозможными:

«Проблема в том, что мне очень трудно представить, что даже непосредственно находящийся в поле командир какого-нибудь батальона способен адекватно оценить количество погибших. Часто даже в собственной части для того, чтобы понять, сколько у тебя точно выбыло, нужно несколько суток. Особенно если сложная конфигурация, что уж говорить про противника, особенно если его, допустим, погибшие остались на занятой противником же территории. Ну, в общем, и поэтому даже эта цифра, даже я не

не уверен, что та сторона в неё абсолютно верит, она лишь нам может говорить о каких-то общих тенденциях» (ж., 38 лет, научная сотрудница, апрель 2022).

Аналогично, масштаб потерь среди мирного населения, с точки зрения этих информантов, станет известен только после того, как российские войска покинут территорию Украины.

Другие же противники войны объясняют, что не отслеживают информацию о масштабах жертв, потому что им «и так понятно», что жертв очень много:

«Я первое время следил, а теперь уже следить перестал. Потому что по действиям я понимаю, что потери там бешеные. Я это вижу, потому что у нас в соцсетях регулярно сообщается, что в каком-то селе идут похороны, вот тут идут похороны, вот тут кого-то похоронили. Я понимаю по таким косвенным данным, что там потери очень большие. Причем похороны идут от майора до полковника и подполковника. Я понимаю, что люди в таких званиях... Значит, там потери очень большие. Я это понимаю» (м., 38 лет, журналист, апрель 2022).

Эти информанты объясняют, что им необязательно знать точное число погибших, изнасилованных и раненых, чтобы выступать против войны:

«А так — нет, за цифрами я не слежу, я прекрасно понимаю, что такое война. <...> С самого первого дня, как это началось, я понимал, что всем пиздец, и это все ужасно. Ну какая разница, там 100 человек погибнет или 1000? Это все равно ужасно, полный кошмар» (м., 27 лет, основатель стартапа, март 2022).

Таким образом, эта группа противников войны, в отличие от, например, сомневающихся информантов, не следит за информацией о жертвах не для того, чтобы не знать о них, а потому, что они и так о них знают.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИНФОРМАЦИЮ О ЖЕРТВАХ

Ужас, шок, гнев, невозможность осмыслить

Чаще всего противники войны переживают сильные негативные эмоции, реагируя на информацию о жертвах среди мирного населения Украины. Они испытывают страх и ужас, все происходящее кажется им «чуждым» **(ж., 33 года, профессия неизвестна, апрель 2022)**, им снятся кошмары «что бомбежки летят, и кровавые реки, и мертвые дети» **(ж., 29 лет, организаторка событий в сфере культуры, май 2022)**. Наиболее тяжелые эмоции вызывают фото- и видеоматериалы с погибшими мирными жителями:

«Пугают больше всего картинки обыденности. Когда ты видишь фотографии из Бучи, и ты видишь просто фотографию женской руки с маникюром. И она просто засыпана землей. И ты смотришь на этот маникюр, понимаешь, что к тебе тоже подружки каждый день приходят с таким же маникюром. Как сейчас делают — ногти одним цветом покрашены, а один, безымянный, палец другого света. И я представляю, что позавчера, может быть, женщина ходила на маникюр, потом приходила домой, дочке показывала: “Смотри, ноготочки какие сделала! Красиво получилось, лучше, чем в прошлый раз. Маша хорошо делает, всегда буду к ней ходить”. Это было позавчера, а сегодня она лежит присыпанная землей с такими же красивыми ногтями. И пацаны там такие же лежат. И ты смотришь — вот лежит мальчик, у него какие-то там кроссовки, какая-то парка. Видно по одежде, что это студент, может он на свидание шел, принарядиться хотел, думал о другом совершенно. А теперь он лежит мертвый, и ты понимаешь, что таких мальчиков вокруг тебя по улице ходит куча. Ты очень легко можешь поставить себя на их место, и от этого страшно»

(ж., 33 года, профессия неизвестна, апрель 2022)

Некоторые информанты говорят о гневе и ярости:

«Моя реакция по окончании первых трех недель войны — закричать на всех тех, кто говорят про 8 лет и Донбасс, о том, что “украинские нацисты” убили за 8 лет меньше людей, чем ваша бравая российская армия за месяц! <...> Ну, какая реакция именно на это всё? Ну, ярость и, конечно, никакой хорошей реакции на это быть не может»

(м., 24 год, работник некоммерческого фонда, апрель 2022)

Многие говорят о том, что их не покидает ощущение сюрреалистичности происходящего. Огромное число погибших не укладывается у них в голове. В него сложно поверить, его невозможно осмыслить:

«Когда там пишут о том, что больше двадцати тысяч погибших с российской стороны, то это, ну, как бы, по сути, население какого-то маленького населённого пункта. То как-то уже это не укладывается в голове, и это уже просто воспринимается как очень много. Просто очень много, и всё»

(ж., 24 года, работница музея, май 2022)

Некоторые информанты даже не находят слов, чтобы описать свои эмоции:

«Но просто так разрушать будущее людей, которые сейчас погибли — я считаю, что это даже не безнравственно, это... Это настолько плохо, что у меня нет слов, чтобы описать то, что я чувствую»

(ж., 56 лет, фармацевтка, март 2022)

Грусть, боль, жалость

Интересно, что если активные противники войны (те, кто, например, ходили на антивоенные протесты) чаще рассказывают об ужасе и шоке как реакциях на информацию о ее жертвах, молчаливые противники больше говорят о жалости, грусти и боли. Многие из них плачут, узнавая о новых жертвах войны, потому что их *«сердце разывается»* **(ж., 40 лет, оператор техподдержки, апрель 2022):**

«Это, конечно, больно читать, больно смотреть на цифры, которые большие. С другой стороны, не менее больно читать истории одного человека из этих цифр, о том, кто это был, какое-то сообщение, рассказ о нем или о ней, о ее родственниках или о друзьях»

(ж., 21 год, студентка, март 2022)

При этом информанты жалеют не только мирных жителей Украины, но и российских и украинских военных, а также людей, потерявших своих близких из-за войны. Многие информанты уточняют, что культурная, историческая и территориальная близость Украины и украинцев делают их эмоции по поводу жертв такими сильными:

«Причем, это не какая-то Сирия с Йеменом и прочая Африка, где живут какие-то чужие для нас люди, у которых мы не понимаем совершенно языка, культуры и так далее. Это почти такие же как мы люди»

(м., 34 года, преподаватель университета, апрель 2022)

«Я себя ощущаю ребенком, который забился под кровать, когда папа бьет маму. <...> Который не может ничего сделать, но ему очень страшно. И при этом он чувствует, что это не просто чужие дядьки дерутся между собой, а это тоже твой семейный круг. И это в голове укладывается меньше всего»

(ж., 34 года, компьютерный дизайнер, март 2022)

Война описывается этой информанткой как ситуация семейного насилия, где Россия — это «папа», который «бьет маму» — Украину, а рядовым российским гражданам остается лишь ощущение детского бессилия в этой страшной ситуации, на которую они не могут повлиять.

Информанты-противники войны практически не упоминают, что испытывали стыд или вину, наблюдая за жертвами российской агрессии в Украине. Зато некоторые из них говорят, что переживали что-то вроде злорадства в ситуациях, когда российская армия несла потери. Впрочем, обычно информанты

уточняют: злорадство у них вызывают неудачи (и даже смерти) особого типа военных, скажем, чеченских наемников или росгвардейцев, тогда как гибель молодых «контрактников поневоле», оказавшихся на передовой из-за отсутствия других возможностей заработать не хлеб, может вызывать сочувствие.

Итак, противники войны считают ее жертвами прежде всего украинских мирных жителей, которые страдают в ходе боевых действий. Некоторые из них также обеспокоены масштабами потерь среди российских военных. Они убеждены, что масштаб жертв, потерь и разрушений значительно больше, чем сообщают публике официальные российские источники. Противники остро реагируют на поступающую информацию о погибших и разрушениях мирных украинских городов, испытывая шок, боль, страх, гнев. Из-за интенсивности и тяжести переживаний от этой информации многие из них со временем перестают следить за ней. Другие рассказывают, что никогда пристально не следили за этой информацией, поскольку наличие большого числа жертв для них — очевидный факт, не требующий доказательств. Впрочем, и первые, и вторые, в отличие от многих сомневающихся в своей оценке войны информантов, не выпадают полностью из новостной повестки о войне, продолжая просматривать краткие сводки о количестве погибших и масштабах разрушений.

3⁷

Антивоенные протесты: какие мотивы у протестующих против войны?

Спервого же дня российского вторжения в Украину во многих городах России начались уличные протесты. Крупные стихийные митинги прошли в двух столицах в четверг вечером, 24 февраля. В пятницу и субботу жители

Москвы и Санкт-Петербурга продолжали выходить на улицы стихийно, протестуя против войны. В воскресенье, 27 февраля, прошли массовые антивоенные митинги по всей стране. В течение следующей недели люди протестовали в Москве и Санкт-Петербурге и иногда — в других крупных городах. Последние массовые протесты прошли 6 марта. После этого люди перестали выходить на улицы ежедневно, а анонсированные 13 марта и 2 апреля акции были быстро подавлены.

Мы собрали 27 интервью на антивоенных протестах в Санкт-Петербурге и Москве. Кроме того, с рядом участников протестов мы поговорили постфактум. В результате в нашей выборке оказалось 77 интервью с теми, кто хотя бы однажды участвовал в уличном протесте против войны. На основе анализа этих интервью написан данный раздел.

ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ ВЫХОДЯТ НА АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ?

Наши информанты-участники антивоенных протестов рассказывают о разных мотивах, которые, несмотря на все риски, все-таки склонили их к выходу на улицу. Этим мотивы не являются взаимоисключающими.

Показать, что мы (несогласные) — есть

Большинство информантов-участников антивоенных протестов говорят, что пришли на митинги для того, чтобы показать свое несогласие с войной, продемонстрировать, что они есть, они существуют. Их мотив — не повлиять на решение о начале войны (они не верят, что это возможно), но сделать видимыми таких как они — несогласных россиян:

«Показать свое мнение, что оно у нас есть, другое. Что есть люди, у которых другое мнение. Если не выходить, то это молчаливое согласие с тем, что происходит. А как можно соглашаться в том, что в 2000 километрах от тебя умирают люди каждый день, мирные жители, бомбятся больницы.

Я с этим не могу согласиться, нет. Я не хочу с этим соглашаться, я не могу»

(м., 26 лет, менеджер по работе с архитекторами, март 2022)

Это желание «показать, что мы есть» характеризовало еще самые первые по-настоящему массовые и общенациональные протесты в России — т.н. «Движение за честные выборы» 2011-13 годов (о чем мы писали [вот здесь](#)). Однако если протестующие за честные выборы хотели продемонстрировать наличие несогласных прежде всего российской власти, спустя 10 лет — и с началом войны — адресат протестов поменялся. Большинство участников антивоенных митингов говорят, что они обращались к российскому и международному сообществу. Они хотели показать противникам войны, что те не одиноки, сторонникам и сомневающимся — что те не в большинстве, жителям других стран — что среди россиян есть возмущенные военным вторжением:

«Я ни в коем случае не обманываюсь, что это что-то изменит, что война закончится, что власть как-то это услышит. Просто я хочу, чтобы в первую очередь это услышал и увидел мир, и остальное население России, чтобы люди понимали, что несогласные есть и их много» **(м., 21 год, студент, апрель 2022)**

Потому что невозможно не выходить

Многие информанты-участники протестов также рассказывают, что ими двигала внутренняя этическая потребность выйти на улицу, потому что не выйти им было стыдно. Например, участник акции 27 февраля отвечает на вопрос интервьюера о том, почему он пришел сегодня следующим образом:

«Скорее для собственной совести, наверное. Я почти никогда не принимал участия в каких-то оппозиционных акциях. Но то, что сейчас происходит, мне кажется, это уже кульминация всей жести, которая происходила до этого»

(м., 29 лет, редактор, февраль 2022)

Если те, кто выходят, чтобы показать, что «мы есть», все-таки надеются, что люди на улице или в интернете увидят их, услышат их голос, то эти информанты признаются, что у них нет надежд донести свою позицию до какого бы то ни было адресата. При этом никак не отреагировать на войну они тоже не могут. Как выражается один из информантов, *«это скорее выход, чтобы что-то делать, вряд ли это будет иметь прямой смысл, какую-то пользу»* (м., 41 год, журналист, февраль 2022). Решение пойти на протест в таком случае — это личное морально-этическое решение, необходимое для того, чтобы можно было «смотреть своим детям в глаза»:

«Ну, прочитав новость утром про то, что произошло в этот день, я решил, что это был какой-то крах каких-то надежд, осознание того, что все будет только хуже. И я не хотел просто сидеть и отмалчиваться. И я думал [что] в будущем, смотря своим детям в глаза, я не хотел молчать, если бы они спросили меня, что я вообще сделал, чтобы остановить вот это безумие. Я решил, что самый такой главный способ показать свою позицию — это как раз выйти возле Гостинного Двора и сказать, что, мол, “Нет войне!”. Вот и всё» (м., 20 лет, студент, март 2022)

Убедиться (и показать друг другу) что мы — не одни

Некоторые информанты говорят о своем желании встретиться с единомышленниками, понять, что они не одни, почувствовать единство и солидарность как об основных мотивах участия в рискованных антивоенных протестах:

«Я выхожу, потому что не могу не выходить. Еще есть чувство общности с людьми, которые выходят. Скажем, если я не выйду, а они выйдут и увидят, что никого нет, то дальше выходить им не захочется. Нужно, чтобы они не чувствовали себя одинокими»

(ж., 27 лет, юридическая консультантка, май 2022)

В каком-то смысле эти информанты тоже хотят показать, что они существуют — но показать прежде всего друг другу.

Поддержать Украину и украинцев

Еще один мотив для выхода на протест, который нередко упоминают наши информанты — это желание поддержать Украину — как украинских родственников, друзей и знакомых, так и в целом украинский народ:

«[Я вышел] потому что я против войны, я против того кровопролития, которое устраивает наше государство. Я не выбирал это правительство. Я пришел выразить поддержку своему братскому украинскому народу» (м., 24 года, студент, март 2022)

Поддержка Украины и украинцев в качестве мотивации для участия в антивоенных акциях может сочетаться с другими мотивами:

«Ну, как-то обществу показать, и украинскому, и нашему обществу, и себе в том числе, чтобы мне хотя бы было не стыдно потом в зеркало смотреть на себя. У меня есть друзья в Украине, я думаю, что я бы не смог нормально спать спокойно, смотреть на себя в зеркало, если бы не высказал себя так, как в моих силах, об этой войне» (м., 23 года, студент, апрель 2022)

Редкий мотив: остановить войну

Только несколько участников антивоенных протестов говорили, что к участию в первых митингах их подтолкнула вера в то, что выход на улицу может в самом деле повлиять на ход событий. Как сказала одна из таких информанток, *«ну, основная мотивация была — попытаться остановить войну» (ж., 19 лет, студентка, март 2022)*. Впрочем, она тут же добавила, что всегда понимала, что вероятность успеха была не очень высока. Кто-то говорил о надеждах, которые они питали в первые дни войны: они ждали, что за ними выйдут другие, антивоенное сопротивление

разрастется и захватит всю страну. Но даже в этих случаях речь о надежде идет в прошедшем времени: информанты признаются, что спустя время перестали верить, что это возможно.

КАК ИМЕННО ЛЮДИ РЕШАЮТСЯ ВЫЙТИ НА АНТИВОЕННЫЕ ПРОТЕСТЫ?

Какими бы ни были мотивы протестующих против войны информантов, каждому из них нужно было принять решение о том, чтобы выйти на протест, рискуя быть задержанным, провести ночь в полицейском участке или получить административное наказание в виде штрафа или ареста на срок до 15 суток. Сомневались ли они, размышляя о потенциальном участии в «незаконных» митингах? Как, вопреки этим рискам, они решились на этот шаг?

Спонтанное решение

Интересно, что большинство наших информантов не описывают свой выход на антивоенные протесты в терминах «решения» — они не принимали никакого «решения», они просто действовали единственно возможным образом:

«То есть я проснулась утром и первое, что я увидела соцсетях — это что эта ситуация развернулась, российская армия вторглась в пределы Украины, и меня просто трясло весь день <...>. У меня внутренне даже не стоял вопрос, выходить или нет, потому что было такое чувство какого-то бессилия и отчаяния, которое вообще меня захлестнуло, и просто не знаю, куда это излить. Я даже не могу сказать, что я приняла решение, это просто было естественным для меня каким-то шагом — пойти»

(ж., 21 год, студентка, март 2022)

Не будучи «решением» в строгом смысле этого слова, выход на антивоенные протесты являлся для этих информантов как бы естественным продолжением испытываемых ими эмоций, как хорошо видно из цитаты, приведенной выше.

Вопреки рискам

При этом большинство информантов рассказывают, что понимали риски, на которые они идут. Как говорит один из информантов: *«Я понимал, что меня могут задержать, я был готов к тому, что это произойдет»* (м., 18 лет, студент, март 2022). Некоторые информанты признаются, что, выходя на антивоенные протесты, оставляли побольше корма домашним животным или ключи от квартиры друзьям. Некоторые чередовали участие в протестах с другими членами семьи (например, супругом/супругой) — чтобы кто-то, если что, позаботился о детях. Даже наличие страха не становилось поводом для сомнений для этих информантов:

«Конечно, это страшно. Наилучший способ побороть страх, это как-то заранее смириться с худшим вариантом. Я и 24-го и 27-го, и 6-го шел с какой-то уверенностью и спокойствием, что может быть всякое, могут задержать» (м., 23 года, студент, март 2022)

Преодолевая страх

Некоторые информанты, впрочем, признаются, что сомневались выходить ли им на антивоенные протесты. Кто-то совладал с этими сомнениями уже в течение дня, а кто-то не решился пойти на первую акцию протеста и вышел только через несколько дней:

«[Я не вышел на первую акцию] потому что в тот день я думал, как бы пойти, наверное, надо на митинг, но я не был уверен, что там просто не будут, извините, расстреливать. И я как-то немножко струхнул. Я в первый раз пошел в воскресенье, ну, сразу после 24-го [февраля], я не помню, что это за дата была» (м., 25 лет, безработный, апрель 2022).

Как и этот информант, который «немножко струхнул», другие тоже признаются, что именно страх заставил их сомневаться. Однако они смогли преодолеть его со временем, когда возобладали другие чувства (*«гнев пересилил страх»*, ж., 23 года, студентка, март 2022) или благодаря сознательному усилию:

«Страх есть, и сейчас есть страх. Я не хочу жить жизнь со страхом. [Интервьюер: Да, я понимаю. Но все-таки сомнений не было, что надо выйти?]
Что надо выйти — сомнений не было. А вот выйти или нет — конечно страшно было»

(ж., 26 лет, работница книжного магазина, март 2022).

Со временем некоторые информанты начинали сомневаться в наличии хоть какого-то эффекта у антивоенных протестов. Например, информант, который без сомнений выходил на первые антивоенные митинги, говорит, что сомневался, стоит ли идти на акцию 2 апреля:

«Да, были сомнения, потому что, кажется, что это, с одной стороны, совершенно бессмысленно, что ничего всё равно не изменится» (м., 34 года, основатель медиа-проекта, апрель 2022).

У кое-кого, напротив, со временем появился страх, которого не было в начале — что не удивительно на фоне ужесточающихся репрессий: *«[В начале] особого страха не было, честно говоря. Страх появился уже потом, после того как начали вводить репрессивные законы»* **(ж., 19 лет, студентка, март 2022)**. Усиление репрессий и возрастание связанных с участием в них рисков внесли решающий вклад в то, что антивоенные митинги постепенно стали сходить на нет.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ АНТИВОЕННЫХ ПРОТЕСТОВ

Приняв решение выйти на улицу, информанты отправлялись на центральные площади и улицы своих городов, где обычно проходили антивоенные протесты. Оказавшись на митингах, они испытывали разные эмоции — от воодушевления до разочарования. При этом, ожидаемо, в интервью, взятых на первых антивоенных митингах, преобладает воодушевление, тогда как на последних — разочарование.

Воодушевление

Воодушевление было основной эмоцией, переживаемой во время первых митингов (во всяком случае в Санкт-Петербурге, где мы интервьюировали протестующих 24 и 27 февраля):

«Честно говоря, я сейчас очень удивлен всем этим, взбуждаю. Для меня это [участие в протесте], конечно, новшество, в новинку. Я очень рад, что люди собираются и пытаются бороться с этим, я очень рад. [Интервьюер: А страшно?] Нет. Честно говоря, не страшно <...>. Если вдруг начнется третья мировая война, то будет страшно. А сейчас нечему бояться, по идее» (м., 22 года, работник киноиндустрии, февраль 2022)

Этот информант впервые вышел на уличный протест. Но и те, кто выходил на уличные акции до войны, утверждали во время этих митингов, что они воодушевлены происходящим. Например, они были приятно удивлены количеством вышедших на улицу людей или испытывали эмоциональный подъем, находясь в окружении единомышленников. Показательно, что некоторые информанты описывали с воодушевлением даже опыт задержания полицией:

«Потом кто-то стал кричать в толпе “Нет войне” и силовики стали резко выхватывать людей протестующих. И нас, в том числе, повели в автозак. Повторюсь, у нас не было плакатов. И там было очень приятно, в автозаке, потому что люди там были хотя бы против войны» (ж., 18 лет, студентка, март 2022)

Страх

В то же время и на первых, и на последующих митингах были люди, говорившие, что им страшно. Сначала страх мог соседствовать с воодушевлением или любопытством. Однако он затмил все другие чувства в марте, когда участились и ужесточились задержания. Именно страх полицейского насилия заставлял протестующих отказаться от участия в акциях:

«Я ходил также 6-го марта на большой митинг, и после 6-го я где-то неделю не ходил, потому что там была очень страшная картина. <...> Слева от меня, вдоль Александровского сада было оцепление

из ОМОНа, в метре от меня, а справа от меня, тоже в метре, мужчину просто впятером избивали электрошокерами, берцами, дубинками, это было ужасно страшно» (м., 23 года, студент, апрель 2022)

Иногда информанты прямо говорят, что их страх усиливался вместе с ростом репрессий. Так, одна из информанток, рассказывая, что на первом митинге «было приятно», признавалась во время интервью (май 2022), что она больше не готова выходить на митинги, так как там стало слишком страшно:

«Но когда протест задавили количеством полиции абсолютно неоправданным, то тогда мне уже стало слишком страшно ходить. <...> [Интервьюер: То есть, на первых митингах было меньше страха?] Да. Было больше людей, было меньше страха. Было больше вероятности взяться в стенку, притвориться, что тебя нет. Я так периодически делала — прокатывало. А потом, когда народа стало меньше, то, естественно, риски больше, стало страшнее» (ж., 23 года, студентка, май 2022)

Разочарование

Если воодушевление со временем сменилось страхом, то страх в свою очередь сменился — или дополнился — разочарованием:

«Я говорил про эту надежду — мне казалось, что если я буду выходить, если другие люди будут выходить, нас будет много, и, наверное, это будет не так страшно. Но с каждым днем все меньше людей, становилось все страшнее и страшнее. <...> Поэтому через неделю я перестал ходить» (м., 30 лет, психолог, март 2022)

Мы видим, что у информанта сначала была надежда и он не сомневался в необходимости выхода на улицу. Однако со временем надежда быть услышанным пропала, на ее место пришел страх и сомнения в эффективности уличного протеста. В результате он и вовсе перестал ходить на митинги.

Таким образом, участники антивоенных протестов были движимы разными мотивами: желанием показать российскому и международному сообществам, что такие как они, несогласные, существуют; совершить единственно доступное им действие, направленное против войны; поддержать украинский народ. Показательно, что лишь единицы верили в то, что протесты могут приблизить окончание войны, и даже они довольно быстро потеряли эту веру. Большинство участников антивоенных протестов приняли участие в первых митингах спонтанно, повинаясь эмоциям, вызванным известиями о начале российского вторжения. Другие взвешивали «за» и «против», опасаясь репрессий, но в конечном счете все-таки присоединялись к протестующим. Воодушевление первых протестов сменил страх. Выходить на митинги становилось все более опасно. Вкупе с пониманием того, что протесты не остановят войну, которое присутствовало у большинства протестующих с самого начала, это внесло решающий вклад угасание публичных протестов. Напуганные и разочарованные, многие люди отказались от уличной борьбы. Впрочем, некоторые из них выбрали другие формы сопротивления: «тихий протест» (антивоенные граффити, объявления, и т.п.), помощь беженцам из Украины, информирование, пожертвования в пользу различных организаций и СМИ, занимающихся антивоенной повесткой.

3⁸

Интерес к политике: следили ли они за (гео)политикой раньше и следят ли сейчас?

В этом разделе мы опишем то, каким образом противники войны — и те, кто выходил на протесты, и те, кто не выходил — видели ситуацию отношений между Россией, Украиной и НАТО до начала войны, как они относятся к политическому режиму в России, и каким политическим и гражданским опытом они обладают.

КРЫМ, УКРАИНА, РОССИЯ, НАТО: ВЗГЛЯД НА (ГЕО)ПОЛИТИКУ ДО ВОЙНЫ

Далекая война 2014-го

Важно отметить, что интерес к политике у противников войны возникал до 2022 года в первую очередь из-за ситуации и событий, происходящих не на международной арене, а внутри страны: выборов, политических репрессий и т.п. Поэтому, несмотря на то что практически все они описывают свое отношение к режиму и Путину, сформировавшееся еще до войны, как критическое, многие из них нейтрально отнеслись к аннексии Крыма в 2014-м году (*«Там действительно обошлось почти без крови», ж., 63 года, геодезистка, апрель 2022*):

«Когда они в 2014-м году отняли этот Крым, то я не знала, как к этому относиться. Я растила дочку одна и работала тогда. Я вам скажу — люди очень многие, они фрутся-фрутся и им даже некогда думать. Постоянно мысли — где взять то-то, как накормить, где найти работу. Это простые житейские дела, и ты на это особо внимания не обращаешь... Хотя, в принципе, меня это все равно интересовало как-то. Но у меня не было столько сил, чтобы во всем этом разбираться. Это забирает много времени и сил» (ж., 63 года, геодезистка, апрель 2022)

То же самое можно сказать и про отношение к событиям на юго-востоке Украины: они казались еще дальше от повседневной жизни, чем события в Крыму, и поэтому не вызывали особого интереса у будущих противников «спецоперации»:

«Крым, он был чем-то в стороне. Это из серии, что оно есть, и его нет. Мне кажется, что если бы мы жили там, то нам была бы разница большая. А так, из-за того, что это где-то было, это было по большей части все равно. Просто родственники с Украины задавались вопросом типа „чего вам надо от вас?“»

II мы тоже не особо это поняли из-за того, что все такие спокойненько „ладно“ и все. <...> Что касается ДНР и ЛНР — сложный вопрос. Как бы ни было стыдно признавать, но, к счастью, мне было все равно, потому что меня это не касалось. То есть я всегда думала только о своем городе, о своей семье. Я всегда думала о том, что если каким-то образом до нас это дойдет (там до нас 200—300 километров), то тогда да. А так — я представляла, что происходит, и это тоже стремно. Но не было такого, что я переживаю это так же, как я переживаю сейчас. Так что, как бы то ни было, но, по большей части, было все равно»

(ж., 20 лет, студентка, апрель 2022)

В интервью противники войны, которые особенно не следили за ситуацией в Украине и на международной арене до начала российского вторжения, часто противопоставляют внутреннюю политику политике внешней и оправдывают отсутствие интереса к последней тем, что в «нормальной ситуации» она и не должна была их интересовать:

«Взаимодействие с Украиной, 2014-й год, это все в контексте нашей внутренней политики. Я рассматривала [это] именно смотрела с точки зрения нашей внутренней политики. II, опять же, “Крым наш” и все дела... Честно — пофигу, какой Крым, чей Крым, пусть он хоть отдельным государством будет или еще что-то. Я считаю, что в принципе лучшая внешняя политика какого-то государства — это отсутствие внешней политики и отлаженная внутренняя политика. Когда у тебя во дворе все хорошо, то ты не заглядываешь за забор к соседу и не сравниваешь — а там вот так, у меня вот так. Ты просто делаешь для своего огурца то, что надо делать для огурца, а не смотришь то, что там под помидор сосед поливает, льешь это огурцу, а огурцу это не надо»

(ж., 30 лет, архитектор, апрель 2022)

Крым раздора

Лишь несколько «активных» противников войны (например, участвовавших в антивоенных протестах) среди наших информантов отнеслись к аннексии Крыма сдержанно-положительно. Часть из них затем переосмыслили свои позиции — кто-то до 2022 года, а кто-то уже после начала вторжения России в Украину. Позиции «молчаливых противников» по поводу Крыма — более амбивалентные. Некоторые из них оправдывали присоединение Крыма геополитическими интересами России и тем, что там живут «русские люди»:

«Я, в принципе, понимаю действия России. Я вижу, что когда на Украине сменилась власть и она заняла проамериканскую позицию, то для России стало важно сохранить свои стратегические позиции на Черном море. Отсюда такое присоединение Крыма. То, что это было не полностью добровольно — это тоже понятно. Но то, что это произошло без кровопролития — это тоже факт»

(ж., 41 год, репетиторка, апрель 2022)

Многие информанты-противники объясняют, что особенно не интересовались ситуацией с Крымом и никакой радости по поводу его «присоединения» не испытали. А для тех, кто отнесся к аннексии Крыма негативно, это не стало переломным моментом в их отношении к политическому режиму в России. Таким моментом для них стала война:

«Я тогда, к сожалению, не особо на тот момент разбиралась в этой теме. Я знала по поводу аннексии Крыма, я относилась к этому отрицательно, поскольку все это незаконно было. Но я особо об этом не думала. То есть я особо этот вопрос, к сожалению, не изучала. Когда началась война, то я уже вникла в этот вопрос, прочитала много материалов о том, что происходило в 2014-м году и после, и я составила свое точное мнение. А особо я до этого в эту тему не вникала» **(ж., 19 лет, менеджер на складе, март 2022)**

Украина — не наше дело

В целом, объясняя свою позицию по поводу действий России в Украине в 2014-м году (и сейчас), большинство информантов-противников используют аргумент невмешательства в дела другого суверенного государства. Так как Украина была и остается отдельной страной, Россия не может претендовать на то, чтобы вмешиваться в решение ее внутривнутриполитических проблем:

«С моей точки зрения было прямо обидно и непонятно, что братские народы, а государства не дружат. Мне было непонятно, почему Россия так пытается вмешаться в политику Украины, у ребят же все нормально, одни держат курс на Европу»
(ж., 35 лет, маркетолог, март 2022)

Противники войны также, ожидаемо, отрицают наличие «фашизма» в Украине:

«Да, они были, националисты, они сбегаются в такие места — и с нашей стороны, и на этой стороны. Перебежали и на ту сторону националисты, и на сторону сепаратистов. Да, какое-то количество было, они есть, их немного просто. Сказать, что это формирует какую-то политику, что там националисты — это полная чушь. Националистические партии не прошли на выборах. О чем можно говорить?»
(м., 32 года, технолог по производству мебели, март 2022)

НАТО — несущественная угроза

В отличие от сторонников, информанты-противники войны не высказывают ни глубокой обеспокоенности отношениями России и НАТО, ни страха по поводу них. Большинство информантов говорят о том, что до начала военной агрессии России они не размышляли о НАТО — ведь политика Альянса не имела отношения ни к внутренним проблемам страны, которыми они были обеспокоены, ни к тому, с чем они сталкивались в своей частной жизни:

«А в плане НАТО, ну, НАТО... Мы не слышали о НАТО-то толком до вот этого конфликта. Ну, было там какое-то НАТО. Ну, где-то там оно что-то там защищало, у себя там, где-то что-то как-то. То, что там у нас поднимали в новостях постоянно истерику по этому поводу, ну, это было понятно с самого начала, что это притянута за уши, такого нет» (ж., 38 лет, руководительница отдела продаж, март 2022)

Говоря о НАТО, «активные» противники, по сравнению с противниками «молчаливыми», демонстрируют большую осведомленность и, самое главное, готовность рассуждать о внешней политике. В этом они напоминают сторонников войны **(см. п. 1.8)**: они чаще готовы выступать с позиции экспертов и давать оценки политическим событиям. Важно, что вторжение России в Украину и ответные меры стран Запада не изменили отношение противников войны к НАТО. У некоторых оно было более доброжелательным, у других — более критическим, но в текущей ситуации они скорее поддерживали позицию НАТО, чем противостояли ему.

ПОДДЕРЖИВАЮТ ЛИ ПРОТИВНИКИ ПУТИНА И РЕЖИМ?

Большинство информантов-противников войны говорят о том, что они или «всегда» негативно относились к российскому политическому режиму, или что их отношение ухудшалось постепенно. Последние связывают это ухудшение с моментами, когда, по их словам, они понимали, что больше невозможно не интересоваться политикой. Для наиболее аполитичных это случилось в феврале 2022 года:

«Я не могу сказать, что я прямо аполитичный человек, я скорее придерживаюсь умеренной оппозиции, очень умеренной оппозиции всегда. Я знаю, что надо просто пахать, работать и все у тебя будет хорошо и моя жизнь всегда показывала, что это так, что у тебя все будет хорошо. Все остальное не сильно про меня. Мои друзья мне говорили, что вообще-то

знаешь, Мемориал закрыли? Я такая: “Ладно, все, у меня проект”. Я скорее такая была. Но в этот раз я понимаю, что надо выходить»

(ж., 31 год, профессия неизвестна, март 2022)

Переживание вторжения политики в повседневную жизнь является для информантов-противников спусковым крючком и для присоединения к протестным действиям, и для нарастания их недовольства политическим режимом. Война воспринимается именно таким образом: политика настолько вторглась в повседневность, что невозможно ей не интересоваться, невозможно игнорировать происходящие события:

«[Я скорее] не интересуюсь политикой. Просто в данном случае невозможно совсем ей не интересоваться, потому что она повлияла на жизнь людей»

(ж., 32 года, няня, май 2022)

Для многих ухудшение отношения к власти в целом и Путину в частности было связано с предыдущими политическими событиями: кто-то упоминает трагедию на Курске в 2007 году, кто-то — «рокировку» в 2011; другие говорят об убийстве Немцова, «Движении за честные выборы»; есть те, кто стал замечать, что «страна движется куда-то не туда» после 2014-го года — после присоединения Крыма, санкций и начала войны на Донбассе. Те, кто принадлежит более молодому поколению, чаще упоминают события последних лет: митинги против внесения поправок в конституцию и в поддержку Навального после его задержания и ареста в 2021. Все эти события также описываются и переживаются в терминах «больше невозможно терпеть» и «все пошло куда-то не туда» и поэтому оказываются в одном ряду: арест Навального или убийство Немцова возмущает так же, как и реакция российского руководства на санкции, наложенные после присоединения Крыма, потому что все эти события сигнализируют информантам, по их словам, что достигнут некоторый предел:

«В прошлом году у меня очень многие, и я в том числе, очень близко подошли к тому, что надо выходить на

улицы. [Интервьюер: А с чем это было связано?]

С арестом Навального.

То есть ты видишь, понимаешь, что творится абсолютное беззаконие и молчать — это значит поддерживать. <...> Сегодня я стала еще ближе к тому, чтобы выходить на улицу.

Это уже такие, общечеловеческие вещи»

(ж., 35 лет, маркетолог, март 2022)

Большинство «активных» и большинство «молчаливых» противников войны еще до начала «спецоперации» в феврале 2022 года негативно относились к Путину и политическому режиму в России. Однако траектории политизации этих двух подгрупп различаются. Среди не решившихся присоединиться к протестам гораздо больше тех, кто раньше участвовал в несвязанных с политикой напрямую волонтерских инициативах: например, поддерживал приюты с животными или перечислял деньги экологическим движениям. Среди участников антивоенных протестных акций гораздо больше тех, кто ходил на протесты до войны, часто — начиная с 2011 года. Эти информанты описывают предыдущие протесты в ностальгическом ключе: прошлый опыт душевного подъема и единения противопоставляется страху и ощущению беспомощности, появляющимся во время участия в антивоенных протестах весной 2022 (**см. п. 3.7**). Среди протестующих также гораздо больше тех, кто жертвовал деньги на политические инициативы, например, на поддержку ОВД-инфо, и есть те, кто сталкивался с политическим / полицейским преследованием. Наконец, протестующие чаще являются выходцами из семей «оппозиционеров» — людей с ярко выраженной антиправительственной позицией с опытом участия в протестных акциях.

Таким образом, информанты-противники войны являются внутренне неоднородной группой в одних вопросах — например, в том, что касается отношения к аннексии Крыма или интереса

к политике в целом, но однородной в других. Они критически относятся к российскому политическому режиму и Путину и не считают (в том числе не считали в прошлом) НАТО угрозой России. До начала российской военной агрессии суверенность Украины была для них очевидным фактом.

Говоря о событиях в Украине в предыдущие годы, противники войны очень редко используют язык «геополитических интересов», наиболее близкий сторонникам «спецоперации». «Украинские нацисты» и «фашисты» появляются в их интервью только для того, чтобы быть отвергнутыми в качестве предлога для российского вторжения. В отличие от сторонников «спецоперации», противники войны больше обеспокоены внутренними проблемами России, чем внешними угрозами. Даже те, кто следил за внешнеполитической повесткой, не считали НАТО главной проблемой России. Информанты, которые противопоставляют сосредоточенность на своей частной жизни погружению в политическую повестку, есть и среди противников, и среди сторонников, и среди сомневающихся. Однако люди, принадлежащие разным группам, выстраивают отношения между частной жизнью и политикой по-разному. Так, взгляды аполитичных сторонников войны все равно имеют антиукраинскую и антизападную направленность. Сомневающиеся информанты используют частную жизнь как оправдание для удержания своей невовлеченности и отказа от суждения. Противники же войны переживают появление политики в их жизни как шок и прозрение: они бы и предпочли оставаться погруженными в частную жизнь, но в текущей ситуации это для них это оказывается невозможным.

Противники, сторонники и сомневающиеся: сравнение

Война разделила российское общество на разные лагеря. Кто-то уверенно поддержал ее, кто-то выступил категорически против, а кто-то так и не смог занять позицию. Выше мы описали сторонников, сомневающихся и противников «спецоперации» по одному и тому же набору характеристик. В этой части мы сравним эти группы между собой.

Сторонники считают войну неизбежной и оправданной мерой, и это то, что качественно отличает эту группу от двух других. Даже когда они не видят в войне ничего хорошего, они считают, что виновата в ней не Россия, а Украина и Запад. Сторонники чаще других используют геополитический язык для объяснения войны: ее причины они видят в борьбе России с Западом за сферы влияния, в агрессивной экспансии НАТО на Восток, к границам России, в стремлении Америки доминировать в мире. Сторонники часто рассматривают Украину как «фашистского» противника. Вместе с тем, «нацизм», «неонацизм» и «фашизм» для них контекстуальны: главным образом эти слова служат для риторического усиления аргументации, являясь синонимами не только абсолютного зла, но и «антирусскости». Даже те сторонники, которые говорят о себе как о противниках любых войн, не считают возможным критиковать действия «своей страны» до окончания текущих боевых действий.

Сомневающиеся объясняют свой отказ занимать позицию по поводу «спецоперации» «сложностью» ситуации и собственной недостаточной информированностью. Они отказываются и оправдывать войну, и осуждать ее. В отличие от сторонников и противников, сомневающиеся не считают, что ответственность за войну можно возложить на кого-то одного. Сами же они ощущают полное бессилие. Если сторонники войны полагают, что война была неизбежна, то сомневающиеся — что она необратима: она уже произошла и нет смысла ей сопротивляться. Сомневающиеся не понимают целей «спецоперации» и ее причин — как и многие противники. При этом, они считают, что если Россия начала войну, то для этого были достаточные основания, хотя им и неизвестно, какие. Они чувствуют себя пассивными и бесправными наблюдателями, которые не могут ни повлиять на ситуацию, ни разобраться в ней. Отличие сомневающих от сторонников и противников состоит в том, что если последние

вкладывают в войну субъективный смысл — от переосмысления собственной жизни наперекор войне (противники) до необходимости поддержать боевые действия вопреки моральным принципам (сторонники) — то первые, сомневающиеся, просто плывут по течению странной, изменившейся жизни.

Противники войны используют в первую очередь моральные и правовые аргументы — такие как недопустимость убийства людей или нарушение суверенитета другого государства — для того, чтобы обосновать свою позицию. Для многих из них, в отличие от сторонников, война не может быть оправдана в принципе. Как и сомневающиеся, они часто говорят, что не понимают, почему Россия напала на Украину. Однако для них это лишь подтверждает факт бессмысленности и аморальности войны. Там, где сомневающиеся предполагают недоступный их пониманию замысел и объективные, пусть и скрытые от них, причины, противники войны видят безумие Путина и властные амбиции российских политических элит. Для противников войны тот факт, что решение о начале «специальной операции» было принято от их имени, но не отражает их позицию, является важным аргументом против войны и против Путина. Сторонники и сомневающиеся, напротив, поддерживают, или по крайней мере не оспаривают, решение начать войну, именно потому что оно было принято их правительством и их государством.

Следует помнить, что реальные позиции людей в российском обществе в отношении войны представляют собой континуум. Среди сторонников войны есть как более, так и менее уверенные в своей поддержке люди, в чем-то напоминающие сомневающихся, часть которых также не считает возможным выступать против своей страны. Среди сомневающихся есть те, кто скорее склоняется к поддержке «специальной операции», а есть те, кто ближе к противникам. Наконец, среди противников есть как протестующие против войны в прямом и переносном смысле, так и те, кто не готов к публичному выражению своей позиции.

4² Эмоции

У большинства наших информантов — вне зависимости от их отношения к войне — известие о ее начале не вызвало положительных эмоций. Это — важное отличие текущей ситуации от присоединения Крыма в 2014, встреченного массовым ликованием.

Сторонники войны испытали меньше негативных эмоций, узнав о начале «спецоперации», и они пережили их быстрее, чем представители двух других групп. Только среди сторонников были те, кто, по их словам, узнав о начале «спецоперации», пережили позитивные эмоции (радость, облегчение или надежду). Если конфликт, с их точки зрения, был неизбежен, и случился не по вине России, то радость и облегчение — это закономерная реакция на затянувшееся ожидание, а отсутствие удивления или спокойствие — результат этой предопределенности. Эмоции тех сторонников, что испытали удивление, шок, или ужас, узнав о начале «спецоперации», сходили на нет, сменяясь принятием и смирением по мере того, как они сами утверждались в собственной позиции и отвечали для себя на вопрос о причинах, целях и последствиях войны.

Сомневающиеся, узнав о начале «спецоперации», испытали или удивление и недоверие (которые почти сразу же сменились полным отстранением от ситуации), или сильные и негативные эмоции, что роднит их с противниками войны. Однако в отличие от противников, сомневающиеся быстро пришли к выводу, что их переживания бессмысленны, ведь они не могут повлиять на ситуацию. Кроме этого, они ощущали, что эти переживания забирают у них энергию, необходимую для того, чтобы справляться с повседневной жизнью. В результате в большинстве случаев негативные эмоции сомневающихся ослабевали со временем, в том числе благодаря сознательным усилиям этих информантов, стремящихся отстраниться от своих эмоций как от лишних, ненужных. Ни негативные эмоции, ни неприятие войны в целом не стали для сомневающихся причиной или поводом

занять позицию, быть против войны. Наоборот, часто они воспринимались как помеха, препятствующая формированию непредвзятого взгляда на ситуацию.

Противники войны переживали самые сильные негативные эмоции не только из-за самой войны, но и из-за того, что российское общество в целом и их окружение в частности отреагировало на нее нормализацией и отрицанием. Именно сильные эмоции толкали противников войны к участию в протестах и другой антивоенной деятельности. Эмоции противников постепенно ослабевали, но это происходило гораздо медленнее, чем у сторонников и сомневающихся. Кроме этого, многие противники войны считали, что война не должна «придаться»: в каком-то смысле для них важно было продолжать ужасаться войне. Эта эмоциональная работа была для них частью гражданского долга — сопротивления нормализации. При этом многие из них, как и сомневающиеся, стремились воздействовать на свои эмоции. Однако, в отличие от сомневающихся, которые хотели перестать чувствовать, усилия противников были направлены на то, чтобы одновременно помнить и ужасаться войне, но при этом сохранять способность жить и действовать дальше.

Вне зависимости от своего отношения к «спецоперации», подавляющее большинство информантов говорят о том, что информации о войне, которую они получают из СМИ и социальных сетей, безоговорочно доверять нельзя.

Сторонники «спецоперации», как правило, утверждают, что они не доверяют СМИ. Во-первых, они считают, что объективных новостей не существует, потому что медиа всегда искажают информацию в чьих-то интересах. Однако освещение новостей о войне именно российскими официальными СМИ многие сторонники «спецоперации» считают наиболее объективными. Также они склонны доверять закрытым каналам и группам в социальных сетях, потому что последние дают им ощущение доступа к инсайдерской информации. Во-вторых, сторонники войны воспринимают пропаганду как легитимный инструмент политической агитации и часто критикуют российскую информационную политику за то, что она проигрывает западной. Они утверждают, что способны отличить правду от пропаганды и верифицировать информацию, которую черпают из разных источников. Все эти утверждения отражают риторику самих российских СМИ, которые создают картину мира, согласно которой «все врут». Важно, что, вопреки стереотипам, для многих сторонников пропаганда выполняет функцию не убеждения, а подтверждения: она дает набор аргументов для того, чтобы подкрепить уже существующие предпочтения и отразить аргументы противников.

Среди сомневающихся практически нет тех, кто считал бы официальные российские СМИ объективными. В то же время альтернативные СМИ — независимые российские медиа, украинские медиа, западные медиа — тоже рассматриваются ими как необъективные, потому что они участвуют в информационной войне. Однако, в отличие от сторонников и противников войны, сомневающиеся ставят под вопрос не только достоверность информации, которую они черпают из СМИ и социальных

сетей, но и свою собственную способность разобраться в ней. Из-за этого они часто не следят за новостями вообще. Чтобы оставаться в курсе событий, многие сомневающиеся обращаются к новостным агрегаторам, потому что они позволяют им просматривать новости «по верхам», не погружаясь в них.

Телевидение практически не присутствует в медийных репертуарах противников «спецоперации». То же самое касается закрытых Telegram-каналов и групп. Те, кто активно выступает против войны (например, участвует в антивоенных протестах) полагаются в первую очередь на оппозиционные медиа. Некоторые противники следят за проправительственными СМИ, но, как и сторонники, читающие оппозиционные или украинские медиа, они делают это, чтобы быть в курсе аргументов своих оппонентов. Западные и украинские СМИ, пусть и в меньшей степени, также попадают в поле зрения противников войны. Важную роль для противников войны играет информация, распространяемая отдельными людьми — журналистами, политиками, экспертами, деятелями культуры и шоу-бизнеса. Противники войны также ориентируются на свидетельства обычных людей (например, посты в социальных сетях с видео, фотографиями, историями потерпевших), потому что, по их мнению, их сложнее сфальсифицировать. Это отличает их от сторонников «спецоперации», которые, напротив, считают социальные сети источником «фейков» и не склонны доверять личным свидетельствам.

Противники войны доверяют СМИ больше сторонников и сомневающихся. Они часто разделяют источники информации на «правильные», которые придерживаются норм журналистской этики и заслуживают внимания, и «неправильные», которые занимаются пропагандой и формируют искаженную картину мира. Как и среди сторонников войны, значительная часть противников использует источники, транслирующие близкие им взгляды, в их случае — антивоенные.

4⁴ Друзья и близкие

Социальное окружение как сторонников, так и противников войны обычно или смешанное (то есть состоящее, в свою очередь, из сторонников и противников) или разделяет их взгляды. И тем, и другим это дает ощущение поддержки и собственной правоты. Сомневающиеся, напротив, чувствуют себя исключенными из мира, разбитого на два лагеря. Им тяжелее найти поддержку, чем сторонникам и противникам (потому что они избегают занятия позиции) и поделиться своими чувствами (потому что негативных эмоций они избегают тоже).

Сторонники войны считают, что главное их отличие от ее противников — это патриотизм. Они часто приравнивают поддержку «спецоперации» к поддержке России, а ее критику — к предательству. В их глазах любовь к родине требует лояльности решениям, принимаемым российским правительством и президентом. Антивоенная позиция в глазах сторонников войны — это удел людей, которые не разбираются в проблеме, не задумываются об угрозах для страны, и подвержены эмоциям (чрезмерной драматизации и агрессии в отношении оппонентов). Общаясь со своими оппонентами, сторонники прибегают как к спорам и спокойным дискуссиям, так и к избеганию разговоров о войне и разрыву отношений. Вместе с тем именно они чаще, чем представители других групп, по крайней мере в первые месяцы войны, готовы были спорить и даже разрывать отношения с людьми противоположных взглядов.

В отличие от сторонников войны, которые подразделяют свое окружение на «своих» и «чужих», сомневающиеся выделяют людей со «срединным мнением», то есть таких, как они, в отдельную группу. Сомневающиеся не имеют ясно сформированных представлений об оппонентах и единомышленниках. Как и для сторонников «спецоперации», для сомнеющихся важно любить свою страну и гордиться ей. Они тоже редко различают Россию-страну и российское правительство, но при этом они не считают тех, кто выступают против «спецоперации», предателями. Они

находятся между двумя лагерями, но не ощущают противостояния с каждым из них, так как частично разделяют взгляды обоих и видят разумные доводы и у сторонников войны, и у ее противников. Сомневающиеся могут подстраиваться под позицию близких, находя с ними точки соприкосновения (например, патриотизм, осуждение националистов, неприятие гибели мирных жителей). Они противопоставляют себя только тем, кто придерживается крайних взглядов, и провоенных, и антивоенных. В отличие от сторонников «спецоперации», сомневающиеся информанты не прекращают отношения с теми, кто не разделяет их мнения — в этом они похожи на противников войны. Как и противники войны, они стремятся избегать конфликтов. Однако помимо сохранения отношений для них важен и другой мотив — они не хотят вступать в дискуссии, которые, с их точки зрения, ни на что не повлияют.

Противники войны считают, что они и их единомышленники — это образованные люди, умеющие критически мыслить. Это работает и в обратную сторону: от обладателей «прогрессивных взглядов» они ждут, что те будут против войны. Это устойчивое убеждение продолжает существовать вопреки регулярным столкновениям с ситуациями, доказывающими обратное (когда «образованные» знакомые с «прогрессивными взглядами» поддерживают войну). Для противников войны сомневающиеся — такие же оппоненты, как и сторонники войны. Попытки сомнеющихся остаться «вне политики» и продолжать жить так, как будто бы ничего не происходит, возмущают противников войны. В их глазах отсутствие осуждения означает пусть и пассивную, но поддержку «спецоперации».

Противники войны достаточно быстро начинают избегать споров, сталкиваясь с противоположными мнениями в своем окружении. Если сторонники войны и сомневающиеся, желая избежать споров, часто, по их словам, пытаются оставаться в рамках уважительной дискуссии, то эмоциональная вовлеченность противников мешает им сохранять необходимое для таких разговоров хладнокровие. Поэтому избегание разговоров о войне с близкими людьми, придерживающимися противоположных взглядов, становится для них единственной

возможностью сохранить с ними отношения. Такие разговоры тяжело даются противникам из-за того, что каждый раз они убеждаются, что их близкие не разделяют с ними ценности, которые они считают базовыми. В результате противники войны, в отличие от сторонников, почти не разрывают связи с близкими людьми, придерживающимися других взглядов (однако легко расстаются с дальними знакомыми). Противники винят пропаганду в массовой поддержке войны, и надеются, по крайней мере в случае со своими близкими, что это заблуждение со временем пройдет.

Большинство сторонников войны прогнозируют ухудшение своего финансового положения и экономической ситуации в стране в целом. Они считают, что санкции против России были спланированы заранее и их основная цель — ослабить страну. Однако, несмотря на это, их взгляд на будущее экономики России — оптимистичный. Во-первых, они считают, что в прошлом (в 1990-е, после введения санкций в 2014-м) они уже переживали подобное, а значит, справятся и сейчас. Во-вторых, они полагают, что санкции могут дать толчок для развития независимой экономики в России, а уход западных компаний с российского рынка создаст благоприятные условия для местного бизнеса и государственного сектора. Для сторонников также важно, что санкции, наложенные на Россию, негативно отразятся и на экономике тех стран, которые их инициировали. В-третьих, многие сторонники противопоставляют собственные «высшие идеалы» «потребительству» условного запада и тех, кто выступает против войны (особенно по корыстным соображениям). Сторонники войны также боятся появления дотационных регионов и, в случае проигрыша России, распада страны.

В отличие от сторонников «спецоперации», которых больше беспокоят последствия войны для страны в целом, и от ее противников, рассуждающих о последствиях войны как для страны, так и для себя лично, сомневающиеся главным образом обеспокоены влиянием войны на свои собственные жизни. Они боятся возможного дефицита лекарств, потери социального статуса, дефицита товаров. В их рассказах встречаются и очень мрачные прогнозы, присущие противникам войны, и более оптимистичные оценки, например, надежда на импортозамещение или последующий экономический подъем, свойственные тем, кто поддерживает войну. По сравнению со сторонниками и противниками войны, которые часто рассуждают о ее последствиях с экспертной позиции, сомневающиеся гораздо менее уверены в своих прогнозах. Вместе с тем они

чаще, чем остальные, говорят о неопределенности, которая стала результатом войны, и о том, что они не понимают, какую стратегию им нужно выбрать в сложившихся обстоятельствах. Сомневающиеся чувствуют себя заложниками ситуации, которую они не создавали, но с последствиями которой им приходится иметь дело.

Противники войны в целом смотрят на ее последствия более пессимистично, чем сторонники и сомневающиеся. Часто они рисуют апокалиптические картины будущего: деградацию, бедность, рост социального беспокойства и преступлений. Они же, в отличие от сторонников и сомневающих, рассматривают эмиграцию как один из способов избежать этих последствий, по крайней мере, для себя. Многие убеждены, что Россия оказалась даже в худшем положении, чем Украина: экономика последней, пусть и полностью разрушенная, будет восстановлена за счет помощи других стран, в то время как Россия обречена на изоляцию и дальнейший упадок. Считая санкции обоснованными, противники войны, тем не менее, не думают, что они могут остановить войну. Наконец, только противники переживают войну как экзистенциальный кризис: они гораздо полнее других ощущают то, как война изменила всю их жизнь, уничтожила их будущее, и создала ситуацию, которую они не могут переживать иначе, чем через непрерывное страдание. Что важно, это касается и тех противников, экономическое благополучие которых не пострадало от войны.

4⁶ Жертвы

Сторонники «спецоперации» обычно или отрицают большое количество погибших («этого не может быть»), или нормализуют его, ссылаясь на то, что жертвы неизбежны на любой войне. Их жалость вызывают, прежде всего, российские солдаты, которых, однако, они редко причисляют к жертвам (ведь те выполняют свой долг), и жители Л/ДНР. Они винят в гибели людей украинскую сторону: армию, которая размещает оружие в жилых кварталах и «прикрывается» мирными жителями, мародеров, и «укробатальоны» («нацбаты»). Также вина за жертвы возлагается на тех, кто «вынудил» Россию начать этот конфликт. При этом сторонники войны считают, что российская армия, напротив, защищает мирное население Украины. Многие сторонники отказываются верить в то, что российские военные могут причинить мирным жителям какой-то вред, даже если они получат соответствующих приказ.

Сомневающиеся сопереживают и украинским мирным жителям, и военным с обеих сторон, в особенности молодым российским солдатам, которые попали на войну, не понимая ее смысла. В этом они отличаются от сторонников войны и похожи на ее противников. Однако, в отличие и от сторонников, и от противников, они не склонны рассуждать о том, кто несет ответственность за жертвы и разрушения. Они также не склонны занижать количество погибших, хотя и считают, что точную информацию о жертвах сейчас получить невозможно. Последнее убеждение позволяет сомневающимся отстраниться от информации о жертвах. Решение не следить за этой информацией, потому что она может быть сфабрикована, отличает сомнеющихся от противников войны, которые, соглашаясь с тем, что «фейки» есть везде, считают, что узнать правду можно (и нужно) — для этого следует просто лучше «фильтровать» информацию. Сомневающиеся отстраняются от информации о жертвах также потому, что полагают, что они бессильны повлиять на происходящее, и поэтому переживания не имеют смысла.

Большинство противников войны так или иначе следят за информацией о ее жертвах. Даже те, кто не следят или перестали следить за этой информацией активно, уверены, что масштаб жертв и разрушений гораздо больше, чем сообщается в официальных СМИ. Как и сторонники, противники войны чаще всего считают жертвами только мирных жителей. Однако они обычно говорят о мирных жителях на подконтрольных Украине территориях и редко — о мирных жителях на территориях Л/ДНР. Именно противники переживают по поводу жертв больше всего. Они возлагают вину за жертвы на Россию. При этом, несмотря на сильные эмоциональные переживания, многие противники войны не могут перестать следить за информацией о ее жертвах. Те же, кто все-таки перестают это делать, решаются на этот шаг только потому, что ощущают, что неспособны справляться со своими эмоциями и продолжать поддерживать свою повседневную жизнь в таком режиме.

Сторонники войны в целом осуждают антивоенные протесты, хотя многие из них и признают, что несогласные с политикой государства люди должны иметь право на выражение своего мнения. Они считают, что протестующие — это, в первую очередь, те, кто не смог разобраться в ситуации в силу своей эмоциональности и наивности и/или был введен в заблуждение «проплаченными» организаторами. Некоторые осуждают протестующих, потому что они идут против своей страны тогда, когда стране нужна поддержка, и, по сути, выступают за войну (то есть, продолжение вялотекущего конфликта на Донбассе вместо решительной «спецоперации», которая положит ему конец), а не за мир. Более того, сторонники убеждены, что протесты все равно ничего не изменят, и протестующие только играют на руку «двуличному западу», рискуя ради этого своей свободой. Сторонники считают, что политический режим может подавлять протесты тогда, когда они угрожают государству, и что этого делать не стоит, когда такой угрозы нет. При этом текущая ситуация представляется им неоднозначной: отделить тех, кто хочет свергнуть режим, от тех, кто искренне выражает свое мнение, сложно. Поэтому они считают репрессии вынужденной мерой, часто оправдывая их еще и тем, что они относительно мягкие — для текущей ситуации и по сравнению с тем, что происходит в других странах.

Сомневающиеся гораздо более лояльно относятся к антивоенным протестующим и менее лояльно — к репрессиям. У многих из них протестующие вызывают сочувствие и поддержку. При этом многие сомневающиеся также часто подчеркивают, что антивоенные протесты должны быть законными и мирными. Те сомневающиеся, которые оправдывают репрессии протестующих, обосновывают это в первую очередь тем, что протесты не были согласованы. Однако если сторонники имеют здесь определенное мнение: одни протесты законны, другие — нет и подлежат запрету, то для сомневающихся апелляция

к закону — это способ избежать позиции, растворив ее в «нейтральной» риторике неопределенности в духе «и нашим, и вашим» (протестовать и можно, и нельзя). Следуя той же логике, некоторые сомневающиеся говорят о том, что они могут понять и протестующих, и власть, которая их репрессировала. Среди сомневающихся гораздо меньше тех, кто считает, что в ситуации войны протесты неприемлемы, чем среди сторонников. В отличие от сторонников «спецоперации», сомневающиеся не говорят о том, что протестующие против войны предадут свою страну, или что ими манипулируют. Но вместе с тем, как и сторонники, они считают, что протесты не могут ничего изменить.

Противники войны похожи на сомневающихся и сторонников тем, что не надеются, что протесты могут остановить войну. Те из них, кто принимает в них участие, руководствуются другими мотивами. Им важно направить их негативные эмоции и неприятие войны в какое-то русло, превратить их в действие, которое, пусть и не изменит ситуации, но, по крайней мере, позволит им сделать свою позицию видимой — не только для других россиян, но и для людей за пределами России. Им важно показать, что не все россияне поддерживают войну. При этом растущий страх репрессий заставляет многих отказываться от дальнейшего участия в протестах или воздерживаться от участия в принципе.

И среди сторонников, и среди противников «специальной операции» есть те, кто, по их словам, следил за политическими новостями до войны, а также те, у кого был политический опыт. Среди сомневающихся таких людей практически нет.

Мнение сторонников «специальной операции» по поводу отношений России, Украины и НАТО до войны согласуется с их взглядом на конфликт. Сторонники считали и продолжают считать НАТО враждебной России организацией. Среди них нет тех, кто отнесся к Евромайдану положительно. Те, кто следил за политической ситуацией до начала войны, также полагают, что Украина — это лишенная субъектности страна, «зажатая» между двумя большими геополитическими игроками. Они восприняли Евромайдан как государственный переворот, направленный против России и способствующий развитию антироссийских настроений в Украине. Большинство следящих за политикой сторонников войны поддержали присоединение Крыма, считая это важной геополитической и стратегической победой России, и критиковали Россию за недостаточно решительные действия на Донбассе. Сторонники «специальной операции», которые не были погружены в политическую повестку до войны, в целом не интересовались происходящим в Украине до 2022 года, потому что не считали, это каким-то образом может затронуть их частную жизнь. Напротив, их раздражало обилие новостей, посвященных событиям в Украине. Это сближает аполитичных сторонников войны с сомневающимися и некоторыми противниками, которые также предпочитали не углубляться в политику. Однако, в отличие от других групп, большинство сторонников войны считают, что Путин достоин их поддержки, по крайней мере в текущей ситуации и несмотря на существующие в стране экономические и социальные проблемы, которые вызывают больше всего критики среди сторонников «специальной операции».

Большинство сомневающихся в своей оценке войны информантов до начала войны не интересовались политикой — ведь политика не влияла на их повседневную жизнь. В отличие от противников войны, они не изменили своего отношения к политике и после начала «спецоперации». У них не было мнения как по поводу отношений России и Украины, так и по поводу расширения НАТО. Те, кто периодически следили за новостями, говорят о своих взглядах в очень умеренном ключе, стараясь сбалансировать свои высказывания. Например, рассуждая о присоединении Крыма, они могут подчеркивать «неоднозначность» ситуации, не скрывая при этом, что восприняли эту новость положительно. В отличие от сторонников и противников войны, сомневающиеся рассматривают политику через призму человеческих отношений: например, они жалуются на необоснованно враждебное, на их взгляд, отношение украинцев к россиянам после 2014-го года или, оценивая деятельность политиков, прежде всего рассуждают о них как о людях, которые могут совершать ошибки. Отношение большинства сомневающихся к Путину и власти в целом колеблется от незаинтересованности и попыток отстраниться до недовольства, которое в первую очередь связано с ситуацией внутри страны. По сравнению со сторонниками «спецоперации», сомневающиеся более развернуто говорят о волнующих их социальных проблемах, критикуют российское правительство за повышение пенсионного возраста и, самое главное, недовольны ущемлением политических свобод — например, отсутствием честных выборов и изменением конституции.

Противники войны гораздо более политизированы, чем сомневающиеся. Однако в отличие от сторонников, до начала «спецоперации» большинство противников следили не за международной повесткой, а политической ситуацией внутри страны. Противники считают Украину суверенным государством, в дела которой Россия не имела и не имеет право вмешиваться, и не воспринимают (и не воспринимали в прошлом) НАТО как угрозу. Несмотря на то, что многие еще до войны негативно относились к Путину, они нейтрально восприняли аннексию Крыма и не следили за событиями в Украине. Такое равнодушие

противники войны как раз и объясняют приоритетом внутренней политики над внешней. Большинство противников войны говорят о том, что они или «всегда» негативно относились к российскому политическому режиму, или что их отношение ухудшалось постепенно. Среди участников антивоенных акций гораздо больше тех, кто уже ходил на оппозиционные протесты до войны, часто — начиная с 2011 года. Если сомневающиеся часто оправдывают отсутствие у себя интереса к политике приоритетом частной жизни, аполитичные противники, напротив, считают, что война сделала дальнейшее избегание политики невозможным.

Заключение

Этот текст знакомит читателя с результатами анализа качественных социологических интервью с людьми разных взглядов по поводу «спецоперации», собранных в феврале — июне 2022 года. Мы разделили наших информантов на три группы — сторонников «спецоперации», сомневающих, и её противников (последние включают и участников антивоенных протестов). Хотя выборка нашего исследования не является репрезентативной, она, тем не менее, отражает некоторые тенденции, зафиксированные репрезентативными опросами: например, различия между сторонниками и противниками по полу, возрасту и доходу. Некоторые наши выводы подтверждают результаты проводимых ранее опросов. Однако мы впервые, опираясь на большой массив качественных данных, систематически смотрим на то, как именно люди размышляют о войне — и показываем, как их размышления и позиции неотделимы от переживаемых ими эмоций, их надежд и страхов, информационного пространства, в котором они находятся, их предшествующего опыта и взглядов.

1° Отношение к войне ее сторонников, противников и тех, кто сомневается в своей позиции, во многом представляет собой континуум, где различия могут быть описаны в терминах «сильнее — слабее» или «больше — меньше».

САМЫЕ СИЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ в ответ на известие о начале войны испытали ее противники, и у них же эти эмоции были самыми негативными. Наименее эмоциональными (и негативными) оказались сторонники. Сомневающиеся находятся посередине между этими группами.

БОЛЬШЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЮТ государственным медиа сторонники войны, оппозиционным — противники, а сомневающиеся не доверяют никому. Если говорить о воздействии государственной пропаганды, то именно сторонники «спецоперации» чаще, чем остальные группы, воспроизводят ее основные доводы и языковые клише. Сомневающиеся могут пересказывать их, но не соглашаться (или, чаще, воздерживаться от суждения), противники же опровергают их.

СТОРОННИКИ ГОРАЗДО СКРОМНЕЕ, чем все остальные, оценивают масштаб жертв среди украинского мирного населения. Противники же, напротив, считают, что жертвы огромны. Сомневающиеся, снова, находятся посередине.

СТОРОННИКИ ГОРАЗДО ОПТИМИСТИЧНЕЕ смотрят в будущее и выражают меньше беспокойства по поводу экономических и социальных последствий санкций. Прогнозы противников — самые пессимистичные, а сомневающиеся находятся между этими двумя группами.

СТОРОННИКИ СКОРЕЕ поддерживают Путина и российский политический режим (пусть и критикуя его внутреннюю политику), противники — скорее недовольны, а сомневающиеся обычно не выражают ни поддержки режиму, ни слишком резкой критики.

СТОРОННИКИ БОЛЬШЕ ДРУГИХ склонны осуждать антивоенные митинги и оправдывать репрессии в адрес протестующих, сомневающиеся же скорее сочувствуют протестующим и осуждают репрессии.

2°

По некоторым характеристикам сторонники и противники войны похожи друг на друга и отличаются от сомневающихся. В первую очередь это касается степени политизированности и склонности рассуждать о происходящих событиях с экспертной позиции.

ТАК, СРЕДИ сторонников и противников достаточно много тех, кто рассуждает о причинах войны, ее последствиях, жертвах, новостях и реакции международного сообщества как эксперты. Это позволяет им занять определенную позицию в отношении войны, но одновременно делает их менее гибкими. Им сложнее принимать во внимание мнения, с которыми они не согласны, и, например, следить за СМИ, которые не выражают их позицию. Также им сложнее поддерживать отношения с теми, кто не принадлежит к их «лагерю». Сомневающиеся, напротив, воздерживаются от любых категоричных суждений, за исключением тех, которые позволяют им сохранять видимость нейтральности и невовлеченности. Это делает их более открытыми к информации из разных медиа, хотя вместе с этим они меньше, чем противники и сторонники, заинтересованы в том, чтобы за такой информацией внимательно следить. Это же позволяет им общаться с людьми, придерживающимися самых разных позиций относительно войны. Но это же лишает их той эмоциональной поддержки, которую и сторонники, и противники войны могут получить от своих единомышленников. У сомневающихся также нет возможности конвертировать свои эмоции в действия.

СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ ВОЙНЫ БОЛЕЕ политизированы, чем сомневающиеся: среди них есть и те, кто внимательно следил за политическими новостями до войны, и активисты с предыдущим протестным и политическим опытом. Среди сомневающихся таких людей практически нет. Поэтому, хотя часто сомневающиеся оказываются похожи на противников войны — например, они испытывают много негативных эмоций, беспокоятся о жертвах, сочувствуют протестующим в России — их деполитизированность и сфокусированность на частной жизни в противовес жизни политической принципиально отличает их и от противников, и от сторонников. Ощущая бессилие и делегируя право принимать важные решения политическим элитам, сомневающиеся не могут превратить свое недовольство в позицию.

МЕЖДУ СОМНЕВАЮЩИМИСЯ И СТОРОННИКАМИ ТАКЖЕ есть сходства. Одно из самых важных — они часто не разделяют страну, народ, государство и правительство. Это отождествление России и Путина отвечает за часть, и скорее всего значительную, поддержки войны. Противники же, напротив, определяют себя через противопоставление государству, которое начало войну, пытаясь при этом сохранить российскую идентичность

3° Есть то, что, несмотря на все различия, является общим для сторонников войны, ее противников и сомневающихся.

И СТОРОННИКИ, И ПРОТИВНИКИ, И СОМНЕВАЮЩИЕСЯ обеспокоены социальными проблемами внутри России. Даже сторонники, склонные «откладывать» свою критику режима до момента, когда закончится война, упоминают, что экономика и социальные проблемы — это то, с чем путинский режим справляется хуже всего.

ДЛЯ ВСЕХ ТРЕХ ГРУПП ИХ ЭМОЦИИ, взгляды и позиция по поводу войны взаимосвязаны и влияют друг на друга. Например, у противников

войны их эмоции усиливаются благодаря их позиции — они считают, что они не должны прекращать переживать ужас войны. Сторонники, наоборот, справляются со своими эмоциями с помощью убеждения, что «все идет по плану», а сомневающиеся — убеждая в себя в том, что их переживания все равно не имеют смысла. То же самое можно сказать про их отношение к санкциям и оценку жертв.

СО ВРЕМЕНЕМ И СТОРОННИКИ, И ПРОТИВНИКИ, И СОМНЕВАЮЩИЕСЯ начинают все больше избегать разговоров о войне и прикладывают больше усилий для того, чтобы обуздать свои негативные эмоции. Эта динамика является общей для всех трех групп.

4

°Наконец несмотря на то, что некоторые характеристики групп можно описать через идею континуума, где мнения распределены между двумя крайними полюсами уверенных сторонников и уверенных противников войны, суждениями каждой группы управляет собственная логика.

СТОРОННИКИ СКЛОННЫ ОТРИЦАТЬ ВОЙНУ, ее жертвы и ее последствия: они говорят о том, что эта война — не настоящая и что Россия не является агрессором; они не верят в большое количество жертв и оптимистичнее, чем другие группы, смотрят на последствия войны и санкций для страны.

СОМНЕВАЮЩИЕСЯ ПЫТАЮТСЯ ИЗБЕГАТЬ вторжения «далекой» войны в их повседневность: они не хотят занимать позицию по поводу «спецоперации» и стараются эмоционально отстраниться от происходящего (что, однако, не всегда им удается).

НАКОНЕЦ, ПРОТИВНИКИ ЗАХВАЧЕНЫ непрерывным переживанием войны: война, хотя она и происходит в другой стране, вторгается в их повседневность на самых разных уровнях. Им сложнее отстраниться от своих эмоций,

которые, к тому же, являются отражением их экзистенциального ужаса перед ситуацией; они теряют контакты с их привычной социальной средой и часть из них вынуждены покидать страну.

СТОРОННИКИ, ПРОТИВНИКИ И
СОМНЕВАЮЩИЕСЯ говорят о войне на разных
языках — геополитики, интересов и морали.

Наличие этих трех измерений — континуальности, межгрупповых сходств и различий, и внутригрупповых логик — усложняет картину и делает прогнозы по поводу того, как восприятие войны россиянами может измениться в будущем, рискованным предприятием. На момент завершения работы над этим текстом в августе 2022 года, почти через шесть месяцев после начала вооруженного вторжения России на территорию Украины, опросы общественного мнения демонстрируют достаточно статичную картину. Согласно последним [данным](#), распределение между сторонниками и противниками войны остается примерно тем же, что и в ее первые месяцы (69% поддерживают, против 23%). На основе нашего исследования мы можем выдвинуть некоторые предположения по поводу возможных изменений.

Большинство изменений, которые мы видели в наших интервью, происходили в первые дни и недели войны. Некоторые из тех, кто был шокирован новостями о вторжении, постепенно двигались в сторону нейтралитета или неуверенной поддержки, если их окружение поддержало войну, они не были политизированы до этого, и они пользовались официальными источниками информации. Некоторые из тех, кто сразу поддерживали «спецоперацию», постепенно

начинали сомневаться в оправданности этой поддержки — видя, например, что российские войска действуют не только на территории Донбасса, а сама «спецоперация» затягивается и приводит к жертвам. Но уже в течение первого месяца позиции людей стабилизировались.

Мы практически не наблюдали ситуаций, в которых сторонники войны превращались бы в ее противников и наоборот. Иными словами, люди, которые считали агрессию России оправданной в марте 2022-го года, скорее всего, будут находить ей оправдания и дальше. Однако определенные мнения по поводу войны и ее последствий могут быть (и бывали) пересмотрены, в первую очередь — мнения о целесообразности продолжения «спецоперации». Обычно причинами этого пересмотра становилось — и, вероятно, будут становиться дальше — ухудшение экономической и социальной ситуации в стране вместе с «затягиванием» конфликта. Это то, что волнует и сторонников, и противников, и сомневающихся, и, что более важно, именно социальные проблемы были общей точкой недовольства еще до войны.

Однако ситуация может развиваться и иначе. Время и потери, как экономические и человеческие, так и репутационные, связанные с войной, делают отказ от нее более болезненным и дорогостоящим в глазах людей. И можно ожидать как усиление позиций тех, кто будет готов поддержать ее прекращение на любых условиях, надеясь на лучшее, так и усиление позиций тех, кто будет хотеть «воевать до победы» (ведь чем дольше длится конфликт, тем больше плата за поражение). Так, например, в одном из наших интервью сторонница войны объясняет, что она поддержала «спецоперацию», потому что верила, что та будет короткой и успешной.

Сейчас же, несмотря на то, что ей не нравится затягивание войны, она еще сильнее хочет, чтобы Россия «победила».

По данным [опросов](#), в настоящий момент примерно одинаковое количество людей готовы поддержать и новое наступление на Киев, и начало переговорного процесса. В отличие от первых месяцев войны, гораздо меньше людей надеются на скорое прекращение «спецоперации». Возможно, наступление осени, когда, согласно [прогнозам](#) экспертов, экономическая ситуация в России под влиянием санкций ухудшится, сможет изменить сложившиеся отношение к войне.

**лаборатория
публичной
социологии**

12.09.2022